

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС ЕКАТЕРИНБУРГ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

№ 1 (86)
2024

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Сравнение концептов «доверия» в политической социологии и социологии управления

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

Методика анализа качества жизни в регионе

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Состояние и перспективы поддержки студенческих семей в системе высшего образования: экспертные оценки

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Методика оценки эффективности стратегического управления предприятиями общественного питания в условиях неопределённости

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Привлечение иностранцев к труду в России: опыт ретроспективного анализа

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

2024 Т. 18, № 1 (86)

MANAGEMENT ISSUES

2023, vol. 18, no. 1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Чевтаева Наталия Геннадьевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Балынская Наталья Ринатовна – Южно-Уральский институт искусств имени П.И. Чайковского (Челябинск, Россия)

Керимов Александр Алиевич – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ростовская Тамара Керимовна – Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия);

Руденкин Василий Николаевич – Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Скоробацкий Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Атанесян Артур – Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)

Кумар Правин – Индийский институт высшего образования и исследований (Ченнаи, Индия)

Сюлейманлы Эбульфез – Университет Ускюдар (Стамбул, Турция)

Тце Серене – Университет Нинбо – Объединенный институт Университета Анже (Нинбо, Китай)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Трушков Дмитрий Игоревич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.4. Финансы (экономические науки)

5.2.6. Менеджмент (экономические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-85748 от 25.08.2023.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛА РАЗМЕЩАЮТСЯ:

- на официальном сайте;
- в научной электронной библиотеке eLibrary.ru;
- в открытой библиотеке CyberLeninka.ru;
- в ЭБС Лань;
- в библиотеке ЛитРес.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Natalia G. Chevtaeva – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Natalia R. Balynskaya – South Ural Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky (Chelyabinsk, Russia)

Aleksandr A. Kerimov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Vasily N. Rudenkin – Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

Artur Atanesyan – Erevan State University (Erevan, Armenia)

Praveen Kumar – Bharath Institute of Higher Education and Research (Chennai, India)

Ebulfez Süleymanlı – Uskudar University (Istanbul, Turkey)

Serene Tze – Ningbo University – University of Angers Joint Institute (Ningbo, China)

EXECUTIVE SECRETARY

Dmitry I. Trushkov – Ural Institute of Management – branch of RANEPА

The journal is included in the list of leading peer-reviewed academic journals, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science:

5.2.1. Economic theory (Economic Sciences)

5.2.3. Regional and sectoral economy (Economic Sciences)

5.2.4. Finance (Economic Sciences)

5.2.6. Management (Economic Sciences)

5.4.4. Social structure, social institutions and processes (Sociological Sciences)

5.4.7. Sociology of management (Sociological Sciences)

5.5.2. Political institutions, processes, technologies (Political Sciences).

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-85748 dated August 25, 2023.

Журнал входит в перечень журналов, утвержденный ученым советом РАНХиГС, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по экономическим, социологическим и политическим наукам.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER and PUBLIC ADMINISTRATION

Веденин В. А.

Сравнение концептов «доверия» в политической социологии и социологии управления

Vedenin, V. A.

5 Comparing 'trust' concepts in political sociology and sociology of governance

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS and MANAGEMENT

Яндыбаева Н. В.

Методика анализа качества жизни в регионе

Yandybaeva, N. V.

21 Methodology of analyzing quality of life in a region

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

Ростовская Т. К., Князькова Е. А.

Состояние и перспективы поддержки студенческих семей в системе высшего образования: экспертные оценки

Rostovskaya, T. K., Knyazkova, E. A.

36 State and prospects of support for student families in the higher education system: expert assessments

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

CORPORATE MANAGEMENT

Базуева Е. В., Старожук А. А.

Методика оценки эффективности стратегического управления предприятиями общественного питания в условиях неопределённости

Bazueva, E. V., Starozhuk, A. A.

52 Methodology for assessing the effectiveness of strategic management of public catering enterprises under uncertainty

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT and PUBLIC ADMINISTRATION

Быков К. В.

Эффективное управление историко-культурным наследием как фактор преодоления региональных неравенств

Bykov, K. V.

69 Effective management of historical and cultural heritage as a factor in overcoming regional inequalities

Чернышева Н. В.

Привлечение иностранцев к труду в России: опыт ретроспективного анализа

Chernysheva, N. V.

83 Attracting foreigners to work in Russia: A review of past experiences

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER
and PUBLIC ADMINISTRATION

СРАВНЕНИЕ КОНЦЕПТОВ «ДОВЕРИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

В. А. Веденин^а

^а Государственный академический университет гуманитарных наук
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В данной статье проведена систематизация, анализ и сравнение концептов доверия в двух отраслевых социологиях: социологии управления и политической социологии. Как показал анализ источников литературы, подобное сравнение еще не проводилось никем из научного сообщества. Автор предпринял попытку разделения концепта доверия, чтобы продемонстрировать их предметную разнонаправленность.

Хотя тема доверия уже описана многими исследователями, но не многие из них обращают внимание на сложность в измерении и классификации доверия. Большинство авторов, исследующих проблему доверия, не разделяет его по отраслям научных дисциплин, что вызывает методологические разногласия, которые могут нарушить ход исследовательского процесса, который приведет к неверным результатам.

Методология и методы. В этом разделе статьи автор при помощи общенаучных методов сравнения и анализа предпринял попытку теоретического и методологического разделения проблемы доверия. Основанием служат классические теории изучения доверия, которыми пользуются ученые при разработке и изучении проблемы доверия в своих областях науки.

Результаты. В текущей части нашей статьи мы показали сравнение двух концептов доверия, основываясь на работах отечественных авторов в области изучения социологии управления и политической социологии, а также на проведенных в них исследованиях.

Выводы. Существуют несколько различий в диаде «активное-пассивное» доверие, заключающееся, в первую очередь, в дальнейшем анализе социологических предметов. В случае политической социологии это последствия политических решений, связанных с гражданами, а в социологии управления – изменение процессов принятия и реализации управленческих решений, а также изменение самого процесса управления. В диаде «личностное-институциональное» доверие в политической социологии изучаются оба типа, когда в социологии управления личностное доверие не исследуется по ряду причин. Необходимо также заметить, что политическая социология ориентирована на диагностику проблемы доверия в обществе, а социология управления, в свою очередь, предлагает разработанные научно-практические технологии по решению данных проблем. Это наглядно демонстрирует нам разницу в подходах к концептуальному изучению доверия в социологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: доверие, социология управления, политическая социология, политическое доверие, доверие в управлении, доверие в социологии.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Веденин В. А. Сравнение концептов «доверия» в политической социологии и социологии управления // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 1. С. 5-19. EDN RTRDLQ. DOI 10.22394/2304-3369-2024-1-5-19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Веденин Владимир Алексеевич – Государственный академический университет гуманитарных наук — аспирант (119049, Россия, Москва, Мароновский переулок, 26); vladimir.grishakov1@yandex.ru. SPIN-код: 7539-3448.

Статья поступила 23.09.2023; рецензия получена 07.11.2023; принята к публикации 10.12.2023.

COMPARING 'TRUST' CONCEPTS IN POLITICAL SOCIOLOGY AND SOCIOLOGY OF GOVERNANCE

V. A. Vedenin^b

^a State Academic University of Humanities
(Moscow, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. This article systematizes, analyzes and compares the concepts of trust in two sectoral sociologies: management sociology and political sociology. As an analysis of literature sources has shown, such a comparison has not yet been made by anyone from the scientific community. The author attempted to separate the concept of trust in order to demonstrate their substantive diversity.

Although many researchers have already covered the topic of trust, few of them have considered the complex nature of measuring and classifying trust. Most authors exploring the issue of trust do not categorize it across scientific disciplines, which creates methodological differences that can disrupt the research process and lead to incorrect results.

Methodology and methods. In this section of the article, the author, using general scientific methods of comparison and analysis, attempted to theoretically and methodologically separate the problem of trust. The basis is the classical theories of the study of trust, which are used by scientists when developing and studying the problem of trust in their fields of science.

Results. In the current part of our article, we showed a comparison of two concepts of trust, based on the works by domestic authors in the field of studying the sociology of management and political sociology, as well as on the conducted research.

Discussion. There are several differences in the 'active-passive' trust dyad, consisting primarily in further analysis of sociological subjects. In the case of political sociology, these are the consequences of political decisions related to citizens, and in the sociology of management, changes in the processes of making and implementing management decisions, as well as changes in the management process itself. In the 'personal-institutional' dyad trust, both types are studied in political sociology, while in the sociology of management personal trust is not studied for a number of reasons. It should also be noted that political sociology is focused on diagnosing the problem of trust in society, and the sociology of management, in turn, offers developed scientific and practical technologies for solving these problems. This clearly demonstrates the difference in approaches to the conceptual study of trust in sociology.

KEYWORDS: trust, sociology of governance, political sociology, political trust, trust in governance, trust in sociology.

FOR CITATION: Vedenin, V. A. (2024). Comparing 'trust' concepts in political sociology and sociology of governance. *Management Issues*, 18(1), 5–19. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-1-5-19>

AUTHORS' INFORMATION:

Vladimir A. Vedenin – State Academic University of Humanities — *postgraduate student* (26, Maronovsky Lane, Moscow, 119049, Russia); vladimir.grishakov1@yandex.ru. SPIN: 7539-3448.

The article was submitted 09/23/2023; reviewed 11/07/2023; accepted for publication 12/10/2023.

■ ВВЕДЕНИЕ

При изучении доверия ученые неизбежно сталкиваются с рядом проблем, которые носят дискуссионный характер и требуют изучения.

Первой проблемой является аспект измерения критерия доверия. Как показывает практика, доверие чаще всего изучается при помощи опросного метода, который подразумевает, что все респонденты вкладывают во все понятия анкеты одинаковый смысл, а также способны рационально оценивать свое отношение к органам государственной власти. В научном сообществе возникают сомнения в целесообразности прямолинейного измерения изучения политического доверия. Самой важной причиной подобных сомнений изучения доверия является комплексность самого понятия, а также его субъективность, которая не может быть зафиксирована просто так «в лоб».

Вторая проблема – возможная стагнация неэффективных отношений государственного управления. Высокий уровень доверия государственным деятелям открывает врата к возможному становлению тоталитаризма в обществе, а полное доверие к государственному аппарату стимулирует пассивность населения, которое приводит к полной зависимости его от органов государственного управления, аполитичности. В этой связи возникает необходимость в недоверии к власти, которое вырабатывает критический взгляд на природу политических решений.

Последняя, но не менее важная проблема заключается в признании важности роли доверия в функционировании государственного управления. Суть ее сводится к причинам формирования доверия, а также к технологии его фокусировки на определенный объект [1, с. 152–154].

Чтобы избежать некорректности сравнения концептов доверия в двух социологических дисциплинах, мы предпримем попытку их научно обоснования, а также выделим различительные особенности, которые позволят нам разде-

лить подходы к изучению доверия в социологии управления и политической социологии.

■ МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Теоретической и методологической базой исследования стали произведения зарубежных и отечественных классиков в области социологии управления и политической социологии.

Анализ решений, принятых правителями, всегда интересовал человечество. Подобные действия опирались на логический характер, личное видение правителей или просто «здравый смысл», однако они не несли под собой какой-либо концептуальный характер, поэтому являлись скорее стихийными, нежели системными. Политика выступала объектом исследования многих авторов, начиная от античного времени и средневековья, заканчивая учеными нового времени.

По мере развития социологической науки и ее распространения во всех сферах жизни, она начинает влиять и на политику, формируя новую, отдельную социологическую дисциплину – политическую социологию.

А. И. Стронин считается первым автором, который ввел социологический дискурс в русло политики. Исследователь разделяет понятия «теоретическая наука» и «практическое искусство». Политическая социология в его видении подразделяется на прикладную и фундаментальную теорию, где сначала выделяется структуризация политического процесса в России конца XIX в., а затем производится диагностика современного состояния и прогнозирование решений проблем¹.

П. А. Сорокин также осуществляет разделение науки на теоретическую и прикладную, где прикладная выступает в роли социальной по-

¹ Стронин, А. И. Политика как наука: политическая диагностика и прогнозистика России / А. И. Стронин. 2-е изд. М.: URSS, 2016. 530 с.

литики, нося коррективно-рекомендательный характер².

Теперь перейдем к рассмотрению концепта доверия в политической социологии. Для начала нужно дать краткую характеристику политической социологии как отрасли научного знания, чтобы в дальнейшем сформировать более полную картину о концепте доверия в этом разделе социологии.

Как и все отраслевые теории, политическая социология может охарактеризовать свой объект как деятельность (процесс), социальную группу и социальный институт. Приводя пример, можно сказать, что и государство, и политические партии могут быть рассмотрены в качестве больших социальных групп, которые имеют особые ролевые и статусные характеристики, специфические формы деятельности, а также уникальный набор норм и ценностей, отвечающих за регуляцию функционирования и развития взаимодействия между группами [2, с. 141–142].

Нас интересует два предметных поля политической социологии, которые также исследуются и в социологии управления:

- политические институты, их позиция в системе общественных координат, взаимодействие между ними, функции этих институтов;
- взаимодействие отдельно взятых индивидов, а также социальных групп с государством, способы граждан взаимодействовать с субъектами политических институтов³.

Е. В. Золотарева пишет, что, несмотря на накопленный теоретический массив и огромное количество разных исследований, политическая социология имеет неопределенное место в системе общественных наук и находится в центре полемики между специалистами в области политических наук и социологии. Одна из групп ученых полагает, что политическая социология является частью социологии политической, будь то социология образования или культуры, другая же считает, что эта социологическая дисциплина все еще не имеет четко установленных границ, потому что многие дискурсы разделе-

ны между собой, с одной стороны, социологией, а с другой – политической наукой.

Присущие социологии методы изучения политики ориентированы на изучение политики как на создание, поддержку и развитие социального порядка. Действия правителей государств, политических партий, социальных групп, электората рассматривается в контексте формирования и развития властно-управленческих структур в обществе, механизмов социального контроля на разных уровнях политической организации конкретного социума. Социология рассматривает власть в рамках социального контроля, являющегося одним из ключевых факторов любой социальной организации. Каждый элемент общества, от отношений в семье до взаимодействия субъектов управления во властных структурах, включает в себя функции власти, обязывающие эти элементы соблюдать заранее установленные правила, присущие разным уровням организации. Причем от комплексности развития и структуры организации зависит детализированность свода правил и норм, их жесткая иерархизация [2, с. 142–143]. Таким образом, акцент в политической социологии по сравнению с социологией управления смещен, в большей степени, в сторону изучения свойств властно-управленческих структур, их норм и правил, а также процесса их формирования, регулирования и изменения.

Если рассматривать теории доверия в политической социологии, то необходимо начать с Н. Лумана, который утверждал, что доверие является оценкой риска потенциального взаимодействия [3]. В этом ему противостоял Э. Гидденс, утверждая, что доверие – продукт прошлых отношений между людьми [4].

В статье П. М. Козыревой и А. И. Смирнова поясняется, что всеобъемлющего и полного определения политического доверия нет. Как пишут сами авторы, доверие «означает уверенность граждан страны (или некоторой их части) в правильности политических позиций и действий тех или иных политических сил, институтов, государственных и политических деятелей, соответствии их политических позиций своим собственным убеждениям, в способности конкретных политических субъектов реализовать провозглашенные цели и программные установки, готовность оказывать им поддержку» [5, с. 81]. Политическое доверие также характеризуется не только доверием к полити-

² Сорокин, П. А. Система социологии / П. А. Сорокин; [авт. предисл. Липский А. В.; Российская акад. наук, Ин-т социологии]. М.: Наука, 1993. 447 с.

³ Баранов, А. В. Политическая социология и методы прикладных политических исследований : учебно-методическое пособие / А. В. Баранов, Ю. В. Костенко. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2022. 168 с. С. 38. ISBN 978-5-8209-2221-3. EDN ZRMBAR.

ческим субъектам, но и доверием к политике как таковой. Оно характеризует уровень политического сознания граждан, отношение к субъектам политической жизни, является индикатором авторитета властных структур.

Политическое доверие выстраивается на основе нескольких факторов: рационального и эмоционального поведения индивида, а также поддержки политических субъектов, доверие к которым выстраивается путем накопления личного опыта или же использования опыта других индивидов (опосредованного). Доверие имеет под собой основание в качестве социального взаимодействия, что отличает его от религиозных чувств, веры. В качестве оснований политического доверия могут выступать: политические компетенции; мнение авторитетного актора взаимодействия, личные предпочтения, общественное мнение; политический, жизненный или иной опыт, на котором основывается индивид. Благодаря этому списку критериев у индивида развивается политическая грамотность, его предпочтения, привычки. Например, формой доверия граждан может являться уверенность в легитимности действий политического режима, ожидания разного рода политических событий, связанных с действиями политических институтов и т.д.

Существуют и другие подходы к изучению политического доверия. Доверие может являться не только результатом рационального взаимодействия между субъектами, но и может быть иррациональным, спонтанным и немотивированным [6, с. 71].

Политическое доверие играет на руку развитию демократических процессов общества в России, приводящих к укреплению политической устойчивости и стабильности работы общества в целом и политических систем в частности. Многие научные теории и концепции, которые развиваются в области политической культуры, отмечают, что для развития демократической системы в нашей стране необходимо принятие таких культурных норм и ценностей, которые подразумевают не только высокий уровень политического доверия, но и развитость доверия межличностного, толерантность и чувство гражданской идентичности. Такие установки и ценности ассоциируются с термином «гражданская культура», который ввели Г. Алмонд и С. Верба [7].

Отмечается также тот факт, что даже при соблюдении всех необходимых требований к демократическому обществу оно не может быть в полной мере устойчивым. Даже наиболее продвинутая форма демократии не может со стопроцентной вероятностью гарантировать восхождение на политический олимп наиболее достойных и благонадежных граждан. Р. Далтон составил портрет «наиболее типичного» приверженца демократических ценностей. Так, например, гражданин верит в индивидуальную свободу и придерживается политической толерантности; доверяет своим согражданам, но относится с определенной долей недоверия к властным органам, а также отличается достаточным послушанием государству, но, в это же время, готов отстаивать перед ним свои права; поддерживает законодательство, которое сдерживает государство от излишнего применения репрессивной функции по отношению к индивидам. Как мы можем наблюдать, некоторые особенности индивидов, проживающих в демократических обществах западного мира, совершенно нехарактерны для российской действительности.

Далее мы рассмотрим концепт доверия в социологии управления. Отметим, что мы уже писали об изучении доверия в своей предыдущей статье «Теоретические подходы к изучению властно-управленческой вертикали» [8, с. 3]. Напомним, что мы пользуемся определением С. Родинсона: «Ожидания, предположения или вера (убеждение) в вероятность того, что будущие действия другого будут выгодными, благоприятными и, по крайней мере, не наносят ущерба интересам другого» [9, с. 578].

Для того чтобы изучить вопрос доверия, необходимо обратиться к проблеме формирования социологии управления как особой научно-исследовательской программы, которая является, прежде всего, одним из направлений исследований. Целью такой программы является получение разносторонних знаний об управлении, как фундаментальных, так и прикладных, способствующих лучшему пониманию трансформаций современных обществ и общностей в мире, а также их социальных институтов и организаций.

Онтологическим основанием подобной программы является положительное вмешательство органов государственной власти и управления в социальные явления и процессы, не подвергая их деструктивному, разрушительно-

му влиянию, способствуя достижению поставленных целей и поддержке процессов в радиусе управляемости. Ключевым проблемным полем социологии управления, по мнению авторов, выступает формирование отечественной системы управления, которая до сих пор подвержена проблеме синкретизма власти, собственности и управления и не отвечает на современные стратегические проблемы общества, преподнесенные историческими вызовами⁴.

Хотя феномен доверия достаточно хорошо изучен в социальных науках, но трактовка происхождения доверия до сих пор остается предметом научных диспутов. Не существует однозначных критериев определения доверия, при помощи которых можно было бы вычленить доверие в социальной жизни. Поэтому необходимо определить систему координат, согласно которой будет исследоваться проблема доверия в той или иной области. Обзор подходов к определению «доверия» необходимо начать с классических концепций.

Концепция доверия в работах Г. Зиммеля и Ф. Тенниса. Согласно наблюдениям Г. Зиммеля, современные общества характеризуются заниженным уровнем личного доверия, выдвигая на передний план безличное доверие. Личные черты субъектов обмена перестают играть значимую роль, предоставляя ее объектам. Обмен на данной теории рассматривается в качестве объективных посылок взаимодействия между индивидами, а объективация культуры из-за обезличенных и фрагментарных качеств взаимодействий в современном обществе приводит к деградации или же вообще к рудиментации потребности в личных знаниях [10].

Ф. Теннис выдвинул свою теорию доверия в рассмотрении диады «*Gesellschaft*-отношений и *Gemeinschaft*-отношений». Помимо существования доверия в кровных и родственных общностях *Gemeinschaft* в типах обществ *Gesellschaft*-отношений доверие является продуктом избирательной воли, а не сущностной и, значит, является не более чем иллюзией и результатом человеческой фантазии.

Основной целью конструирования доверия в *Gesellschaft*-отношениях становится потреб-

ность в уменьшении затрат ресурсов, особенно во взаимодействии, где присутствует длительный лаг во временном пространстве. По мнению Тенниса, наиболее заметно влияние феномена доверия в сфере экономики, где законодательство, разработанное государством, далеко не везде может оказывать свое влияние. Однако же при отсутствии личного опыта общественное мнение может выступать в качестве накопителя знаний, необходимых для индивидов.

Теория социального обмена и доверия Дж. Хоманса и П. Блау. При развитии социологического знания ученые отказались от определения обмена только в качестве «затрат и выгод». В работе «Обмен и власть в социальной жизни» П. Блау полагает, что основой обмена выступают не только экономические отношения между индивидами. Каждый из участников социального процесса коммуникации вступает во взаимодействие из-за потребности в награде. В определенных случаях, когда человек обладает достаточной известностью и пользуется одобрением среди других индивидов, этот социальный капитал может заменить необходимость общения и накопления знаний о каждой отдельной личности [11]. Для Дж. Хоманса реципрокность и доверие – это характерные черты абсолютно всех обменных отношений [12].

Феномен доверия в работах Н. Лумана. Н. Луман обращает внимание на доверие как основополагающий, фундаментальный критерий социального системообразования, который выступает в качестве ее автономности и стабильности. Ученый утверждает, что доверие характеризует, прежде всего, межличностные коммуникации, тогда как термин «уверенность» применяется к взаимодействию отдельно взятого индивида и социальных институтов. При этом доверие и уверенность являются синергетическими компонентами социальной, а не взаимоисключающими: низкий уровень доверия может привести к уменьшению степени уверенности, и наоборот⁵.

Доверие как форма безопасности Э. Гидденса Любые события, порожденные экзосистемными факторами, нарушают личное пространство человека, выводя его из ментального и психического равновесия. Э. Гидденс подчеркивает

⁴ Социология управления: теоретико-прикладной толковый словарь / Ин-т социологии РАН, Центр социологии упр. и соц. технологий [и др.; Агзамов Рафик Закариевич, д.социол.н., доц. и др.] отв. ред.: А. В. Тихонов. Москва: URSS КРАСАНД, 2014. С. 244-245.

⁵ Luhman N. Familiarity, confidence, trust, problems and alternatives / Trust: Making and Breaking Cooperative Relations, electronic edition, Department of Sociology, University of Oxford, chapter 6, pp. 94-107.

функцию доверия как инкорпорированную часть социального времени, которая присуща прошлому, настоящему и будущему.

Возрастание коммуникативных актов между разными индивидами позволяет образовываться новым смыслам, которые связывают коммуникацию индивидов, образуя доверительные отношения. Появляются новые формы доверия: личное доверие, которое возникло из ближнего круга (семьи), также оно дополняется «обобщенным доверием» и доверием надиндивидуальным структурам (например, социальным институтам). Генерализированное (обобщенное) доверие воспроизводится благодаря чувству «онтологической безопасности», которое формируется в период первичной социализации [13].

Концепция доверия П. Штомпки. Ученый определяет доверие через оценку потенциальной коммуникации между индивидами, предсказывая возможные действия других людей. Подобное понимание доверия позволяет сгладить непредсказуемость будущего. Категория «недоверие» является противоположностью доверия и выражается в негативных ожиданиях от действий других людей.

Концепция доверия П. Штомпки основывается на трех основаниях. Во-первых, перед принятием решения о доверии или недоверии оппоненту человеку необходимо собрать как можно больше информации о нем. Во-вторых, сам процесс доверия основывается на личном опыте коммуникаций каждого отдельного индивида. В-третьих, основой доверия выступает коллективный опыт доверия, накопленный той или иной группой, который выражается в виде норм, правил, которые обязывают членов общества доверять другим [14].

Концепция доверия Ф. Фукуямы. Согласно теории Ф. Фукуямы, доверие является значимой характеристикой развитого общества, включающей в себя индивидуальный уровень доверия и социальный (доверие к социальным институтам и государству в целом). Экономический прогресс является наградой обществу за сложившуюся культуру доверия. Однако, чтобы достигнуть такого уровня развития этой культуры, общество должно пройти длительный эволюционный путь, не допуская революций в обществе⁶.

⁶ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.

Для того чтобы определить критерии сравнения доверия в двух социологических дисциплинах, необходимо снова обратиться к свойствам доверия как теоретического конструкта. Доверие обладает характеристиками системности, поддержки стабильного состояния общества, способности к организации различных групп [15].

Т. А. Гужавина сформулировала пять тезисов доверия как формы поддержки социальных институтов:

1. Взаимоотношения индивидов основаны на доверии, так как ориентированы на межличностную коммуникацию;
2. Межличностное доверие выступает как ресурс, вид отношений и принцип их конструирования;
3. Доверие как социализация индивидов и институтов;
4. Доверие организациям, институтам, нормам и правилам обеспечивает социальный порядок;
5. Межличностное доверие является фундаментом для институционального доверия [16, с. 40–54].

Мы считаем, что для поддержки того или иного чиновника в рамках измерения политического доверия необходимо обратиться к классическим характеристикам чиновника по М. Веберу: иерархичность, беспристрастность при принятии и реализации политических решений, непрерывность деятельности, квалифицированный подбор кадров на эти должности, назначаемость индивидов на эту должность и престижность этой должности в обществе.

Иерархичность обеспечивается четкостью компетенций каждого отдельного чиновника; беспристрастность определяется набором правил, где волонтаризм неуместен; постоянство деятельности обеспечивает стабильность заработка и карьерных перспектив; специальный отбор характеризуется списком необходимых требований для человека, занимающего эту должность; назначаемость, а не избрание должности; престижность должности гарантируется государством и законом⁷. М. Вебер также является основоположником теории социального взаимодействия, которая стала предтечей теорий о взаимодействии между субъектами управления.

⁷ Вебер М. Политика как призвание и профессия / Перевод с немецкого и вступительная статья А. Ф. Филиппова; редактор А. А. Рындин. М.: Рипол-классик, 2018. 292 с.

Однако, как показывает практика, некоторые чиновники являются олицетворением власти, политического института, который он представляет [16, с. 49].

Изучение доверия в социологии управления не является ключевой предметной областью. Доверие рассматривается как один из многочисленных факторов, которые влияют на формирование и регуляцию управленческого процесса. Рассмотрим же некоторые проблемы управления, которые вытекают из темы доверия. Как пишет В. А. Шилова, процесс управления в современной России до сих пор строится по субъект-объектному типу взаимодействия, не говоря уже о взаимодействиях на более поздних стадиях развития системы управления типа «субъект-субъект» и «субъект-полисубъект». Чтобы перейти к равноправному, субъект-субъектному типу управления, нужно предварительно сформировать достаточно высокий уровень институционального доверия у сторон (Д. Ф. Терин, Г. А. Сатаров, П. М. Козырева). Подобное взаимодействие может строиться только на достаточно прочной и длительной коммуникативной связи. Для налаживания коммуникации между сторонами процесса управления государственными структурами формируются цифровые платформы, которые, по задумке, должны сблизить органы государственного управления с простыми гражданами, однако, как показывает практика, данные платформы существуют только как площадка для электронного документооборота [17].

В социологии управления термин «доверие» используется в качестве синонима поддержки.

■ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Далее мы рассмотрим практическое изучение институционального доверия к власти в обеих отраслях социологической мысли, а также попытаемся выделить критерии сравнения концептов «доверия».

Многие авторы, изучающие доверие, выделяют особую значимость доверия институционального. Г. А. Сатаров утверждает, что низкое политическое доверие граждан социальным институтам обязывает репрессивные органы наращивать ресурсы, чтобы принудить различные социальные группы к порядку.

Автор также вводит две категории доверия: активное и пассивное. Активное доверие связа-

но, прежде всего, с социальным взаимодействием, которое направлено на субъекты доверия в достижении взаимовыгодной цели. Пассивное доверие связано с ожиданиями удовлетворения определенных потребностей. Г. А. Сатаров констатирует, что пассивное доверие является первичным, фундаментальным в этой диаде, формируясь в процессе усвоения норм, ценностей общества индивидом, в котором проживает, то есть в процессе первичной социализации. Пассивное доверие делает акцент на роли личности во взаимодействиях между индивидами [18, с. 124]. Ю. Левада на основе выборов президента 1996 года, проанализировав трех участников (Б. Ельцина, Г. Явлинского и А. Лебедя), пришел к выводу, выделив 3 типа доверия личности: «доверие как готовность признать и подчиниться авторитету определенного лица», «доверие как признание личностных достоинств», «доверие как признание “способности” героя... к действиям, направленным на избавление от каких-то бедствий» [19]. Возвращаясь к теме активного и пассивного доверия, необходимо отметить также, что активное доверие основывается на пассивном, однако возможно и такое, что активное доверие не сможет полностью сформироваться, оставляя лишь патерналистские установки, укрепляющие патриархальные социальные организации [18, с. 125].

Обратимся к работам известного исследователя доверия Д. Ф. Терина. Автор пишет, что тема доверия неразрывно связана с убеждениями и ожиданиями индивидов, особенно заметно оно проявляется в институциональном доверии, так как институты являются нормативными системами. Доверие социальным институтам возникает в том случае, когда индивиды замечают его положительную работу. Продуктивно работающие институты способны создавать доверие к ним, в то же время плохо работающие институты порождают недоверие населения и дестабилизируют общество в целом. Представления о справедливости граждан наряду с эффективностью социальных институтов образуют структурные компоненты политического доверия. Д. Ф. Терин провел вторичную концептуализацию данных исследования «Социальные различия в современном российском обществе», которое было проведено ИС РАН в 2015 году. Методом сбора данных послужил массовый опрос в 63 субъектах Российской

Федерации, используя общероссийскую стратифицированную выборку ($N = 5335$) граждан нашей страны, достигших 18-летнего возраста. Д. Ф. Терин построил свой анализ, используя следующие вопросы: «В какой степени вы доверяете следующим властям, общественным организациям или группам?», «В целом насколько вы удовлетворены работой следующих организаций и лиц?» об уровне доверия к власти и институтам, об удовлетворенности их работой. Далее мы проанализируем средние значения по пятибалльным шкалам (1 – совсем не доверяю и 5 – полностью доверяю) и (1 – совсем не удовлетворен, 5 – полностью удовлетворен), полученные в исследовании. Результаты говорят нам о высоком уровне доверия к Президенту России, а также высокую удовлетворенность граждан его работой (4,03 для доверия и 3,93 для удовлетворенности работой); Правительство России и Государственная Дума также обладает высокими оценками в доверии и удовлетворенности работой (Правительство: доверие – 3,53, удовлетворенность работой – 3,38; Государственная Дума: доверие – 3,13, удовлетворенность работой – 3,14). Остальные показатели (областная администрация; городская и сельская администрация; суды; полиция) обладают показателями по обеим шкалам на уровне 3 и ниже, что свидетельствует об «удовлетворительных» оценках доверия и работы институтов [20, 145–148].

Несмотря на высокую поддержку политических институтов гражданами за последнее время⁸, мы смеем предположить, что она никаким образом не способствует улучшению процессов управления в нашей стране, поскольку не происходит прямой коммуникации между субъектами управления. Доверие может быть разделено на две категории: активное и пассивное. Активное рождается в процессе коммуникации, которая необходима для улучшения управления, а пассивная его форма выражается в ожидании удовлетворения каких-то потребностей. Активное доверие в социологии управления является одним из критериев готовности и не-

посредственно уровня социального участия граждан в процесс принятия и реализации управленческих решений, а также позволяет выяснить уровень управляемости той или иной социальной системы.

Высокое доверие является аномалией, которая приводит к дисфункции системы в виде отсутствия контроля и вседозволенности, что может привести к волюнтаристским решениям и становлению авторитаризма в обществе, после чего неизбежно возникает массовое недовольство среди населения, повышается активность граждан, пытающихся самоорганизоваться для решения тех проблем, которых местные власти по тем или иным причинам не решают. При отсутствии доверительных отношений у населения и органов власти была предпринята попытка «снизу» к самоорганизации, чтобы наладить коммуникацию между сторонами управленческого процесса. В качестве подобного посредника на муниципальном уровне могут выступать органы местного самоуправления, которым власть делегировала полномочия «решать проблемы на местах». Однако МСУ также находится в кризисной ситуации. Эксперты выделяют несколько причин этой проблемной ситуации. Во-первых, существует значительная неразвитость ресурсной базы МСУ, где главной нехваткой являются кадры, а также финансы. Во-вторых, многие органы местного самоуправления не могут выполнять свои обязанности из-за сложившейся модели внебюджетных отношений [21, с. 62], что приводит к стагнации и последующей деградации отношений между субъектами управления. Об этом же свидетельствуют данные Института социологии ФНИСЦ РАН, которые, начиная с 2014 года, проводят масштабные опросы общественного мнения. Исследование «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» проводилось ИС РАН с 2014 по 2018 гг. На основе девяти волн общероссийского исследования, где выборка составила 4000 человек, были получены данные, демонстрирующие распределение по региону проживания, внутри каждого региона также учитывалось распределение по полу, возрасту, уровню образования и типу населенного пункта. Р. В. Петухов также использовал в своем анализе информацию, приобретенную в ходе

⁸ Одобрение институтов, рейтинги политиков и партий: сентябрь 2023 года. Пресс-выпуск // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2023/09/28/odobrenie-institutov-rejtingi-politikov-i-partij-sentyabr-2023-goda/> (дата обращения: 08.10.2023). (Материал произведен иностранным агентом АНО «Аналитический Центр Юрия Левады» либо касается деятельности иностранного агента АНО «Аналитический Центр Юрия Левады» — Прим. ред.)

опросов общественного мнения ($N = 2000$), которые были проведены в 2019-2021 гг. Полученные результаты демонстрируют нам стабильно высокий уровень недоверия органам муниципальной власти. Так, например, в 2014 году доля недоверия составляла 40 % против 34 %. А в 2021 г. этот показатель уже составил порядка 63% недоверяющих против 37%. Здесь низкий уровень доверия свидетельствует о кризисе модели власти местного уровня [22, с. 74–75].

В то же время в социологии управления фактор доверия является критерием оценки состояния системы управления, где конечной целью является выработка четких практических рекомендаций по улучшению состояния социальной системы, а также ее возможное приведение к нормативному или, по крайней мере, прогнозируемому состоянию, как это описано, например, в статье Г. И. Герасимовой [23, с. 2-3].

Г. И. Герасимова также демонстрирует анализ данных политического доверия в социологии. Исследователь, ссылаясь на данные *Edelman Trust Barometer*⁹, показывает, что только 37% респондентов в России ответили о доверии органам государственной власти. Этот показатель является одним из самых низких в мире и может быть сопоставим только со странами Восточной Европы [23, с. 3-4].

Замеры Ю. В. Веселова и Н. Г. Скворцова, наоборот, подчеркивают несколько более высокий рейтинг институционального доверия (46,4%), а средний уровень доверия к правительству в нашей стране составил около 48%. Ученые измеряли уровень институционального доверия к федеральным органам власти согласно методике World Values Survey в 2020 году на основании дихотомических шкал, заложенных в телефонный опрос жителей Санкт-Петербурга. Выборка составила 3548 человек. Поскольку методика WSV предназначена для компаративных исследований ценностей по всему миру, то подобные замеры, полученные в ходе опроса в Санкт-Петербурге, могут быть сопоставлены с показателями Северной Европы (Швеция – 50,7%) [24, с. 164–167].

В исследованиях уровня доверия ученые выделяют институциональное доверие и доверие личное (непосредственно к лицу, исполняюще-

му управленческие обязанности). Мы уже приводили пример личностного и институционального доверия в политической социологии. Однако в социологии управления, по большому счету, не прибегают к изучению личного доверия как одного из факторов управляемости социальными системами, потому что индивид, осуществляющий управленческие функции, зачастую не является субъектом сам по себе, а либо исполняет указания «спущенные сверху», либо принимает решение на основе взаимодействия с другими. В основном ученые, занимающиеся проблемами управления с точки зрения социологии, акцентируют внимание на институциональных, системных причинах низкого или же высокого уровней доверия.

Помимо общих данных по политическому доверию в России, также существуют и исследования, посвященные отдельным группам. Так, например, О. В. Попова и Н. В. Гришин провели исследование политического доверия молодежи. Исследование носило название «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тенденции, системные риски», оно было проведено осенью 2022 г. Методами стали онлайн-анкетирование и экспертный опрос. Выборка является квотной с несвязанными признаками пола, возраста, округа проживания ($N = 1500$). Итак, наиболее низкие оценки власти выставила группа молодежи в возрасте от 21–29 лет, средними показателями обладает группа возраста от 30 лет и наиболее высокие оценки продемонстрировали молодые люди до 20 лет. Здесь мы можем заметить неоднородность оценок политических институтов даже в молодежной среде, не говоря уже о «взрослом» населении нашей страны [25].

Все данные, полученные в результате исследований в рамках политической социологии, носят прогнозно-проблемный характер, выражающийся в выявлении социальной проблемы доверия в обществе, а также построение моделей прогнозирования и развития данной проблемы, не представляя четких технологических решений по ее устранению.

Социальное группообразование также неразрывно связано с доверием. Группа ученых из ИС НИСЦ РАН провела анализ поддержки гражданами деятельности органов властно-управленческой вертикали на основании пятибалльной шкалы от полного одобрения до пол-

⁹ Андреева Н. Наука в эпоху постправды: кризис доверия // Атомный эксперт. URL: https://atomicexpert.com/science_in_the_post-truth_era_a_crisis_of_confidence (дата обращения: 20.11.2023).

ного неодобрения. Данное исследование было проведено в 2019-2020 гг., где была использована общероссийская репрезентативная многоступенчатая выборка. Были использованы несколько методов сбора данных: массовый опрос ($N = 6021$), экспертный опрос (609 экспертных мнений), контент-анализ региональных СМИ (1135 единиц), контент-анализ сайтов органов региональной исполнительной власти (2606 единиц), а также контент-анализ профильных сообществ в сети «ВКонтакте» (646 сообществ, 3060 постов, 11923 комментария к ним). На основании этих данных было выделено 5 групп граждан, разделенных по уровням оценок: «сторонники», где население оценивает положительно работу как региональных, так и федеральных органов власти (16,2%); «противники», оценивающие отрицательно и региональный, и федеральный уровни (21,1%); «социальное ядро», состоящее из людей, дающих преимущественно средние оценки обоим уровням (20,5%); четвертая группа, «федерально ориентированные», которые, соответственно, нацелены на положительную оценку работы федерального уровня и удовлетворительно региональный (25,6%); и последняя группа – «регионально ориентированные», граждане, вошедшие в эту группу, оценивают положительно региональный уровень власти и отрицательно федеральный (16,6%) [26, с. 142–143].

А. С. Мерзляков произвел последующий анализ данных, полученных ранее учеными из Института социологии, и выяснил, что в обществе намечилось разделение на две четко выраженные группы приверженцев федеральной и региональной формы развития регионов РФ. Последователи федеральной формы составляют 33% от общего числа опрошенных, а региональные – 32%. Необходимо также заметить, что в обеих группах уровень доверия выше, нежели чем в других, по причине поддержки того или иного уровня власти, а не от увеличения общих оценок деятельности этих уровней властно-управленческой вертикали. К сожалению, исследование показало, что индивидуальные и групповые интересы граждан, а также их уровень доверия не сильно беспокоят органы государственного управления на региональном уровне, вследствие достаточно низкого внимания со стороны властей к социальным последствиям принимаемых управленческих решений [27, с. 267–269].

Социология управления как научно-практическая дисциплина ставит перед собой задачу не только идентифицировать и спрогнозировать развитие научной и социальной проблемы, но и предоставить разработанные под решение конкретных проблем социальные технологии управления. В нашей предыдущей статье мы уже упоминали о прогнозно-социальном проектировании, разработанном Т. М. Дридзе. Эта технология позволяет диагностировать проблемные ситуации, выработать эффективные решения проблем и наладить механизмы коммуникации между субъектами управленческого процесса. Выстраивание доверительной коммуникации основывается на семиосоциопсихологической концепции социальной коммуникации¹⁰. Следовательно, научно-практическая значимость таких технологий позволяет совместно и органам власти, и индивидам выработать решения социальных проблем, которые позволят потенциально нивелировать или же свести к минимуму проблемы доверия между субъектами управленческого процесса.

В подтверждение изложенных нами выше тезисов далее будет приведен пример исследования, в котором была задействована социальная технология, разработанная Т. М. Дридзе. В 2015 году в рамках проекта РНФ «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» данная технология использовалась как способ вычленивать и разделять позиции групп индивидов, которые относятся к разным субъектам управления (государственные группы и население). Было отобрано 400 статей из четырех регионов России в первое полугодие 2015 г.: Белгородская область, Московская область, Республика Башкортостан и Калмыкия. Следующим шагом являлась выборка 8-10 статей за каждый месяц в нескольких газетах каждого региона. В конце были отобраны 100 статей по каждому из четырех регионов, где 50 статей относились к правительственным изданиям, а другие 50 – к независимым, оппозиционным изданиям. Результатом стали следующие выводы ученых.

¹⁰ Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М.: Наука, 1994. 304 с. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Scan_2018/Dridze_Prognoznoe_soc_proektirovanie_1994.pdf

Во-первых, СМК Республики Башкортостан и Калмыкии реже отражают участие органов власти в решении проблем, нежели в СМИ Московской и Белгородской областей. Большинство статей имеет нейтральную окраску, в статьях практически не содержится механизма взаимодействия населения с властью, который бы позволил решить проблему, наоборот, чаще встречаются тексты с деструктивной интенциональной составляющей. Во-вторых, в СМИ Московской и Белгородской областях исследователи обнаружили сходства в направленности текстов журналистов на мнение официальных властей, а не жителей [28].

В завершение нашего анализа сравнения концептов доверия в отраслевых социологиях считает нужным отметить важность цифровой трансформации взаимодействия власти и общества, где институциональное доверие к органам власти репрезентируется через цифровые электронные платформы. На основании опроса граждан (N = 1200) в 10 регионах РФ, проведенного в 2019 г. в рамках проекта «Граждане и электронные платформы цифрового правительства» были выявлены 3 фактора, влияющих на восприятие гражданами цифровых платформ органов власти. Такими факторами стали эффективность, доступность и безопасность. Было выявлено также, что эти факторы влияют на доверие политическим институтам. Учеными было установлено, что использование платформ в большей степени определяется их доступностью, нежели эффективностью и безопасностью. На уровень доверия граждан влияют уже два фактора: и безопасность, и эффективность.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку в научной литературе нет практически ни одной работы, посвященной прямому сравнению двух концептов доверия в разных социологических дисциплинах, мы предприняли попытку разделения основ изучения доверия в социологии управления и политической социологии. На основании классических работ по доверию таких авторов, как Н. Луман, Э. Гидденс, П. Штомка, и др., а также на основании современных трудов отечественных ученых (Д. Ф. Те-

рин, Г. А. Сатаров, П. М. Козырева, Г. И. Герасимова и др.) мы пришли к выводу о том, что изучение доверия в этих социологических дисциплинах имеет весомые отличия. Например, по характеру активности субъектов доверия, которая формируется в зависимости от уровня доверия граждан политическим институтам.

Наше небольшое теоретическое исследование показало, что многие авторы не разделяют доверие по социологическим дисциплинам, все зависит от предмета и объекта исследования, а учитывая, что предметные области социологии управления и политической социологии пересекаются, то разница, на первый взгляд, становится практически неуловимой. Мы продемонстрировали, что в социологии управления доверие является в большей степени индикатором, демонстрирующим более глобальные проблемы управления в российском обществе.

Было выявлено также, что социология управления не акцентирует внимание на изучении личного доверия к политикам, поскольку они являются только элементами системы, выполняющими определенные функции управления, поэтому институциональное доверие выходит на первый план в качестве критерия изучения властно-управленческой вертикали целом.

И, наконец, третье отличие заключается в том, что все исследования, посвященные институциональному доверию в политической социологии, носят исключительно фундаментальный, научный характер и не ориентированы на выработку эффективных практических решений в сфере управления, которые напрямую зависят от доверия.

Таким образом, в данной статье мы показали разницу между подходами к изучению доверия в разных социологических отраслях и сконцентрировали внимание на необходимости не только фундаментальных исследований, но и на разработке практических решений по урегулированию проблем с доверием в социологии управления. Практические решения проблемных ситуаций в науке позволяют не только повысить общий уровень доверия ко всей отрасли в целом, но и, возможно, приобрести финансовую выгоду для научного сообщества. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. ПУШКАРЕВА Г. В. Доверие в публичном пространстве государственного управления // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2019. № 76. С. 151–175. DOI 10.24411/2070-1381-2019-10008. EDN KJDUSW.
2. ЗОЛОТАРЕВА Е. В. Политическая социология в системе социальных наук: эволюция методологических принципов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2003. № 4-5. С. 138–147. EDN FMEQOL.
3. ГИДДЕНС Э. Последствия современности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2010. № 6 (100). С. 169–181. EDN QZRMKJ.
4. КОЗЫРЕВА П. М., СМИРНОВ А. И. Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // *Вестник Института социологии*. 2015. № 1 (12). С. 79–99. EDN ТМЕТЕВ.
5. МОСКВИН А. Б. Доверие как важнейшая предпосылка согласия в обществе // *Согласие в обществе как условие развития современной России: политические и социальные аспекты* / под ред. О. М. Михайленок. Москва : Институт социологии РАН, 2011. С. 67–78. EDN TGMRTV.
6. CONVERSE, P. E. (1964). The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations, by Gabriel Almond, Sidney Verba. *Political Science Quarterly*, 79(4), 591–593. <https://doi.org/10.2307/2146705>.
7. ВЕДЕНИН В. А. Теоретические подходы к изучению властно-управленческой вертикали // *Вопросы управления*. 2022. № 5 (78). С. 19–32. DOI 10.22394/2304-3369-2022-5-19-32. EDN XPBDHJ.
8. ROBINSON, S. L. (1996). Trust and breach of the psychological contract. *Administrative Science Quarterly*, 41(4), 574–599. <https://doi.org/10.2307/2393868>.
9. SIMMEL, G. (2011). *The Philosophy of Money*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203828298>.
10. BLAU, P. M. (2017). *Exchange and Power in Social Life*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203792643>.
11. HOMANS, G. C., HARE, A. P., & POLLEY, R. B. (2017). *The Human Group*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315132518>.
12. GIDDENS, A. (1990). The consequences of modernity. *Choice Reviews Online*, 28(3), 1843. <https://doi.org/10.5860/choice.28-1843>.
13. ШТОМПКА П. Доверие – основа общества : Монография. М. : Логос, 2012. 445 с. EDN QONPXD.
14. ДАВЫДЕНКО В. А., РОМАШКИН Г. С. Системное доверие как фундаментальное условие функционирования и развития общества // *Научный потенциал регионов на службу модернизации*. 2011. № 1 (1). С. 166–172. EDN NXNPZD.
15. ГУЖАВИНА Т. А. Доверие как форма поддержки социальных институтов // *Society and Security Insights*. 2019. Т. 2, № 4. С. 40–54. DOI 10.14258/ssi(2019)4-03. EDN SUPVQJ.
16. ШИЛОВА В. А. Коммуникативное поле управления: теория, методология, практика : Монография. Москва : Логос, 2015. 204 с. EDN VHJOYT.
17. САТАРОВ Г. А. Доверие как объект политической социологии. Часть I // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 1. С. 121–138. DOI 10.17976/jpps/2016.01.09. EDN VEBMXX.
18. ЛЕВАДА Ю. А. Факторы и фантомы общественного доверия (постэлекторальные размышления) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1996. № 5. С. 7–12. EDN HUCVIV.
19. ТЕРИН Д. Ф. Политическое доверие, удовлетворенность и представления о причинах бедности: роль нормативных аспектов институтов в производстве доверия // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 3. С. 144–157. DOI 10.17976/jpps/2020.03.10. EDN YRSFGX.
20. ПЕТУХОВ Р. В. Доверие российского общества к органам местного самоуправления как проблема // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 6. С. 61–75. DOI 10.17976/jpps/2017.06.05. EDN ZVMOKR.
21. ПЕТУХОВ Р. В. Восстановление доверия к органам местного самоуправления как задача для технологических решений «умного города» // *Научный результат. Социология и управление*. 2023. Т. 9, № 1. С. 71–84. DOI 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-7. EDN YREZVC.
22. ГЕРАСИМОВА Г. И. Феномен доверия в социальном управлении: теоретический аспект // *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 6 (182). С. 26–32. DOI 10.24158/tipor.2023.6.2. EDN AZCIAA.
23. ВЕСЕЛОВ Ю. В., СКВОРЦОВ Н. Г. Трансформация культуры доверия в России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 1 (173). С. 157–179. DOI 10.14515/monitoring.2023.1.2212. EDN BGVQNQ.

24. **ПОПОВА О. В., ГРИШИН Н. В.** Политическое доверие российской молодежи: самооценка и мнение экспертов // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2023. Т. 17, № 1. С. 88–100. DOI 10.17072/2218-1067-2023-1-88-100. EDN RPRPHZ.

25. **ТИХОНОВ А. В., МЕРЗЯКОВ А. А., ПОЧЕСТНЕВ А. А.** Феномен латентного группообразования в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации // *Социологические исследования*. 2021. № 10. С. 139–146. DOI 10.31857/S013216250012270-0. EDN LDHPYB.

26. **МЕРЗЯКОВ А. А.** Социальное группообразование в контексте взаимодействия власти и граждан: особенности регионов // *Россия реформирующаяся*. 2023. № 21. С. 248–272. DOI 10.19181/ezheg.2023.10. EDN QHBYVJ.

27. **ШИЛОВА В. А., ГУСЕЙНОВА К. Э.** Методолого-методические основания интенционального (мотивационно-целевого) анализа текстов публикаций СМИ в регионах с разным уровнем модернизации // *Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации*: Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12-13 октября 2017 г.) / под ред. Е. М. Акимкина, В. А. Шиловой, В. В. Щербиной, К. В. Быкова. Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 627–636. EDN YOERTY.

28. **СМОРГУНОВ А. В., ИГНАТЬЕВА О. А.** Факторы гражданского участия на электронных платформах // *Социологические исследования*. 2021. № 7. С. 101–112. DOI 10.31857/S013216250013854-2. EDN FEDVEU.

REFERENCES

1. PUSHKAREVA, G. V. (2019). Trust in the public space of public administration. *E-journal Public Administration*, (76), 151–175. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10008>.

2. ZOLOTAREVA, E. V. (2003). Political sociology in the system of social sciences: Evolution of methodological principles. *RUDN Journal of Sociology*, (4-5), 138–147. <https://elibrary.ru/fmeqol>.

3. GIDDENS, A. (2010). The consequences of modernity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (6), 169–181. <https://elibrary.ru/qzrmkj>.

4. KOZYREVA, P. M., & SMIRNOV, A. I. (2015). Political trust in Russia: Peculiarities and problem of optimality. *Bulletin of the Institute of Sociology*, (1), 79–99. <https://elibrary.ru/tmetev>.

5. MOSKVIN, L. B. (2011). Trust as the most important prerequisite for harmony in society. In O. M. Mikhailenok (Ed.) *Harmony in Society as a Condition for the Development of Modern Russia: Political and Social Aspects* (pp. 67–78). Institute of Sociology of the RAS. <https://elibrary.ru/tgmrtv>.

6. CONVERSE, P. E. (1964). The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations, by Gabriel Almond, Sidney Verba. *Political Science Quarterly*, 79(4), 591–593. <https://doi.org/10.2307/2146705>.

7. VEDENIN, V. A. (2022). Theoretical approaches to researching the power-administrative vertical. *Management Issues*, (5), 19–32. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-5-19-32>.

8. ROBINSON, S. L. (1996). Trust and breach of the psychological contract. *Administrative Science Quar-*

terly, 41(4), 574–599. <https://doi.org/10.2307/2393868>.

9. SIMMEL, G. (2011). *The Philosophy of Money*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203828298>.

10. BLAU, P. M. (2017). *Exchange and Power in Social Life*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203792643>.

11. HOMANS, G. C., HARE, A. P., & POLLEY, R. B. (2017). *The Human Group*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315132518>.

12. GIDDENS, A. (1990). The consequences of modernity. *Choice Reviews Online*, 28(3), 1843. <https://doi.org/10.5860/choice.28-1843>.

13. ШТОМПКА, Р. (2012). *Trust is the foundation of society*. Logos. <https://elibrary.ru/qonpxd>.

14. DAVYDENKO, V. A., & ROMASHKIN, G. S. (2011). Systemic trust as a fundamental condition for the functioning and development of society. *Scientific Potential of Regions for the Service of Modernization*, (1), 166–172. <https://elibrary.ru/nxnpzd>.

15. GUZHAVINA, T. A. (2019). Trust as a form of support for social institutions. *Society and Security Insights*, 2(4), 40–54. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2019\)4-03](https://doi.org/10.14258/ssi(2019)4-03).

16. SHILOVA, V. A. (2015). *Communication field of management: Theory, methodology, practice*. Logos. <https://elibrary.ru/vhjoyt>.

17. SATAROV, G. A. (2016). Trust as an object of political sociology. Part I. *Polis. Political Studies*, (1), 121–138. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.09>.

18. LEVADA, YU. A. (1996). Factors and phantoms of public confidence. *Monitoring of Public Opinion:*

Economic and Social Changes, (5), 7–12. <https://elibrary.ru/hucviv>.

19. ТЕРИН, Д. Ф. (2020). Political trust, satisfaction and perceptions of the causes of poverty: The role of the normative aspects of institutions in the production of trust. *Polis. Political Studies*, (3), 144–157. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.10>.

20. ПЕТУКHOV, Р. В. (2017). The russian society's confidence in the local governments as a problem. *Polis. Political Studies*, (6), 61–75. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.05>.

21. ПЕТУКHOV, Р. В. (2023). Restoring trust in local self-governments as a challenge for smart city technologies. *Research Result. Sociology and Management*, 9(1), 71–84. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-7>.

22. GERASIMOVA, G. I. (2023). The phenomenon of trust in social management: A theoretical aspect. *Theory and Practice of Social Development*, (6), 26–32. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.6.2>.

23. VESELOV, YU. V., & SKVORTSOV, N. G. (2023). Transformation of the culture of trust in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 157–179. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2212>.

24. ПОПОВА, О. В., & GRISHIN, N. V. (2023). Russian youth's political trust: Self-assessment and expert

opinion. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 17(1), 88–100. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-1-88-100>.

25. ТИХОНОВ, А. В., МЕРЗЛЯКОВ, А. А., & ПОЧЕСНЕВ, А. А. (2021). The latent group formation phenomenon in regions with different sociocultural modernization levels. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (10), 139–146. <https://doi.org/10.31857/S013216250012270-0>.

26. МЕРЗЛЯКОВ, А. А. (2023). Social group formation in the context of interaction between authorities and citizens: Features of the regions. *Russia Reforming*, (21), 248–272. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.10>.

27. SHILOVA, V. A., & GUSEINOVA, K. E. (2017). Methodological foundations for intentional (motivational-target) analysis of texts of media publications in regions with different levels of modernization. In E. M. Akimkin, V. A. Shilova, V. V. Shcherbina, & K. V. Bykov (Eds.) *Russia and the World: Global Challenges and Strategies for Sociocultural Modernization* (pp. 627–636). FCTAS of the RAS. <https://elibrary.ru/yoerty>.

28. SMORGUNOV, L. V., & IGNATIEVA, O. A. (2021). Civic participation on digital platforms. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (7), 101–112. <https://doi.org/10.31857/S013216250013854-2>.

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS and MANAGEMENT

МЕТОДИКА АНАЛИЗА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В РЕГИОНЕ

Н. В. Яндыбаева^а

^а Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Балаково, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Одним из приоритетных направлений современной государственной политики является повышение качества жизни граждан. В Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определены основные направления повышения качества жизни граждан. Поскольку социально-экономическое развитие страны невозможно без повышения эффективности деятельности регионов, большое внимание уделяется разработке новых методов и подходов к анализу качества жизни населения. На сегодняшний день, несмотря на наличие многочисленных исследований в данной области, отсутствует универсальный математический аппарат для анализа и прогнозирования показателей качества жизни в регионе. Данное обстоятельство способствует снижению эффективности управленческой деятельности и, как следствие, слабому контролю за жизнедеятельностью территорий. Поэтому целью проведенного исследования стала разработка методики анализа и прогнозирования качества жизни в регионе.

Материалы и методы. Основой разработанной методики является математическая модель системной динамики. Модель включает в себя системные переменные, внешние факторы и функциональные зависимости, определяющие положительные и отрицательные взаимосвязи между элементами модели. В качестве моделируемых переменных используются показатели социально-экономического развития региона. Математическая модель состоит из восьми дифференциальных уравнений, решением которых при заданных начальных условиях и временном интервале являются прогнозные значения показателей качества жизни.

Результаты. Показана практическая реализация разработанной методики для анализа качества жизни в Саратовской области. Приведена характеристика современного состояния социально-экономического положения Саратовской области. Многовариантность прогнозирования реализована в разработке различных сценариев социально-экономического развития региона. Приведены графики прогнозных значений показателей качества жизни на временном интервале 2023–2027 гг. Алгоритм реализации разработанной методики на варьируемых временных интервалах и разных уровнях управления показан с использованием информационно-логической схемы.

Обсуждения и выводы. Представленная авторская методика анализа показателей качества жизни населения в регионе направлена на своевременное предоставление ЛПР информации для принятия необходимых управленческих решений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: методика, математическая модель, системная динамика, дифференциальные уравнения, прогнозирование, регион.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Яндыбаева Н. В. Методика анализа качества жизни в регионе // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 1. С. 21–34. EDN DDCLIB. DOI 10.22394/2304-3369-2024-1-21-34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Яндыбаева Наталья Валентиновна – кандидат технических наук, доцент; Балаковский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации — доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин (413865, Россия, Саратовская обл., Балаково, ул. Чапаева, 107); nat07@inbox.ru. AuthorID РИНЦ: 5205-6309, ORCID: 0000-0003-2145-6501, ScopusID: 57205737958, ResearcherID: ABD-3210-2020.

Статья поступила 19.09.2023; рецензия получена 16.11.2023; принята к публикации 16.12.2023.

METHODOLOGY OF ANALYZING QUALITY OF LIFE IN A REGION

N. V. Yandybaeva^a

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Balakovo, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. One of the priority areas of modern government policy is to improve the quality of life of citizens. The strategic state acts: the Decree of the President of the Russian Federation “On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030”, and the “National Security Strategy of the Russian Federation” formulate priority directions for improving the quality of life of citizens. Since the socio-economic development of the country is impossible without increasing the efficiency of the regions, much attention is paid to the development of new methods and approaches to analyzing the quality of life of the population. Today, despite the presence of numerous studies in this area, there is no universal mathematical apparatus for analyzing and predicting quality of life indicators in the region. This circumstance contributes to a decrease in the efficiency of management activities and, as a result, weak control over the life activity of territories. Therefore, the purpose of the study was to develop a methodology for analyzing and predicting the quality of life in the region.

Materials and methods. The basis of the developed methodology is a mathematical model of system dynamics. The model includes system variables, external factors, and functional dependencies that determine positive and negative relationships between the elements of the model. Indicators of socio-economic development of the region are used as model variables. The mathematical model consists of eight differential equations, the solution of which, given the initial conditions and time interval, is the predicted values of quality of life indicators.

Results. The practical implementation of the developed methodology for analyzing the quality of life in the Saratov region is shown. The characteristics of the current state of the socio-economic situation of the Saratov region are given. Multivariate forecasting is implemented in the development of various scenarios for the socio-economic development of the region. Graphs of predicted values of quality of life indicators for the time interval [2023; 2027] are presented. The algorithm for implementing the developed methodology at varying time intervals and different control levels is shown using an information-logical diagram.

Discussions and conclusions. The presented author's methodology for analyzing indicators of the quality of life of the population in the region is aimed at timely provision of information to decision makers for making the necessary management decisions.

KEYWORDS: methodology, mathematical model, system dynamics, differential equations, forecasting, region.

FOR CITATION: Yandybaeva, N. V. (2024). Methodology of analyzing quality of life in a region. *Management Issues*, 18(1), 21–34. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-1-21-34>

AUTHORS' INFORMATION:

Natalya V. Yandybaeva – Ph.D. of Engineering Sciences, Associate Professor; Balakovo Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration — *associate professor of the Department of Humanities and Natural Sciences* (107, Chapaev St., Balakovo, Saratov region, 413865, Russia); nat07@inbox.ru. RSCI AuthorID: 5205-6309, ORCID: 0000-0003-2145-6501, ScopusID: 57205737958, ResearcherID: ABD-3210-2020.

The article was submitted 09/19/2023; reviewed 11/16/2023; accepted for publication 12/16/2023.

■ ВВЕДЕНИЕ

Достижение достойного уровня и качества жизни населения – приоритетная задача любого государства. В концептуальных документах: Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия) – определены общие тенденции повышения качества жизни граждан страны. В частности, в Стратегии обозначено, что для повышения качества жизни граждан принимаются комплексные меры, направленные на преодоление негативных демографических тенденций и решение системных проблем в области здравоохранения, на снижение уровня бедности и расслоения общества по уровню доходов, на улучшение состояния окружающей среды.

Качество жизни – это неоднозначная экономическая категория, которая в нашей стране не имеет четкого правового толкования. Зачастую для оценки условий жизни населения используются такие понятия, как «уровень жизни», «благополучие», «жизненные стандарты». Имеются существенные различия между данными категориями: под благополучием понимается изобилие благ, комфортная жизнь, термин «жизненные стандарты» чаще используется в зарубежных публикациях. И благополучие, и уровень жизни населения изначально определялись с исключительно экономической точки зрения. В понятие же «качества жизни» заложены наряду с экономическими также социальные, культурные, духовные составляющие.

В качестве показателей, характеризующих качество жизни, специалисты сегодня используют систему индикаторов, оценивающих различные аспекты жизни граждан: социальные, экономические, политические [1; 2; 3]. Наиболее точным,

как считает большинство ученых, является определение «качества жизни» как совокупности индикаторов, способных удовлетворять материальные, физиологические и духовные потребности людей, тем самым стимулируя достижение оптимальных параметров жизни [4].

Основным условием устойчивого развития страны является максимальная реализация социально-экономических возможностей регионов. Анализ и прогнозирование показателей качества жизни в регионах представляется задачей достаточно сложной и многогранной в силу, прежде всего, наличия большого количества факторов, оказывающих влияние на социальные, экономические, политические процессы.

Несмотря на многочисленные труды отечественных и зарубежных ученых, на сегодняшний день можно констатировать отсутствие универсальной методики расчета и прогнозирования показателей качества жизни, которую можно использовать для анализа любой территории [5]. При этом основными причинами являются: различные экономические и социальные возможности регионов, особые климатические условия, наличие или отсутствие природных ресурсов, инфраструктуры и пр.

Однако попытки разработки подобной методики в России и в мире предпринимались неоднократно. Среди наиболее популярных методических подходов к оценке показателей качества жизни населения в регионе можно отметить труды Субетто А. И. [6], Бестужева-Лады И. В.¹, Кукулина А. А. [7], Гурбана И. А., Зараковского Г. М. [8], и других авторов [9]. Интересной представляется методика Айвазяна С. А., в которой рассматривается пять элементов качества жизни:

¹ Бестужев-Лада И. В. Социальное прогнозирование. Цикл лекций // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3019>.

качество населения (имеющаяся возможность сохранения здоровья индивида и семьи, высокий уровень образования и культуры); благосостояние населения, включающего в себя бюджеты домохозяйств, частную собственность; качество социальной сферы (обеспечение достойных условий труда, личной безопасности); качество экологической сферы (наличие чистого воздуха, воды, почвы, флоры и фауны) и природно-климатические условия [10]. Данный подход является комплексным и вполне реализуемым, поскольку предполагает использование для свертки показателей статистической информации, доступной из открытых источников. К недостаткам методики следует отнести ее трудоемкость и большие временные затраты.

РИА «Новости» ежегодно публикует рейтинг качества жизни регионов России. Рейтинг включает в себя 67 различных индикаторов: уровень экономического развития региона, показатели социальной сферы (занятость населения, безработица), доходы населения, уровень обеспеченности ресурсами культуры, здравоохранения, образования, демографическая составляющая, освоенность территории и развитие транспортных магистралей². Однако показатели, входящие в данный рейтинг, не систематизированы, также в нем не имеется индикаторов, измеряющих дифференциацию населения по уровню бедности, социальное расслоение населения, степень цифровизации и компьютеризации и пр.

При разработке методологии анализа и прогнозирования качества жизни необходимо учитывать ошибки, которые способствуют снижению точности прогнозных оценок. Специалисты классифицируют их следующим образом:

- несогласованность целей, задач, применяемых методов на различных уровнях и этапах управления, которые могут быть обусловлены негативным влиянием внешних факторов (инфляция, санкции и др.);
- невозможность достигнуть плановые значения показателей из-за ошибок планирования. Одной из причин возникновения подобной ситуации может быть неадекватная оценка социально-экономического положения региона;
- статистическая информация, на основе которой строятся прогнозы, не всегда является

полной и объективной, что неизбежно приводит к возникновению больших погрешностей;

- траектории развития крупнейших предприятий региона и муниципальных отделов экономического анализа и прогнозирования не совпадают, что также приводит к возникновению ошибок при прогнозировании [11; 12].

Стремительное развитие экономики и социальной сферы регионов, крупные финансовые вливания на реализацию федеральных и региональных программ стимулируют разработку новых методов анализа и прогнозирования основных индикаторов качества жизни населения [13; 14; 15].

Данные обстоятельства и обусловили цель настоящей статьи: разработка методики анализа и прогнозирования качества жизни в регионе.

■ МЕТОДЫ И ДАННЫЕ

Основой авторской методики анализа и прогнозирования показателей качества жизни в регионе является математическая модель, разработанная на основе концепции системной динамики. Системная динамика предоставляет возможность моделировать сложные системы на высоком уровне абстракции. Методы системной динамики широко используются для анализа социально-экономических, демографических, политических процессов [16].

Модель системной динамики содержит следующие элементы: системные уровни, потоки, процедуры решений, каналы информации. Для моделируемых переменных следует записать уравнения вида:

$$dy / dt = y^+ - y^-, \quad (1)$$

где y^+ и y^- – положительный и отрицательный темп скорости переменной y , которая включает в себя факторы, способствующие росту или убыли переменной y .

Темпы (функции системных уровней) в уравнении представляют собой произведения функций:

$$y^\pm = g(y_1, y_2, \dots, y_n) = f(F_1, F_2, \dots, F_k) = f_1(F_1) f_2(F_2) \dots f_k(F_k), \quad (2)$$

где $F_j = g_j(y_{i1}, \dots, y_{im})$ – основные переменные модели; $m = m(j) < n$, $k = k(j) < n^3$.

² Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2022 // РИАНовости. URL: https://ria.ru/20230213/kaches tvo_zhizni-1850749274.html.

³ Форрестер Дж. Основы кибернетики предприятия (индустриальная динамика) / пер. с англ. Москва : Прогресс, 1971. 325 с.

Для оценки качества жизни и прогнозирования предлагается последовательная реализация следующих этапов:

1. Разработка базовой математической модели. Определение системных (моделируемых) переменных $X_i(t)$. В качестве переменных могут использоваться показатели социально-экономического развития региона. Поскольку системные переменные могут быть представлены как абсолютными, так и относительными величинами, для использования в расчетах их необходимо нормировать с помощью коэффициента: $X_i^*(t) = X_i(t) / X_i^k$, где $i \in [1, 8]$.

2. Выявление внешних факторов $V_i(t)$, где $i \in [1, n]$, которые могут оказывать влияние как со знаком «плюс», так и быть отрицательными. Они добавляются в модель после проведения соответствующего корреляционно-регрессионного анализа.

3. На основе экспертной оценки устанавливаются взаимосвязи между $X_i(t)$ и $V_i(t)$, где $i \in [1, n]$, строится ориентированный граф.

4. Для каждой моделируемой переменной строится подграф, записываются уравнения с положительными и отрицательными темпами. Формируется система дифференциальных уравнений на основе модели системной динамики.

5. Оценка качества разработанной модели производится путем расчета относительной погрешности.

6. В ходе проведения вычислительного эксперимента определяются значения $X_i(t)$ на варьируемых временных интервалах. Прогнозные значения переменных рассчитываются с учетом различных сценариев социально-экономического и политического развития региона. Также при прогнозировании показателей качества жизни необходимо учитывать нормативно-правовые документы стратегического планирования [17].

7. Периодическая актуализация разработанной модели с учетом новой статистической информации.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ

В качестве примера использования разработанной методики был проведен вычислительный эксперимент по анализу показателей качества жизни населения в Саратовской области [18].

Саратовская область является лидером в Российской Федерации по производству широкого спектра промышленной продукции: производство серной кислоты, минеральных удобрений,

электроэнергии и пр. Область является крупнейшим производителем в аграрном секторе. Здесь изготавливают основные виды сельскохозяйственной продукции: зерно, овощи, молоко, мясо. Саратовская область относится к нефтегазодобывающим регионам Российской Федерации, а также обладает богатым минерально-сырьевым потенциалом. На долю Волжского сланцевого бассейна (значительная часть которого располагается в Саратовской области) приходится более трети от общего объема горючих сланцев в стране. Приведем характеристику текущего состояния социально-экономического положения Саратовской области по результатам SWOT-анализа.

Сильные стороны:

- диверсифицированная структура промышленности;
- значительный ресурсный потенциал: запасы минерально-сырьевой базы, прежде всего строительного сырья, высокая обеспеченность энергоресурсами, наличие земельных ресурсов для производства сельскохозяйственной продукции;
- высокая доля области в производстве отдельных видов сельскохозяйственной продукции;
- эффективно работающий и активно развивающийся сектор информационно-коммуникационных технологий.

Слабые стороны:

- значительный физический и моральный износ основных производственных фондов организаций,
- сохранение цифрового неравенства,
- сохранение негативных демографических тенденций,
- низкий уровень оплаты труда во внебюджетном секторе экономики,
- высокий уровень трудовой миграции.

В качестве системных переменных для разработки математической модели были выбраны показатели качества жизни, которые определены в «Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года»⁴: $X_1(t)$ – валовой региональный продукт (руб.), $X_2(t)$ – ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет), $X_3(t)$ – численность населения (чел.), $X_4(t)$ – среднедушевые денежные доходы на душу населения (руб.), $X_5(t)$ – уровень регистрируемой безработицы (%), $X_6(t)$ – коэффи-

⁴ Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года : Приложение № 1 к постановлению Правительства Саратовской области от 30.06.2016 № 321-П. URL: <https://saratov.gov.ru/gov/auth/mineconom/>.

циент рождаемости на 1000 человек (%), $X_7(t)$ – доля населения с доходом ниже величины прожиточного минимума (%), $X_8(t)$ – вес организаций, использующих персональные компьютеры (%).

Далее выявлены $V_i(t)$, где $i \in [1, n]$, влияющие на моделируемые переменные $X_i(t)$: $V_1(t)$ – потребление (руб.), $C(t)$; $V_2(t)$ – инвестиции (руб.), $In(t)$; $V_3(t)$ – региональные и муниципальные расходы (руб.), $CR(t)$; $V_4(t)$ – экспорт (руб.), $Ex(t)$; $V_5(t)$ – импорт (руб.), $Im(t)$; $V_6(t)$ – численность безработных (чел.), $Ub(t)$; $V_7(t)$ – инфляция (%), $I(t)$; $V_8(t)$ – численность экономически активного населения (чел.), $D(t)$; $V_9(t)$ – количество медицинских учреждений, $ShB(t)$; $V_{10}(t)$ – число инфекционных больных (чел.), $ZB(t)$; $V_{11}(t)$ – количество смертей (чел.), $S(t)$; $V_{12}(t)$ – численность населения с доходом ниже прожиточного минимума (чел.), $SB(t)$; $V_{13}(t)$ – среднедушевые доходы населения (руб.), $Sc(t)$; $V_{14}(t)$ – объем миграции, $M(t)$; $V_{15}(t)$ – численность родившихся (чел.), $R(t)$; $V_{16}(t)$ – уровень информатизации предприятий (эксп. оценка по шкале от 0 до 100), $IT(t)$; $V_{17}(t)$ – минимальная заработная плата (руб.), $Zp(t)$; $V_{18}(t)$ – спрос на труд в различных отраслях народного хозяйства (чел.), $VT(t)$; $V_{19}(t)$ – затраты на обучение и переподготовку кадров (руб.), $Q(t)$.

Далее покажем, как записывается уравнение для $X_2(t)$ – ожидаемой продолжительности жизни при рождении. На рисунке 1 представлен подграф системной переменной $X_2(t)$. Дифференциальное уравнение для $X_2(t)$ имеет вид:

$$\frac{dX_2(t)}{dt} = 1 / X_2^*(t) \cdot (Sc(t) + ShB(t)) \times f_8(X_4) - (ZB(t) + S(t) + Ub(t)) \cdot f_5(X_7).$$

Принятые обозначения: $V_{11}(t)$ – количество смертей (чел.), $S(t)$; $V_9(t)$ – количество медицинских учреждений, $ShB(t)$; $V_{10}(t)$ – число инфекционных больных (чел.), $ZB(t)$; $V_{12}(t)$ – численность населения с доходом ниже прожиточного

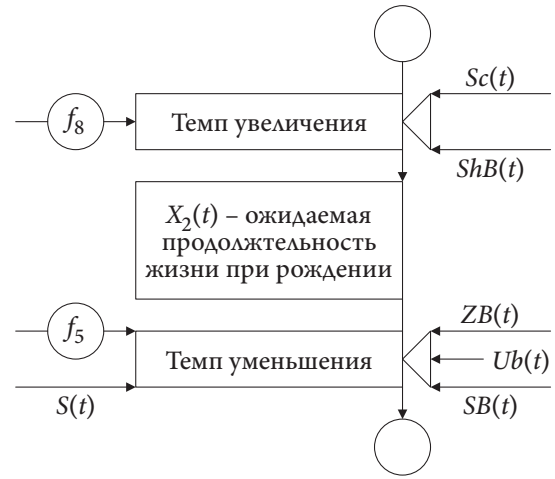

Рис. 1. Подграф системной переменной $X_2(t)$
 Fig. 1. Subgraph of the system variable $X_2(t)$

минимума (чел.), $SB(t)$; $V_{13}(t)$ – среднедушевые доходы населения (руб.), $Sc(t)$; $V_6(t)$ – численность безработных (чел.), $Ub(t)$.

Также в уравнении (1) используется $1 / X_2^*(t)$ – коэффициент нормировки, $X_2^*(t)$ – пороговое значение ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В качестве пороговых значений используются показатели, например, экономической безопасности регионов, предложенные В. К. Сенчаговым, Ю. М. Максимовой, Е. С. Митяковым, В. В. Карповым, Н. А. Романовой и др. экономистами. Так, пороговое значение продолжительности жизни для региона составляет 80 лет.

Взаимосвязи моделируемых переменных и внешних факторов наглядно показаны на орграфе H_{XV} (рис. 2).

Кружками на стрелках показаны функциональные зависимости $f_i(X_j)$, отображающие силу взаимовлияния переменных. Их величина варьируется от 0 (слабое влияние) до 1 (сильное воздействие на моделируемые переменные).

С учетом принятых обозначений разработанная математическая модель имеет вид (3):

$$\begin{cases} \frac{dX_1(t)}{dt} = \frac{1}{X_1^*(t)} \cdot (C(t) + In(t) + Ex(t) + D(t)) \cdot f_{20}(X_3) - (Ub(t) + SR(t) + Im(t)) \cdot f_2(X_5), \\ \frac{dX_2(t)}{dt} = \frac{1}{X_2^*(t)} \cdot (Sc(t) + ShB(t)) \cdot f_8(X_4) - (ZB(t) + S(t) + Ub(t) + SB(t)) \cdot f_5(X_7), \\ \frac{dX_3(t)}{dt} = \frac{1}{X_3^*(t)} \cdot (R(t) + M(t)) \cdot f_9(X_2) \cdot f_{12}(X_6) - (S(t) + Ub(t) + Sc(t)) \cdot f_{10}(X_7), \\ \frac{dX_4(t)}{dt} = \frac{1}{X_4^*(t)} \cdot (B(t) + D(t) + C(t) + IT(t)) \cdot f_1(X_1) \cdot f_{15}(X_8) - (I(t) + Ub(t)) \cdot f_{13}(X_5), \\ \frac{dX_5(t)}{dt} = \frac{1}{X_5^*(t)} \cdot (I(t) + Sc(t) + M(t)) \cdot f_{11}(X_3) - (Zp(t) + VT(t) + Q(t) + D(t)) \cdot f_7(X_2), \\ \frac{dX_6(t)}{dt} = \frac{1}{X_6^*(t)} \cdot (R(t) + Sc(t) + C(t)) \cdot f_{14}(X_4) \cdot f_6(X_2) \cdot f_3(X_1) - (Ub(t) + S(t)) \cdot f_{18}(X_5), \\ \frac{dX_7(t)}{dt} = \frac{1}{X_7^*(t)} \cdot (I(t) + Ub(t)) \cdot f_{17}(X_5) - (Sc(t) + VT(t) + B(t)) \cdot f_4(X_7) \cdot f_{19}(X_4), \\ \frac{dX_8(t)}{dt} = \frac{1}{X_8^*(t)} \cdot (In(t) + IT(t)) \cdot f_4(X_1) - (Q(t) + Zp(t) + Ub(t)) \cdot f_{16}(X_5). \end{cases} \quad (3)$$

Проверка адекватности разработанной модели (3) проводилась с помощью расчета относительной погрешности для каждого уравнения по формуле:

$$\delta_i(t) = |(X_i^{\text{факт.}} - X_i^{\text{расч.}}) / X_i^{\text{факт.}}| \cdot 100 \%$$

Процедура расчета относительной погрешности $\delta_i(t)$ для $X_1(t)$ – валового регионального продукта – имеет следующий вид:

1. Уравнения для функциональных зависимостей $f_2(X_5)$ и $f_{20}(X_3)$ в первом уравнении модели (3) построены на основе статистических данных и проведенного корреляционно-регрессионного анализа:

$$f_{20}(X_3) = -0,0293 \cdot X_3(t)^3 + 0,1274 \cdot X_3(t)^2 - 0,2059 \cdot X_3(t) + 1,109;$$

$$f_2(X_5) = -5,584 \cdot X_5(t)^4 + 37,694 \cdot X_5(t)^3 - 91,738 \cdot X_5(t)^2 + 95,123 \cdot X_5(t) - 34,567.$$

2. В Саратовской области в 2010 году валовый региональный продукт $X_1^{\text{факт.}} = 376,2$ млрд руб. Рассчитаем значение $X_1(t)$ в 2022 г. по модели (3):

$$X_1^{\text{расч.}}(2022) = (0,82 + 0,75 + 0,93 + 0,9) \times 0,9 - (0,72 + 0,91 + 0,27) \cdot 0,2 = 2,68.$$

3. $X_1^{\text{факт.}}(2022) = 1114,97$ млрд руб. Нормированная относительно 2010 года величина ВРП равна 2,96. Тогда величина относительной погрешности составляет:

$$\delta_i(2022) = |(2,96 - 2,68) / 2,96| \cdot 100 \% = 9,5 \%$$

Величина относительной погрешности менее 10 % свидетельствует о приемлемой точности построенной модели. Аналогичным образом осуществляется проверка адекватности остальных уравнений модели (3).

В таблице 1 приведены нормированные относительно 2010 года расчетные, фактические значения системных переменных $X_2(t)$ – ожидаемая продолжительность жизни, $X_3(t)$ – численность населения, $X_6(t)$ – коэффициент рождаемости и относительная погрешность δ_i .

При прогнозировании следует учитывать то обстоятельство, что региональные прогнозы необходимо приводить в соответствие со сценарными условиями развития Российской Федерации⁵, а также учитывать текущую ситуацию

⁵ Основные параметры сценарных условий прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/.

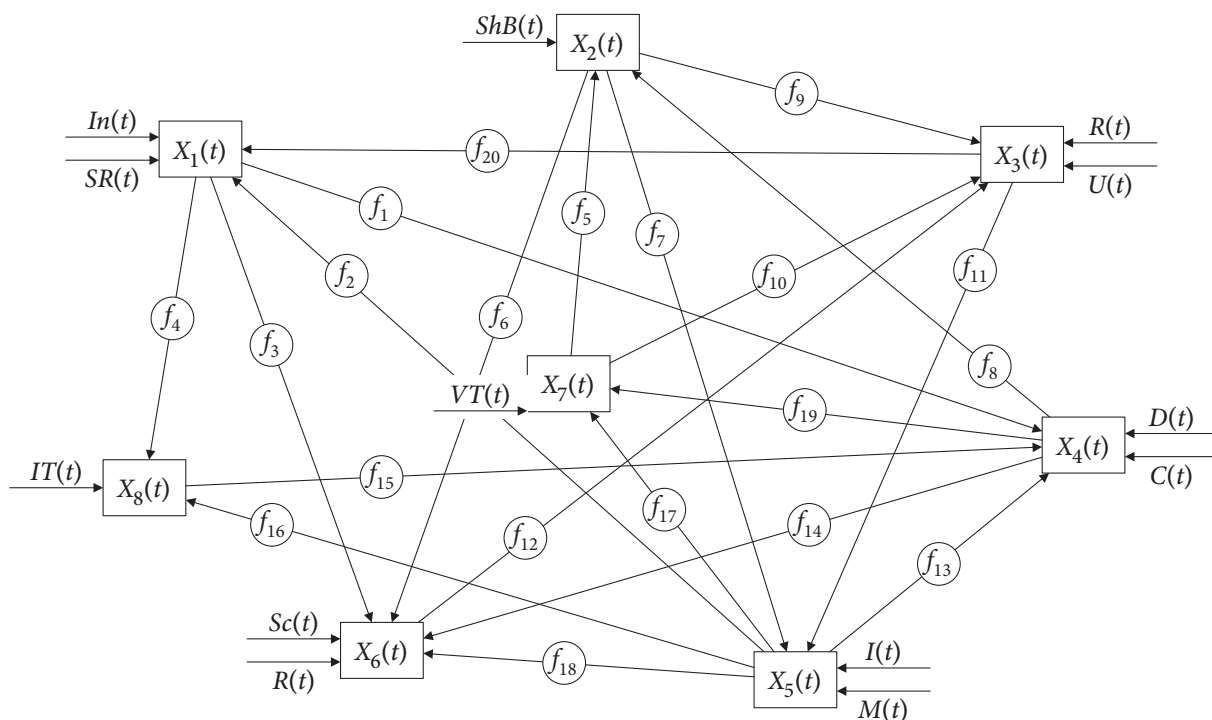

Рис. 2. Орграф H_{XV} взаимосвязей между переменными $X_1(t) - X_8(t)$
 Fig. 2. Digraph H_{XV} of relationships between variables $X_1(t) - X_8(t)$

Таблица 1 — Расчетные, ретроспективные значения переменных $X_2(t)$, $X_3(t)$, $X_6(t)$ и относительная погрешность для Саратовской области**Table 1** — Calculated, retrospective values of variables $X_2(t)$, $X_3(t)$, $X_6(t)$ and relative error for the Saratov region

Год	$X_2(t)$			$X_3(t)$			$X_6(t)$		
	факт.	расч.	δ , %	факт.	расч.	δ , %	факт.	расч.	δ , %
2010	1,00	1,00	0,0	1,00	1,00	0,0	1,00	1,00	0,0
2011	1,03	1,01	1,9	1,03	1,00	3,0	1,02	0,99	3,0
2012	0,98	1,02	3,9	1,05	0,99	6,1	1,01	1,06	4,7
2013	0,98	1,03	4,9	0,90	0,99	9,1	1,00	1,06	5,7
2014	1,00	1,03	2,9	1,03	0,98	5,1	1,10	1,07	2,8
2015	1,07	1,04	2,9	1,04	0,98	6,1	1,12	1,06	5,7
2016	1,09	1,05	3,8	0,95	0,98	3,1	1,06	1,01	5,0
2017	1,02	1,06	3,8	0,94	0,98	4,1	0,95	0,88	8,0
2018	1,01	1,06	4,7	0,92	0,97	5,2	0,92	0,84	9,5
2019	1,00	1,06	5,7	0,90	0,96	6,3	0,80	0,77	3,9
2020	1,07	1,03	3,9	0,89	0,95	6,3	0,68	0,71	4,2
2021	1,05	1,00	4,8	1,00	0,94	6,4	0,65	0,71	6,0
2022	1,01	1,06	4,7	1,02	0,96	6,3	0,58	0,63	7,9

в мире: информацию о колебаниях цен на товары монополий, курсы валют и другие факторы, которые рекомендуются Минэкономразвития РФ.

Процедура формирования прогнозов социально-экономического развития Российской Федерации имеет следующий вид:

1. Минэкономразвития РФ при содействии органов власти разрабатывает сценарные условия и определяет ключевые индикаторы прогноза.

2. Далее формируется прогноз социально-экономического развития на среднесрочную перспективу, который и представляет собой основополагающий компонент планирования бюджета. При этом анализируются внешние и внутренние условия (тарифная, бюджетная, налоговая политика) развития страны. Также особое внимание уделяется информации министерств, ведомств и других участников стратегического планирования.

3. При разработке долгосрочных прогнозов необходимо учитывать, что он является фундаментальным документом, который используют для составления региональных долгосрочных прогнозов, прогнозов развития отраслей народного хозяйства и других стратегических документов.

4. Далее Минэкономразвития РФ формирует среднесрочный прогноз (с учетом основных параметров сценарных условий прогноза) и согласовывает его с федеральными органами исполнительной власти, Центробанком и Правительственной комиссией по бюджету.

При анализе показателей качества и расчете прогнозных значений применялся метод сценариев. В Саратовской области, согласно Стратегии, возможны три сценария развития области:

- при реализации консервативного сценария планируется нарастить объем использования ресурсов, что способствует спокойному развитию экономики, а также ухудшению демографической ситуации;
- умеренно-оптимистический – предполагает повышение эффективности использования всех видов ресурсов с повышением внимания к вопросам улучшения делового климата, создания благоприятных условий для осуществления хозяйственной деятельности;
- на данный момент времени в области реализуется инновационный сценарий социально-экономического развития. При реализации данного сценария предусмотрено наиболее эффективное использование человеческого потенциала и оптимальное развитие территорий: интенсивное применение инноваций в различных отраслях народного хозяйства, в ЖКХ.

При проведении компьютерного эксперимента с использованием модели (3) были заданы начальные условия:

$$[2,96 \ 1,06 \ 0,96 \ 2,37 \ 0,46 \ 0,63 \ 0,80 \ 0,99]^6,$$

которые представляют собой нормированные относительно 2010 года показатели качества жизни в Саратовской области в 2022 году.

⁶ Регионы России (социально-экономические показатели) // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b18_14p.

Компьютерные эксперименты по вычислению прогнозных значений системных переменных проводились в программе *MatLab*. На рис. 3 приведены графики переменных $X_1(t) - X_8(t)$ на временном интервале 2022–2027 гг. Все значения системных переменных на рис. 3 даны в нормированном виде.

Результаты проведенного компьютерного эксперимента в рамках реализации трех сценариев социально-экономического развития в абсолютном выражении приведены в таблице 2.

Таким образом, в ходе реализации инновационного сценария валовой региональный продукт в Саратовской области к 2027 году вырастет примерно в 1,5 раза (до 1719,23 млн руб.),

ожидаемая продолжительность жизни увеличится до 80–81 года, численность населения составит 2502,1 тыс. чел., умеренно вырастут доходы населения (до 31946 руб.). Безработица снизится до 0,48% – за счет развития предприятий химической, металлообрабатывающей, машиностроительной отраслей. Положительные тенденции наблюдаются и в компьютеризации организаций, и в снижении доли населения с доходом ниже прожиточного минимума⁷.

Следует отметить существенные различия в результатах прогнозирования по реализуемым в Саратовской области трем сценариям. Проанализируем, например, величину валового регионального продукта в 2025 году: при развитии по консервативному сценарию значение ВРП будет составлять на 6% меньше, чем по инновационному. Данная тенденция значительно усугубится к 2027 году – разрыв между прогнозными значениями ВРП, вычисленными по инновационному сценарию, будет на 19 % больше, чем по консервативному. При сопоставлении значений ВРП при реализации умеренно-оптимистического и инновационного сценария имеем: к 2025 году разница составит 3%, а к 2027 году – 8%.

Увеличение ВРП будет обусловлено, вероятно, ростом промышленного производства, так как индекс промышленного производства уже в прошлом году был 100,5%, производства продукции сельского хозяйства – 126,3% и строительства – 138,1%. Промышленность региона при влиянии негативных внешних факторов продолжает стабильно развиваться благодаря многоотраслевой структуре и высокой доле высокотехнологичных обрабатывающих производств. В строительстве наблюдается увеличение объема производства электромонтажных работ, автомобильных дорог и автомагистралей. В сельском хозяйстве можно отметить рост урожая зерновых, зернобобовых, масличных культур.

Из-за нарушения логистических цепочек поставок в условиях внешних санкций, в связи с уходом иностранных компаний с российского рынка в товарообороте региона следует ожидать отрицательную динамику.

К 2027 году прогнозируется стабилизация численности населения региона (до 2502,13 тыс. чел.) и нормализация ситуации на рынке труда, чему

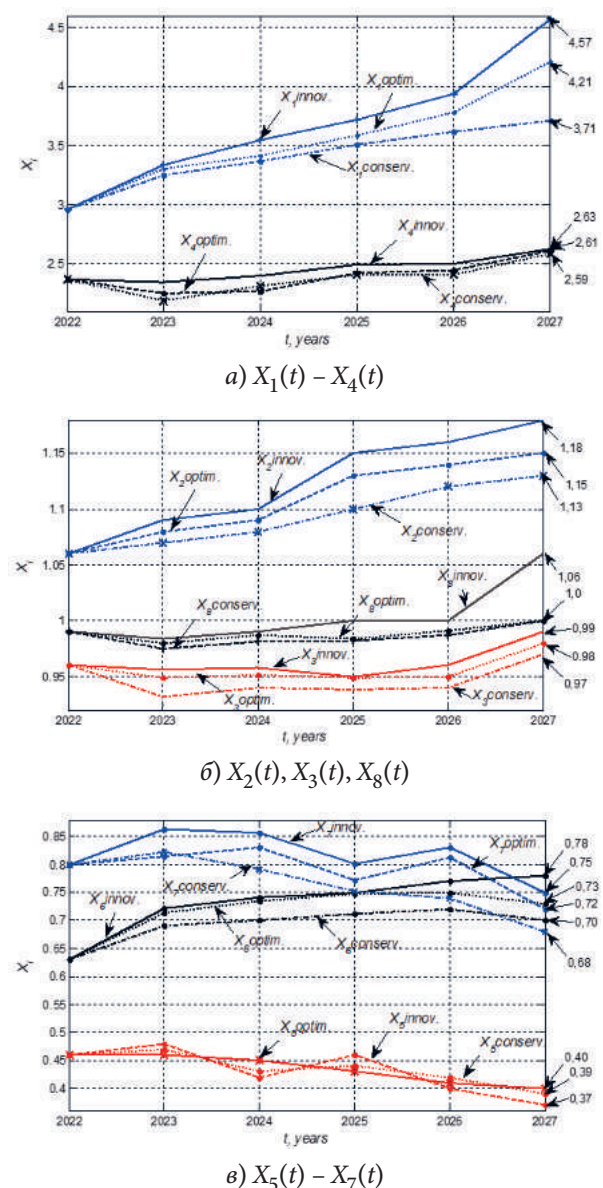

Рис. 3. Графики значений моделируемых переменных
 Fig. 3. Graphs of values of simulated variables

⁷ О стратегическом планировании в Саратовской области : Закон Саратовской области от 28.04.2015 № 56-ЗСО. URL: <https://docs.cntd.ru/document/467706180>.

Таблица 2 — Результаты компьютерного моделирования переменных $X_1(t) - X_8(t)$
Table 2 — Results of computer modeling of variables $X_1(t) - X_8(t)$

Переменные $X_i(t)$	Годы					
<i>Инновационный сценарий</i>						
$X_1(t)$	1114,97	1256,5	1335,51	1399,46	1482,23	1719,23
$X_2(t)$	72,85	75,1	75,79	79,24	79,92	81,3
$X_3(t)$	2417,0	2416,19	2421,25	2401,03	2426,3	2502,13
$X_4(t)$	28800	28508,07	29176,13	30305,77	30378,65	31945,56
$X_5(t)$	0,6	0,62	0,55	0,6	0,52	0,55
$X_6(t)$	6,8	7,79	8,0	8,1	8,32	8,42
$X_7(t)$	13,2	13,5	12,97	12,35	12,14	11,15
$X_8(t)$	93	92,89	93,46	93,17	94,4	100
<i>Консервативный сценарий</i>						
$X_1(t)$	1114,97	1222,65	1267,79	1320,46	1361,84	1395,7
$X_2(t)$	72,85	73,72	74,41	75,79	77,17	77,86
$X_3(t)$	2417,0	2355,54	2375,76	2370,7	2375,76	2451,58
$X_4(t)$	28800	26637,49	28082,94	29261,16	29297,6	31459,7
$X_5(t)$	0,6	0,60	0,59	0,56	0,53	0,52
$X_6(t)$	6,8	7,46	7,56	7,69	7,78	7,56
$X_7(t)$	13,2	14,15	14,05	13,15	13,61	12,3
$X_8(t)$	93	92,04	92,61	92,7	93,17	94,4
<i>Умеренно-оптимистический сценарий</i>						
$X_1(t)$	1114,97	1245,22	1286,6	1350,56	1422,04	1583,8
$X_2(t)$	72,85	74,41	75,1	77,86	78,55	79,24
$X_3(t)$	2417,0	2398,5	2403,56	2398,5	2401,03	2476,85
$X_4(t)$	28800	27341,99	27584,93	29491,94	29759,17	31702,63
$X_5(t)$	0,6	0,61	0,56	0,57	0,55	0,51
$X_6(t)$	6,8	7,7	7,94	8,08	8,1	7,88
$X_7(t)$	13,2	13,35	13,61	12,66	13,33	11,81
$X_8(t)$	93	92,51	93,17	92,89	93,55	94,4

способствуют как мероприятия активной политики занятости, так и федеральные меры по снижению социальной напряженности.

Разработанный прогноз из муниципального района поступает к специалистам сводно-аналитического отдела Управления прогнозирования социально-экономического развития. Прогноз утверждается с участием специалистов Управления мониторинга и координации федеральных и областных программ и Управления развития предпринимательства, а также Управления потребительского рынка.

Одной из задач Минэкономразвития Саратовской области является разработка и проведение единой экономической политики органов исполнительной власти, направленной на обеспечение устойчивого социально-экономического развития области. Данная задача раскрывается в том, что в сфере прогнозирования социально-

экономического развития области Минэкономразвития Саратовской области:

- координирует процесс стратегического планирования в области, разрабатывает проекты документов стратегического планирования в соответствии с компетенцией Министерства, обеспечивает их согласование и общественное обсуждение;
- осуществляет мониторинг и анализ социально-экономических процессов, разработку годовых, ежеквартальных и ежемесячных докладов о состоянии экономики области, выявляет диспропорции в ее развитии и определяет пути их устранения;
- обеспечивает координацию разработки и корректировки прогнозов социально-экономического развития области на долгосрочный и среднесрочный периоды;
- осуществляет разработку прогноза бюджетобразующих показателей, проводит в установ-

ленном порядке согласование бюджетообразующих показателей социально-экономического развития муниципальных районов (городских округов) области с органами местного самоуправления муниципальных районов и городских округов области;

- осуществляет анализ показателей социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов области.

Для наглядного представления практической реализации разработанной методики на рис. 4 приведена информационно-логическая схема (ИЛС), на которой показаны все этапы принятия решений на различных временных интервалах⁸. В левом столбце ИЛС перечислены объекты, механизмы управления.

На рис. 4 используются следующие обозначения: 1 – мониторинг показателей качества жизни в регионе; 2 – запись информации в базу данных; 3 – разработка математической модели, проверка ее адекватности; 4 – расчет прогнозных значений показателей качества жизни X_i экспертом; 5 – превышают ли прогнозные значения показателей качества жизни критиче-

ские значения; 6 – эксперт исследует причины появления кризисной ситуации; 7 – выявление негативных последствий для отраслей народного хозяйства; 8 – подготовка стратегий развития отраслей экономики с учетом изменений значений показателей качества жизни; 9 – разработка возможных сценариев развития региона; 10 – определение перечня конкретных мероприятий для решения проблем в экономической, социальной, политической и прочих сферах; 11 – процесс принятия решения АПР; 12 – сохранение информации в БД; 13 – обновление статистической информации в БД; 14 – определение фактических значений показателей качества жизни; 15 – проведение экспертом корректировки математической модели с использованием актуальной статистической информации; 16 – расчет экспертом прогнозных значений показателей качества жизни; 17 – превышают ли прогнозные значения показателей качества жизни пороговые значения; 18 – проверка экспертом хода реализации плана мероприятий, утвержденных Правительством региона; 19 – оценка перспектив развития, ограничений развития секторов экономики; 20 – подготовка ежеквартального отчета в Правительство региона; 21 – сохранение информации в базе дан-

⁸ О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841.

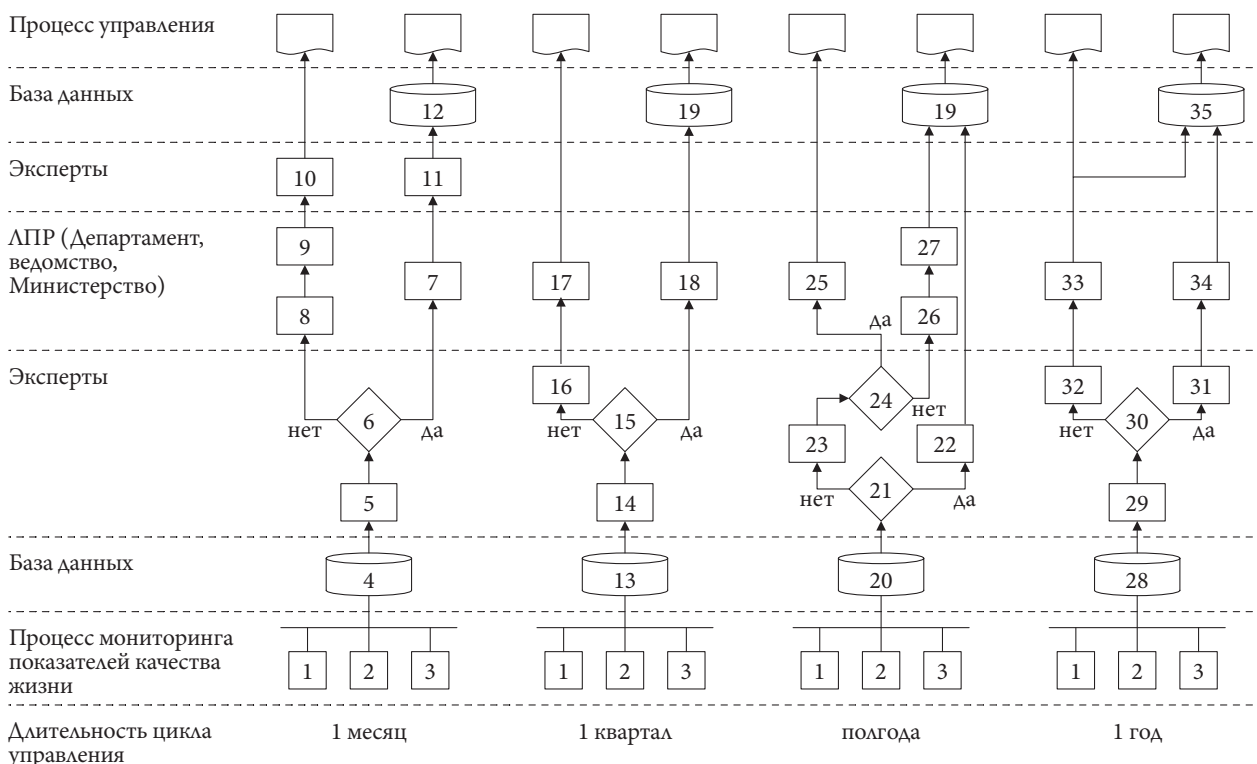

Рис. 4. Информационно-логическая схема анализа и прогнозирования показателей качества жизни
Fig. 4. Information and logical scheme for analyzing and forecasting quality of life indicators

ных; 22 – актуализация статистической информации в базе данных; 23 – определение фактических значений показателей качества жизни; 24 – корректировка экспертом математической модели с использованием актуальной информации; 25 – расчет экспертом прогнозных значений показателей качества жизни; 26 – превышают ли прогнозные значения показателей качества жизни пороговые значения; 27 – проверка хода реализации плана мероприятий, утвержденных Правительством региона; 28 – оценка последствий превышения прогнозных значений показателей качества жизни пороговых значений; 29 – подготовка годового отчета в Правительство РФ; 30 – сохранение информации в БД.

■ ВЫВОДЫ

Сложно переоценить важность регионального прогнозирования для разработки прогнозов качества жизни на федеральном уровне. Анализ и прогнозирование показателей качества жизни населения представляется задачей достаточно сложной в силу наличия большого количества трудноформализуемых факторов, оказываю-

щих и положительное, и отрицательное воздействие друг на друга.

Разработанная методика анализа показателей качества жизни населения в регионе направлена на своевременное предоставление ЛПР информации для принятия необходимых управленческих решений [19]. Основным достоинством методики является ее универсальность: она может использоваться для мониторинга качества жизни в большинстве регионов Российской Федерации. Математическую модель следует корректировать с учетом особенностей конкретного региона. Функциональные зависимости позволяют осуществлять гибкую настройку модели под различные сценарии социально-экономического развития региона. Актуализация и корректировка модели должны проводиться своевременно для оперативного учета возникающих внешних воздействий.

Прогнозирование необходимо осуществлять с использованием актуальных нормативно-правовых документов, с учетом проектов и программ регионального и федерального масштаба, реализуемых на исследуемой территории. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. СЮПОВА М. С. Качество жизни как критерий оценки эффективности социальной политики региона // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. 2021. № 1 (60). С. 127–136. EDN KQGZJP.

2. ОСТАПЕНКО Е. А. Методология оценки качества жизни населения региона // *Вопросы региональной экономики*. 2021. № 1 (46). С. 107–114. EDN RFSCPA.

3. КАМЕНСКАЯ О. В. Разработка подхода к оценке качества жизни населения в регионах России // *Финансовые рынки и банки*. 2022. № 6. С. 23–29. EDN KXXWGX.

4. КОЛИН К. К. Стратегические ориентиры в управлении качеством жизни в современном обществе // *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. 2020. № 1 (32). С. 7–15. DOI 10.21777/2587-554X-2020-1-7-15. EDN JLVRO.

5. ЗЫКОВА Н. В., ИКОННИКОВА О. В., ЖУРА С. Е. Оценка качества жизни в регионе: сопоставление подходов и методов // *Финансовая экономика*. 2020. № 11. С. 345–347. EDN UGXGGW.

6. СУБЕТТО А. И. Теория качества жизни : Мо-

нография. Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2017. 280 с. EDN ZCYWRT.

7. КУКЛИН А. В., ПАШКОВ А. М. О формировании новых подходов к оценке уровня и качества жизни населения // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2023. Т. 1, № 8 (140). С. 5–14. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2023.08.01.001. EDN JMTVBP.

8. ЗАРАКОВСКИЙ Г. М. Качество жизни населения России: психологические составляющие : Монография. Москва : Смысл, 2009. 319 с. EDN QXZSDT.

9. ПАВЛОВ Б. С., ЧИЧКАНОВ В. П., КУКЛИН А. А. Повышение благосостояния как основа социально-экономического развития регионов России : Монография. Екатеринбург : Институт экономики Уальского отделения РАН, 2022. 269 с. EDN ZRAOVM.

10. АЙВАЗЯН С. А. Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях : Монография. Москва : Центральный экономико-математический институт РАН, 2000. 118 с. EDN WNSUIX.

11. ГЛАЗЫРИНА И. П., ФАЛЕЙЧИК Л. М., ФАЛЕЙЧИК А. А. Инвестиции и потенциал роста качества жизни на дальнем востоке России // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15, № 7. С. 921–929. DOI 10.17516/1997-1370-0897. EDN QISZDH.

12. ПРОКАЗИНА Н. В., АЛЕКСЕЕНОК А. А., КАИРА Ю. В. Дифференциация качества жизни населения в региональном пространстве // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2020. Т. 20, № 3. С. 509–526. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-3-509-526. EDN LUTUNB.

13. МАНАЕВА И. В. Качество жизни в российских регионах: эмпирический анализ // *Проблемы развития территории*. 2023. Т. 27, № 4. С. 71–92. DOI 10.15838/ptd.2023.4.126.5. EDN PPQPJV.

14. СОВОЛЬ Т. С. Уровень жизни населения России: современный взгляд на действительность // *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. 2020. № 3 (34). С. 7–12. DOI 10.21777/2587-554X-2020-3-7-12. EDN FYPVWI.

15. ШАМАЕВА Е. Ф. О методических подходах

к моделированию качества жизни // *Уровень жизни населения регионов России*. 2021. Т. 17, № 1. С. 87–101. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.1.7. EDN FASAEQ.

16. YANDYBAEVA, N., REZCHNIKOV, A., KUSHNIKOV, V., IVASCHENKO, V., KUSHNIKOV, O., & TSVIRKUN, A. (2019). Mathematical models, algorithms and software package for the national security state of Russia. *Studies in Systems, Decision and Control*, 119, 646–659. https://doi.org/10.1007/978-3-030-12072-6_52.

17. ЯНДЫБАЕВА Н. В. Динамическая модель для прогнозирования показателей качества жизни в регионе // *Прикладная информатика*. 2023. Т. 18, № 1 (103). С. 129–143. DOI 10.37791/2687-0649-2023-18-1-129-143. EDN GYZGSI.

18. ЛISOVA Е. В. Компаративный анализ уровня жизни населения Приволжского Федерального округа // *Вестник Академии права и управления*. 2021. № 2 (63). С. 116–119. DOI 10.47629/2074-9201_2021_2_116_119. EDN BAEUGR.

19. ЛАЗАРЕВА А. А., ЧАУСОВ Н. Ю. Повышение уровня и качества жизни населения как приоритетная задача государственного управления в регионе // *Russian Economic Bulletin*. 2021. Т. 4, № 5. С. 253–259. EDN ZDDQK.

REFERENCES

1. SYUROVA, M. S. (2021). Quality of life as a criterion to evaluate the effectiveness of social policy in the region. *Bulletin of Pacific National University*, (1), 127–136. <https://elibrary.ru/kqgzjp>.

2. ОСТАПЕНКО, Е. А. (2021). Methodology for assessing the quality of life of the population of the region. *Regional Economic Issues*, (1), 107–114. <https://elibrary.ru/rfscpa>.

3. КАМЕНСКАЯ, О. В. (2022). Development of an approach to assessing the quality of life of the population in the regions of Russia. *Financial Markets and Banks*, (6), 23–29. <https://elibrary.ru/kxxwvx>.

4. COLIN, K. K. (2020). Strauegic guidielines for quality of life management in modern society. *Economics and Management*, (1), 7–15. <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2020-1-7-15>.

5. ЗУКОВА, Н. В., ИКОННИКОВА, О. В., & ЗГУРА, С. Е. (2020). Regional quality of life assessment: Comparison of approaches and methods. *Financial Economics*, (11), 345–347. <https://elibrary.ru/ugxggw>.

6. СУБЕТТО, А. И. (2017). *Quality of life theory*. Center for Scientific Information Technologies “Asterion”. <https://elibrary.ru/zcywrt>.

7. KUKLIN, A. V., & PASHKOV, A. M. (2023). On the formation of new approaches to assessing the level and quality of life of the population. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 1(8), 5–14. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.08.01.001>.

8. ZARAKOVSKY, G. M. (2009). *Quality of life of the Russian population: Psychological components*. Smysl. <https://elibrary.ru/qxzsd>.

9. PAVLOV, B. S., CHICHKANOV, V. P., & KUKLIN, A. A. (2022). *Increasing well-being as the basis for socio-economic development of Russian regions*. Institute of Economics of the Ural Branch of the RAS. <https://elibrary.ru/zraovm>.

10. AYVAZIAN, S. A. (2000). *Integral indicators of the quality of life of the population: their construction and use in socio-economic management and interregional comparisons*. Central Economics and Mathematics Institute of the RAS. <https://elibrary.ru/wnsuix>.

11. GLAZYRINA, I. P., FALEYCHIK, L. M., & FALEYCHIK, A. A. (2022). Investments and the growth potential of the quality of life in the Russian Far East. *Journal of Siberian Federal University. Humanities*

and Social Sciences, 15(7), 921–929. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0897>.

12. ПРОКАЗИНА, Н. В., АЛЕКСЕЕНОК, А. А., & КАЙРО, С. В. (2020). Differentiation of the quality of life in the regional space. *RUDN Journal of Sociology*, 20(3), 509–526. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-509-526>.

13. МАНАЕВА, И. В. (2023). Quality of life in Russian regions: Empirical analysis. *Problems of Territory's Development*, 27(4), 71–92. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.4.126.5>.

14. СОБОЛ, Т. С. (2020). In the life of the russian population: A modern view of reality. *Economics and Management*, (3), 7–12. <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2020-3-7-12>.

15. ШАМАЕВА, Е. Ф. (2021). On methodological approaches to modeling the quality of life. *Living standarts of the population in the regions of Russia*, 17(1), 87–101. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.1.7>.

16. ЯНДЫБАЕВА, Н., РЕЗЧИКОВ, А., KUSHNIKOV, V., IVASCHENKO, V., KUSHNIKOV, O., & TSVIRKUN, A. (2019). Mathematical models, algorithms and software package for the national security state of Russia. *Studies in Systems, Decision and Control*, 119, 646–659. https://doi.org/10.1007/978-3-030-12072-6_52.

17. ЯНДЫБАЕВА, Н. В. (2023). Dynamic model for predicting quality. *Journal of Applied Informatics*, 18(1), 129–143. <https://doi.org/10.37791/2687-0649-2023-18-1-129-143>.

18. ЛISOVA, E. V. (2021). Comparative analysis of the standard of living of the population of the Volga federal district. *Bulletin of Academy of Law and Management*, (2), 116–119. https://doi.org/10.47629/2074-9201_2021_2_116_119.

19. LAZAREVA, A. A., & CHAUSOV, N. YU. (2021). Improving the level and quality of life of the population as a priority task of public administration in the region. *Russian Economic Bulletin*, 4(5), 253–259. <https://elibrary.ru/zdddqk>.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДДЕРЖКИ СТУДЕНЧЕСКИХ СЕМЕЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ

Т. К. Ростовская^а, Е. А. Князькова^а

^а Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В статье приводится анализ экспертных оценок руководителей образовательных организаций высшего образования, позволяющий выявить представления руководства вузов о демографической ситуации в стране и регионе, необходимости и взаимосвязи мер поддержки молодых семей, в том числе студенческих, на различных уровнях (федеральном, региональном, вузовском). Экспертный опрос дал возможность оценить не только состояние и перспективы поддержки студенческих семей в системе высшего образования, но и масштабы оказываемой помощи членам студенческой семьи.

Материалы и методы. Методом экспертного опроса девяти руководителей образовательных организаций высшего образования собраны экспертные оценки о значимости поддержки студенческих семей для социальной политики вуза, структуры реализуемых мер, места социальной политики вузов по поддержке студенческой семьи в социальной политике региона, ее перспектив.

Опрос проводился анонимно, что позволило информантам высказывать собственное мнение, не опасаясь негативных последствий со стороны профессионального сообщества. Ответы информантов анализировались и систематизировались исключительно в обобщенном виде, что, с одной стороны, не позволило исследовать состояние поддержки студенческих семей в конкретном вузе, но, с другой стороны, дало возможность сформировать обобщенное представление о ситуации в российских университетах, связанной с поддержкой и помощью студенческим семьям, основанными не на принципе «де-юре» (как должно быть), а опираясь на его реальные проявления «де-факто».

Результаты. Результаты исследования направлены на решение приоритетной демографической задачи, связанной с популяризацией института благополучной молодой (студенческой) семьи. На национальном уровне должна закрепляться и пропагандироваться в массовом сознании идея о том, что студенческая семья – явление не новое для российского общества, однако актуальное и востребованное государством, обществом, образовательными организациями, родительскими семьями.

Экспертный опрос дал возможность оценить масштабы оказываемой помощи в образовательных организациях высшего образования и определить возможные перспективы реализации политики в интересах студенческих семей.

Обсуждение. Крайне важным представляется исследование реального и прогнозируемого вклада студенческой семьи в демографическое и социально-экономическое развитие России, выявление способов повышения благополучия студенческих семей, ценности семейного образа жизни у молодого поколения. Рассмотрение специфики функционирования молодых семей, в которых супруги продолжают образование, позволило получить обоснованное представление о способах и мерах адресной семейно-демографической политики в их интересах. Результаты исследования послужат основой для разработки комплекса мер на национальном уровне, направленных на поддержку российской студенческой семьи.

© Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: студенческая семья, рождаемость, государственная поддержка студенческих семей, образовательные организации высшего образования, экспертный опрос, социологическое исследование.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Состояние и перспективы поддержки студенческих семей в системе высшего образования: экспертные оценки // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 1. С. 36-50. EDN MOSZYU. DOI 10.22394/2304-3369-2024-1-36-50.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ростовская Тамара Керимовна – доктор социологических наук, профессор; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук — *заместитель директора по научной работе* (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); rostovskaya.tamara@mail.ru. SPIN-код: 1129-8400, ORCID: 0000-0002-1629-7780, ScopusID: 57192987864, ResearcherID: F-5579-2018.

Князькова Екатерина Александровна – кандидат политических наук; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук — *ведущий научный сотрудник* (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); ekpavlova@bk.ru. SPIN-код: 4209-7010, ORCID: 0000-0001-7313-8754, ScopusID: 57202401926, ResearcherID: AAV-2422-2020.

Статья поступила 10.10.2023; рецензия получена 27.11.2023; принята к публикации 25.01.2024.

STATE AND PROSPECTS OF SUPPORT FOR STUDENT FAMILIES IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM: EXPERT ASSESSMENTS

Т. К. Rostovskaya^a, Е. А. Knyazkova^a

^a Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The introduction discusses the analysis of expert estimates of heads of educational organizations of higher education. This analysis allows identifying the perceptions of heads of universities about the demographic situation in the region and country, the necessity and interrelation of support measures for young families, including those of students, at different levels (federal, regional, university). The expert survey makes it possible to evaluate not only the state and prospects for the support of student families in the system of higher education but also the scale of assistance provided to members of a student family.

Materials and methods. By conducting an expert survey of nine heads of educational organizations, expert assessments were collected on the significance of supporting student families for the university's social policy, the structure of implemented measures, the place of universities' social policies to support student families in regional social policy, and their prospects.

The survey was conducted anonymously, which allowed informants to express their own opinions without fear of negative consequences from the professional community. The informants' answers were analyzed and systematized exclusively in a generalized form, which, on the one hand, did not allow us to study the state of support for student families in a particular university, but, on the other hand, made it possible to form a generalized idea of the situation in Russian universities related to support and assistance to student families. families based not on the *de jure* principle (as it should be), but based on its real manifestations *de facto*.

Results. The results of the study are aimed at solving the priority demographic problem associated with the popularization of the institution of a prosperous young (student) family. At the national level, the idea that the student family is not a new phenomenon for Russian society, but relevant and in demand by the state, society, educational organizations, and parent families, should be consolidated and promoted in the mass consciousness.

The expert survey allowed to estimate the scale of assistance in higher education organizations and to determine possible prospects for the implementation of policies in the interests of student families.

Discussion. It is extremely important to study the real and projected contribution of student families to the demographic and socio-economic development of Russia, to identify ways to increase the well-being of student families, and the value of a family lifestyle among the younger generation. Consideration of the specifics of the functioning of young families in which spouses continue their education has made it possible to obtain a reasonable understanding of the methods and measures of targeted family and demographic policies in their interests. The results of the study will serve as the basis for developing a set of measures at the national level aimed at supporting the Russian student family.

KEYWORDS: student family, fertility, state support for student families, educational institutions of higher education, expert survey, sociological research.

FOR CITATION: Rostovskaya, T. K., & Knyazkova, E. A. (2024). State and prospects of support for student families in the higher education system: expert assessments. *Management Issues*, 18(1), 36–50. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-1-36-50>

AUTHORS' INFORMATION:

Tamara K. Rostovskaya – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences — *deputy director for research* (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); rostovskaya.tamara@mail.ru. SPIN: 1129-8400, ORCID: 0000-0002-1629-7780, ScopusID: 57192987864, ResearcherID: F-5579-2018.

Ekaterina A. Knyazkova – Ph.D. of Political Sciences; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences — *leading researcher* (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); eapavlova@bk.ru. SPIN: 4209-7010, ORCID: 0000-0001-7313-8754, ScopusID: 57202401926, ResearcherID: AAV-2422-2020.

The article was submitted 10/10/2023; reviewed 11/27/2023; accepted for publication 01/25/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Важным направлением стратегии семейной и демографической политики должно стать формирование социальной и психологической значимости создания семьи в молодом возрасте, обладающей характеристиками благополучной семьи, заложенными в Концепции государственной политики в отношении молодой семьи¹: юридическое оформление (регистрация) брака; полная семья (родители и потомство/дети); экономическая самостоятельность (материальная обеспеченность); социальная активность (спо-

собность самостоятельно решать собственные проблемы с применением законодательных норм и мер государственной политики); социальная направленность (деятельность семьи совпадает с системой и ценностями общества, моральными нормами) [10; 12].

Формирование государственной демографической и семейной политики не может не учитывать особенности положения молодой семьи. Старение населения страны и неблагоприятные демографические тенденции в сфере рождаемости акцентируют внимание на необходимости более полно использовать репродуктивный потенциал молодежи. Это особенно важно на фоне

¹ Концепция государственной политики в отношении молодой семьи. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902060617>.

снижения уровня брачности среди более молодых поколений, старения и снижения уровня рождаемости, а также геополитических вызовов и угроз. Низкая рождаемость сейчас чревата в будущем депопуляционными процессами, проблемами в сфере трудовых ресурсов, зависимостью рынка труда от иностранной рабочей силы [5; 2].

Тенденция старения рождаемости проявляется в связи с увеличением возраста вступления в брак, в том числе в первый брак: в 2019 г. он составил 25,6 лет у женщин и 27,8 лет у мужчин [7; 9]. По данным Росстата, средний возраст матери в 2020 г. составил уже 28,8 лет². Анализ статистических данных показывает, что откладывание в молодых семьях «на потом» рождение первого ребенка не только снижает вероятность рождения у них последующих детей, но и может явиться препятствием к реализации репродуктивной функции в будущем, так как с возрастом фертильность снижается как у женщин, так и у мужчин [8; 13].

Таким образом, создание семьи в молодом возрасте, с одной стороны, может стимулировать рост рождаемости, что весьма важно в условиях депопуляции, с другой – решает целый ряд социальных и психологических проблем молодого человека, противодействует распространению эпидемии одиночества. Грамотная социальная политика должна создать условия, способствующие более полной реализации репродуктивных планов молодежи. Ряд эмпирических исследований показывают, что разрыв между желаемым и ожидаемым количеством детей сохраняется, а, следовательно, именно помощь в реализации планов по рождению желаемого количества детей является наиболее перспективным сценарием стратегии политики в интересах молодых людей [10; 11].

В 2022 году на базе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН под руководством профессора Ростовской Т. К. было проведено Всероссийское социологическое исследование «Студенческая семья России – ресурс демографического развития». В рамках данного исследования в целях анализа значимости поддержки студенческих семей для социальной политики вуза, структуры реализуемых мер, места социальной политики вузов по поддержке

студенческой семьи в социальной политике региона, ее перспектив был проведен экспертный опрос руководства девяти вузов России:

- 1) Башкирского государственного университета;
- 2) Московского городского педагогического университета;
- 3) Московского государственного медико-стоматологического университета имени А. И. Евдокимова;
- 4) Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (МИ ВлГУ);
- 5) Российского государственного гуманитарного университета;
- 6) Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского;
- 7) Тверского государственного университета;
- 8) Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
- 9) Уральского федерального университета.

Экспертный опрос позволил выявить представления руководства вузов о демографической ситуации в стране и регионе, необходимости и взаимосвязи мер поддержки молодых семей, в том числе студенческих, на различных уровнях (федеральном, региональном, вузовском).

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Следует отметить, что в отечественной науке в последние годы возрос интерес к исследованиям ценностно-нравственных ориентиров в молодежной, студенческой среде, детерминант и факторов создания семей студентами, особенностей брачно-семейных отношений в студенческих семьях, что связано как с неблагоприятными демографическими тенденциями, так и осознанием возможностей демографической политики. В частности, Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН совместно с Научным советом «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук Российской академии наук проводится системная работа по формированию институциональных основ студенческой семьи в Российской Федерации. Учеными Института неоднократно поднимался вопрос на многих площадках государственного управления и гражданского общества об установлении правового статуса студенческой семьи. Было предложено внести дополнение в статью 2 Федерального закона от

² Демографический ежегодник России. 2021: Статистический сборник / Росстат. М., 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dem21.pdf>.

30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», включив следующее определение студенческой семьи: «Студенческая семья – это семья, в которой оба супруга находятся в возрасте до 25 лет (включительно), состоят в зарегистрированном браке и являются студентами очной формы обучения образовательных организаций высшего образования. Для детной (многодетной) студенческой семьи возраст может быть увеличен до 30 лет (при условии, что один из супругов является студентом очной формы обучения образовательной организации высшего образования)».

Также в целях выявления специфики жизнедеятельности студенческой семьи и определения перспективных технологий семейно-демографической политики в ее интересах в 2022 году по инициативе ИДИ ФНИСЦ РАН была разработана программа Всероссийского социологического исследования «Студенческая семья России» и проведено комплексное исследование³.

Данное исследование является частью большого проекта по совершенствованию семейно-демографической политики в Российской Федерации и направлено на реализацию следующих ключевых национальных задач: повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности, самосохранительного поведения российского населения.

В рамках экспертного опроса руководителям образовательных организаций высшего образования задавались 12 вопросов. Ответы на заданные вопросы публикуются в обобщенном виде, не конкретизирующем ответы каждого информанта-эксперта и сохраняющем их анонимность, но позволяющем, во-первых, обнаружить оценку государственной поддержки студенческих семей в российских вузах, во-вторых, определить личностную позицию ректоров и проректоров вузов относительно поддержки студенческих семей в их образовательных организациях, во многом определяющую дополнительные меры поддержки данной категории семей.

³ Всероссийское социологическое исследование «Студенческая семья России», проведенное в 2022 году методом анкетного опроса в 15 высших учебных заведениях 12 регионов России ($n = 1388$ – представители студенческой молодежи 15 вузов в возрасте 17-28 лет; метод глубинного интервью ($n = 80$) и экспертного опроса ($n = 9$)). Руководитель исследования – д-р. социол. наук, профессор Т. К. Ростовская.

1 вопрос. Какие демографические проблемы вы считаете наиболее острыми для России и вашего региона? Что для вас значит понятие «демографическая безопасность»?

Большинство экспертов акцентируют внимание на таких демографических проблемах, как «снижение рождаемости», «повышение смертности», «превышение смертности над рождаемостью», «смертность населения в трудоспособном возрасте», «сверхсмертность», «миграция молодежи», «позднее вступление в брак», что, по мнению экспертов, имеет значение как для России в целом, так и для регионов. Для регионов России актуальна проблема «миграции жителей трудоспособного возраста и молодежи в столичный регион, где выше уровень жизни, более высокая заработная плата и социальная поддержка».

Эксперты выделили также основные причины смертности: «болезни систем кровообращения», «онкологии», «травмы и несчастные случаи», «новая коронавирусная инфекция». «Если при первых двух причинах умирают в основном старшие возрастные категории населения, то последствием травм является в основном смертность населения в возрасте до 49 лет». «Остро стоит проблема «алкоголизации» населения и не соответствующие требованиям ранней диагностики этого заболевания меры».

Усугубляют демографические проблемы социальные, которые, по мнению экспертов, «...связаны с уровнем здоровья населения, качеством предоставления социальных услуг, степенью материального благополучия и личной безопасностью населения. Качество предоставления социальных услуг, связанное с благоустройством жилья, также представляет значительную проблему для населения страны. Высокий износ жилищного фонда, наличие жилищного фонда в деревянном исполнении, без благоустройства и минимального набора потребительских качеств, без соответствия санитарно-техническим требованиям, наличие ветхого и аварийного жилья, отсутствие необходимого количества маневренного и социального жилищного фонда характеризуют состояние данной сферы в регионе. Степень материального благополучия характеризуется значительной диспропорцией в уровнях дохода населения, сокращением числа жителей, охваченных социальной помощью. Проблемы в сфере социальной реабилита-

ции лиц, освободившихся из мест лишения свободы, с их трудоустройством, получением ими рабочих специальностей и жилья в определенной мере повлияли на ее рост. Проблемы занятости населения и недостатка квалифицированных кадров остаются достаточно актуальными, несмотря на сокращение показателя официально зарегистрированных безработных. Прежде всего, это связано с наличием латентной занятости, инертностью населения при осуществлении программы «самозанятости», диспропорцией между заявленными вакансиями и гражданами, обратившимися в службу занятости в части несоответствия квалификации и территории».

«Считаем, что российская семья сегодня ощущает комплекс трудностей, которые связаны в первую очередь с проблемой материального благополучия, ограниченной доступностью образования, также на семью влияют духовно-нравственные проблемы, присущие всему российскому обществу: ослабление традиционных семейных ценностей, девальвация брака, установки на бездетность».

Результаты опроса показывают комплексность проблем, с которыми сталкивается современная семья, что соответствует результатам других исследований, проводимых научным коллективом ИДИ ФНИСЦ РАН и обнаруживающих первоочередную необходимость развития семейных ценностей и образа жизни в молодежной среде.

Эксперты связывают «демографическую безопасность» с понятиями «демографические вызовы» и «демографические угрозы» в общемировом и национальном контекстах, которые «в глобальном мире выражены в двух тенденциях: рост населения стран Южной, Юго-Восточной Азии, Африки, Средней Азии, Южной Америки, с одной стороны, и сокращение численности европейских наций – с другой. В российском контексте суть демографической безопасности заключается в том, чтобы обеспечивать сохранение российской нации, способной сохранять государственный суверенитет и противостоять глобальным вызовам». Под демографической безопасностью эксперты понимают также «функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотношение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении

его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса», «Демографическая безопасность», собственно, означает, что мы должны быть обеспечены трудовыми ресурсами исходя из рождаемости, в том числе с точки зрения резерва роста производительности труда». «Демографическая безопасность – как минимум сохранение численности и состава населения».

Эксперты связывают обеспечение демографической безопасности с «политикой по созданию квалифицированных рабочих мест, развитию эффективной социальной инфраструктуры, повышению качества жизни населения, поощрению многодетности, адресной помощи семье и другое».

Между тем, при ответе на данный вопрос никем из представителей вузовского сообщества не был отмечен потенциально возможный вклад в демографическое развитие России иностранных студентов, получивших высшее образование в российских университетах, а также высококвалифицированных молодых зарубежных специалистов, готовых не только работать, но и создавать семьи, рожать детей в России. Данное направление может стать приоритетным, расширяя возможности федерального проекта «Россия – привлекательная для учебы и работы», согласно которому к 2030 году численность иностранных студентов по сравнению с 2021 годом должна возрасти в 1,5 раза. Следует отметить, по данным Минобрнауки: в 2020 году в России училось 315 тысяч иностранных студентов, в 2021 году – 324 тысячи, а в 2022 году – 351 448 человек (при этом данные по 2022 году не включают иностранных студентов, обучающихся на платной основе), что свидетельствует о том, что в целом на желание иностранных студентов получать высшее образование в России не повлияли ни коронавирусная инфекция, ни проведение специальной военной операции, хотя изменилась география прибывающей в Россию на учебу молодежи.

2 вопрос. Как бы вы оценили предпринимаемые государством (федеральные) меры демографической политики в части поддержки молодых семей за последние три года (начиная с разработки национальных проектов)? Какие меры вы считаете эффективными, а какие неэффективными? Работают ли они на повышение демографической безопасности в РФ, улучшение демографической ситуации?

Какие ключевые вызовы в сфере демографических процессов, на ваш взгляд, пока остаются без должного внимания, ответа?

Эксперты высоко оценивают эффективность реализации национального проекта «Демография», а в качестве наиболее эффективных мер государственной поддержки молодых семей отмечают материнский капитал, причем как федеральный, так и региональный, выплаты в связи с рождением ребенка, а также меры социальной поддержки многодетных семей. Некоторые эксперты обращали внимание, что их вузы участвуют в реализации национального проекта «Демография» в части обучения молодых мам по программам обучения кадров, наиболее востребованных в регионах. Эксперты отмечают также меры социальной поддержки семей в период коронавирусной инфекции и связанных с ней локдаунов.

Между тем, эксперты осторожны в определении неэффективных мер демографической политики, полагая, что «в полной степени возможно оценить их эффект по окончании национального проекта “Демография”». «Если говорить про неэффективные меры – то это отсутствие мер. Нужно больше популяризировать семейные ценности. Сейчас среди современной молодежи – это, наверное, веяние времени, – очень сильно развит индивидуализм, я бы даже сказал эгоизм. И, мне кажется, это преподносится в молодежных передачах... Надо поддерживать семью как ценность и делать это современными методами. Если это будет популярно и будет ценностью – то это станет самой главной мерой и все остальные меры будут работать».

Большинство экспертов имеют схожие взгляды в части мер, способствующих улучшению демографической безопасности в России, относя к ним меры по совершенствованию политики в области образования, трудоустройства и занятости, миграции, здоровьесбережения, ЖКХ и даже транспорта. Большое значение эксперты придают мерам, способствующим «повышению уверенности в завтрашнем дне», связывая это с получением образования, высокооплачиваемой работой, достойной заработной платой, в том числе молодежи.

«Выделение разовой материальной помощи – неэффективная мера. Улучшить демографическую ситуацию можно созданием условий для получения образования и трудоустройства

молодежи». «Для этого необходимо комплексное решение задач». «Материальные меры – хорошая идея, но у нас не хватает денег на такие выплаты. Необходимо формировать ценности семьи, материнства, отцовства, – это будет долговременными инвестициями в демографию... Также необходимы не просто занятия физкультурой, а профилактические осмотры!» «Хорошим решением стала бы целевая помощь на продукты, товары повышенного спроса или услуги для семей с детьми, – эта мера была бы востребована российскими семьями – не только теми, у кого низкий уровень жизни, но и теми, кто относится к нижнему сегменту среднего класса, но не получает выплаты в связи с низким уровнем жизни. В России 40 % населения относится к этому сегменту среднего класса».

Один из экспертов отметил необходимость расширения мер социальной (стипендиальной) поддержки молодых студенческих семей.

Следует отметить, что в России пока не сформирован системный подход в части государственной поддержки студенческих семей. Однако в регионах имеется опыт государственной региональной поддержки студенческих семей, хотя делать вывод о комплексности мер, соответствующих потребностям молодых семей в целом и студенческих, в частности, пока не приходится.

3 вопрос. Какова, на ваш взгляд, роль образовательной организации высшего образования в формировании мотивации к вступлению в брак студентов, оказанию помощи студенческим семьям? Должна ли и чем в этой сфере заниматься образовательная организация?

Эксперты сходятся во мнении, что «студенческие годы – это лучшее время для поиска партнера и создания семьи. Молодые легко сходятся и начинают становиться зрелыми людьми совместно, создавая общий быт, зачастую выбирая единую сферу деятельности. С детьми, как правило, не спешат, что обусловлено желанием обрести профессию и трудоустроиться, таким образом подготовив первоначальную материальную базу для создания полноценной семьи, в которой приготовлено достойное место детям». Один из экспертов исходит из того, что «студенческая семья ненадежна и чаще всего обращается за помощью как раз в связи с разводом».

Между тем, эксперты осторожны в конкретизации роли образовательной организации

в формировании мотивации к вступлению в брак:

1) «Эта роль есть, но я не думаю, что она является ключевой по множеству причин. Все-таки семья является главным институтом социализации, и если в семье у ребенка не сформировалось положительное представление о семье, то тогда образовательная организация может его попытаться в чем-то переубедить, но это не сработает. У нас есть различные курсы, которые работают на эту тему, есть внеучебная деятельность, но главным образом это все-таки вопрос семьи, и в первую очередь ценности должны формироваться именно в семье»;

2) «Считаю, что формирование мотивации на вступление в брак – это основы семейного воспитания, организация высшего образования должна давать профессию, которая может в будущем обеспечить выпускника, дать основу для его саморазвития и становления как профессионала. Личностные характеристики – это внутренние семейные установки. Однако нельзя не признать, что именно в студенческие годы у молодежи появляются осознанные стойкие дружеские привязанности, завязываются личные отношения между юношами и девушками, многие молодые люди начинают встречаться и жить вместе»;

3) «Мотивацией и пропагандой к вступлению в брак, полагаю, все же должны заниматься такие институты, как сама семья, государство, ну и, конечно же, церковь. Высшее учебное заведение должно мотивировать приобретать знания для получения первоклассного образования»;

4) «Мы оказываем помощь студентам, вступившим в брак, но не занимаемся пропагандой брака в студенческой семье, поскольку тем самым мы можем увеличить не только брачность, но и разводимость студентов»;

5) «Несомненно, важную роль в оказании помощи студенческим семьям должна представлять образовательная организация. Однако ключевую роль в данном вопросе, по моему мнению, играет вопрос воспитания человека в семье. Если ребенок жил в благополучной и полноценной семье – с мамой и папой, «впитывал» весь жизненный опыт, у него были близкие люди, которые давали необходимую информацию – понимание вопроса об институте семьи у человека сформировывается к его совершеннолетию. То есть, приходя в вуз, человек уже сформирован как лич-

ность, со своими устоями, пониманием многих вопросов. Университет в этом случае выступает только в качестве вспомогательного инструмента, который позволяет превратить алмаз в бриллиант. Современный обучающийся – это совершеннолетний молодой человек или девушка, который самостоятельно определяет, будет ли он заниматься только образованием или чем-то дополнительно (наука, творчество и т.д.). Формирование мотивации осуществляется в большей степени во время внеучебной деятельности, где молодые люди могут узнать что-то новое, увидеть своими глазами пример студенческих семей, что вполне возможно сочетать семейную жизнь с карьерным ростом и т.д. Молодые девушки и парни осознают, что создание семьи не является обременяющим фактором, а, наоборот, выступает вспомогательным инструментом в реализации своих желаний и всячески помогает на разных этапах жизни».

Как видно, эксперты подчеркивают прежде всего роль семьи в формировании у молодежи установок на брак и семью. Однако, наряду с этим, эксперты отмечают существенную роль вуза в поддержке студенческих семей: «Вместе с тем, поддержка вуза в случае образования студенческих семей, безусловно, должна иметь место. Хотя ресурсы университетов тут ограничены. Это, как правило: выражается в материальной поддержке по случаю бракосочетания или рождения ребенка, предоставлении семейным парам отдельных комнат в общежитиях. Также вуз имеет возможность пропагандировать семейные ценности в ежедневной воспитательной работе с обучающимися».

Поскольку возможности вузов в части финансовой поддержки студентов в связи с различными жизненными обстоятельствами остаются разными, меры материальной поддержки студенческих семей являются неоднородными для российских вузов, а также зависят от отношения администрации и профессорско-преподавательского состава к студенческим семьям:

1) «Меры поддержки есть, в нашем университете помощь оказывают. Фиксированной суммы нет, зависит от фонда материальной помощи факультета. Хотя у нас с коллегами есть ряд предложений по поводу небольших поправок в положение о материальной помощи и о закреплении конкретных сумм. Это будет касаться не только студенческих семей, но и семей с по-

терей кормильца и людей, получающих государственную материальную помощь. Мне кажется, нужно конкретизировать суммы, чтобы студенты не гадали, на какую помощь они могут рассчитывать».

2) *«Если возникает необходимость материальной поддержки студенческих семей, то мы стараемся оказать посильную помощь, в зависимости от нашего финансового положения в тот или иной период времени».*

3) *«Со стороны профсоюзной организации студенческого самоуправления мы стараемся помогать студенческим семьям, например, ежегодно дарим подарки детям на Новый год, билеты на елки».*

Большинство экспертов назвали следующие меры поддержки студенческих семей, реализуемые в их образовательных организациях: единовременная помощь студентам в связи с заключением брака, единовременная помощь студентам в связи с рождением ребенка, предоставление жилой площади в общежитиях семейного типа. По мнениям экспертов, академический отпуск хоть и способствует сохранению места в вузе, но *«оттягивает получение диплома о высшем образовании»*, *«молодой матери по возвращении из академического отпуска будет крайне сложно вернуться к учебе»*, *«рынок труда не получит вовремя квалифицированного специалиста»*. Одному из экспертов известен положительный опыт организации детского сада в вузе, и он признается, что *«задумывался об открытии такого же сада в своем университете»*, однако уверен, что с реализацией этого проекта возникнут весомые проблемы.

На наш взгляд, необходима институционализация студенческой семьи в российском правовом поле, что, наряду с развитием правового статуса, обусловит развитие мер поддержки данной категории семей. При этом образовательные организации высшего образования будут реализовывать общегосударственный курс, заключающийся в поддержке студенческих семей, но при этом будут исходить не из собственных доступных ресурсов, как правило, заложенных в статью расходов университета на воспитательную работу и социальную защиту обучающихся, а опираться на постоянное государственное финансирование.

4 вопрос. Как вы полагаете, нужно ли разрабатывать специальные государственные

меры поддержки студенческой семьи на государственном уровне? Если да, то можете описать их?

В ответе экспертов на данный вопрос можно отметить две ключевых позиции экспертов.

Первая связана с недостаточной уверенностью в том, что необходимо конкретизировать категорию студенческой семьи в качестве объекта государственной поддержки: *«В нашей стране уже существуют меры поддержки молодых семей. В эту категорию как раз и входят студенческие семьи. Не уверен, что создание отдельных мер поддержки на государственном уровне приведет к резкому увеличению показателей в этом вопросе»*. *«Нужно разрабатывать программы, направленные на поддержку молодых семей в целом. Я никогда не понимал, чем кардинально отличается по своему укладу жизни студенческая семья от нестуденческой, что в ней глобально другого, поэтому должна разрабатываться политика поддержки молодых семей, где должно быть уделено внимание поддержке молодым семьям, которые учатся в вузах»*.

Вторая позиция экспертов (ее разделяет большинство информантов) связана с уверенностью в необходимости государственной поддержки студенческой семьи. Также эксперты приводят эффективные, по их мнению, меры поддержки студенческих семей:

«Ключевые направления поддержки студенческих семей – это занятость и жилье. Не может современная молодая семья жить без своего жилья. Должно стать нормой в нашей стране улучшение жилищных условий в соответствии с количеством детей в семье: один ребенок – двухкомнатная квартира; двое-трое детей – трехкомнатная квартира. Заработная плата членов студенческой семьи должна быть не менее трех-четырех, а лучше пяти МРОТ».

«Наиболее востребованной мерой может стать особая повышенная социальная стипендия для семейных студентов или студентов, имеющих детей. В настоящее время повышенная социальная стипендия выплачивается студентам 1 и 2 курсов, имеющим хорошую успеваемость, однако для студентов старших курсов, обучающихся на дневной очной форме обучения, такая стипендия была бы хорошей помощью в формировании семейного бюджета». *«Несколько лет назад были определенные попытки сделать скидки при приеме на обучение молодым*

женщинам, которые родили детей... Надо поддерживать молодые семьи».

Таким образом, мы видим неоднозначность подходов руководителей вузов относительно необходимости поддержки студенческих семей. Данный факт обусловлен отсутствием широкого освещения данной проблематики как в СМИ, так и в профессиональных сообществах, в том числе университетских, а также отсутствием запроса государства к поддержке студенческих семей.

5-6 вопросы. Сколько студентов, обучающихся в вашем вузе, состоят в браке? Ведется ли в вузе учет студенческих семей? Сколько их? Какова динамика?

Можете ли вы охарактеризовать эти семьи – сколько студенческих семей являются семьями, в которых оба супруга студенты? Или один из студентов аспирант? Это студенты старших курсов бакалавриата? Магистратуры? Есть ли информация о том, сколько семейных студентов учится на различных формах обучения? В скольких семьях есть дети? Как студенческие семьи воспринимают помощь?

В ответе на данный вопрос руководители образовательных организаций обнаружили единообразие позиций.

Во-первых, у российских вузов нет обязанности осуществлять сбор статистических данных о брачном и семейном статусах студентов: *«У вузов нет обязанности собирать такие данные, их никто не запрашивает».*

Во-вторых, в вузах, где подобного рода статистика все же ведется, ее сбор инициирован руководством (образовательной организации или отдельных ее подразделений) и во многом обусловлен необходимостью учета распределяемой материальной помощи: *«На каждом факультете нашего института имеются данные о студентах, состоящих в браке и/или имеющих детей. Им, при необходимости, оказывается материальная помощь в пределах средств, выделяемых на материальную помощь из стипендиального фонда. На данный момент в вузе 25 студентов в возрасте от 18 до 25 лет состоят в браке».* *«Статистика не ведется, если только они не обращаются за социальной помощью. Так что численность студенческих семей неизвестна, но в среднем в каждой студенческой группе на 4 курсе лишь один-два человека состоят в браке. Это очень мало!».* *«В нашем вузе две семьи, в которых и муж, и жена являются*

нашими студентами. Одна семья – бакалавры, другая – магистранты. Дети есть в 12 студенческих семьях».

«Чаще всего это не браки внутри университета (их очень мало), обычно они из разных вузов, в том числе даже из разных городов. Чем старше студенты, тем чаще ими заключаются браки. В то время как на 1-2 курсах замужних и женатых практически нет: аспиранты – 2-3 человека в группе (чаще девушки), магистранты – 1-2 человека, 4 курс (75 человек) – 1 человек в группе, 3 курс – 1-2 человека на курс».

«По данным университета, процент студентов, находящихся в браке, не превышает 5% от общего числа обучающихся. Чаще всего это люди, имеющие среднее профессиональное образование, достигшие 23-25-летнего возраста и люди, получающие второе высшее образование».

«В основном семейные студенты – это ординаторы или аспиранты, то есть люди, уже закончившие университет. В процентном соотношении привилегия за девушками. У большинства молодых людей к этому времени уже есть профессия, за счет которой они могут достойно содержать свою семью».

Чаще всего руководителям образовательных организаций доподлинно неизвестно о восприятии и оценке членами студенческих семей мер государственной поддержки и социальной помощи от образовательной организации, однако предполагают, что данные меры воспринимаются положительно: *«Несомненно, всегда приятно, когда государство/университет о тебе заботятся, дополнительная финансовая поддержка никогда не бывает лишней в молодых семьях, особенно, когда есть дети».*

Все эксперты единогласно отмечают тенденцию к снижению динамики уровня брачности среди студентов и связывают ее с желанием молодежи сначала получить образование, трудоустроиться, решить жилищный вопрос и «финансово встать на ноги» и лишь потом брать на себя ответственность за семью и детей: *«...Страх ответственности за материальное положение семьи и желание покупки жилья доминируют над готовностью вступить в брак».*

7 вопрос. Нужна ли работа со студенческой семьей в российских вузах?

Многие эксперты отметили необходимость популяризации семейных ценностей в студенческой среде и организации работы со студен-

ческими семьями в российских вузах, однако у каждого руководителя образовательной организации свой взгляд на то, какие направления взаимодействия с ними должны присутствовать в вузах. Отмечалось, что необходимо организовать специальные опросы, тестирования для членов молодых студенческих семей, по результатам которых можно определить «вектор дальнейшего их развития» и «приоритетные направления поддержки». Большая часть экспертов полагает, что студенческим семьям необходима в том числе психологическая помощь, однако не все вузы имеют возможность ввести ставку квалифицированного семейного психолога и социального педагога. Также многие эксперты полагают, что вузам необходимо совершенствовать технологию предоставления гибкого учебного графика (в том числе на основе индивидуального учебного плана) членам молодых студенческих семей для того, чтобы у них была возможность сочетать учебу с работой и воспитанием малолетних детей. Один из экспертов отметил, что вузам необходимо развивать собственную социально-экономическую базу в части предоставления студенческим семьям работы и жилья. Однако при ответе на 8 вопрос (**Какую помощь оказывают в вузе студенческим семьям? Есть ли специализированные программы поддержки для студенческих семей? Какие-то отдельные меры в их интересах (материальная помощь, помощь с трудоустройством, организацией учебы и т.д.?)**) руководители отметили, что специализированных программ, ориентированных на студенческие семьи, в вузах пока нет, но «студентам оказывается единовременная материальная помощь при вступлении в брак, при постановке на учет на ранних сроках беременности, при рождении ребенка, как за счет внебюджетных средств университетов, так и за счет средств профсоюзных организаций». Однако «постоянных выплат членам студенческих семей пока нет». В двух университетах молодым семьям с ребенком финансовая помощь выплачивается единовременно в семестр одному из супругов. Примечательно, что в одном из этих вузов материальная помощь 1 раз за учебный семестр выплачивается также неполным студенческим семьям, где один родитель-студент воспитывает ребенка.

Во многих вузах функционируют центры трудоустройства и клубы выпускников, куда могут

обратиться как обучающиеся, так и выпускники, в том числе члены молодых семей, чтобы получить помощь в трудоустройстве. Представляет интерес тот факт, что пока замужняя и/или беременная студентка не находится в официальном академическом отпуске, решать возникшие проблемы с учебой ей приходится самостоятельно, «в зависимости от отношения к ней и ее успеваемости руководства факультета/департамента», однако «внегласно беременных на экзаменах берегут, не заваливают», «мамы, которые не уходят в академический отпуск, имеют возможность продолжить учебу очно, с применением дистанционных технологий». Так, наблюдается прямая зависимость системы поддержки студенческой семьи от личного отношения руководства вузов и/или сотрудников выпускающих кафедр, факультетов.

9 вопрос. Есть ли у вас студенческое общежитие? Можно ли туда поселить студенческие семьи? Оказывается ли им какая-то помощь в поиске жилья?

Все руководители образовательных организаций отмечают наличие студенческих общежитий или студенческих гостиниц. Однако семейные пары студентов живут только в студенческих гостиницах трех университетов, при этом в двух случаях из трех общежитие предоставлено, поскольку оба члена студенческой семьи – студенты данного вуза.

По мнению экспертов, семейные студенты «стремятся все же снимать отдельное жилье или проживают совместно с родителями» и «формально привилегии для студенческих семей не прописаны, но если бы такие желающие были, мы бы этот вопрос, конечно, рассмотрели и пошли бы навстречу», «привилегий для студенческой семьи особых нет, так как и историй таких практически нет», «общежития предназначены для проживания обучающихся, но проживание семейных пар не предполагается. Управление молодежной и социальной политики может направить [семейные пары] в общежития вузов-партнеров, с которыми заключены соглашения...»

10 вопрос. Кто занимается оказанием помощи студенческим семьям в университете? Какая структура? Есть какая-либо общественная организация студенческих семей? Осуществляется ли сотрудничество с неправительственными организациями в контексте оказания помощи?

Эксперты отметили, что специализированных подразделений, структур или специалистов, оказывающих помощь студенческим семьям, в вузах нет, так как «в них нет пока необходимости». Однако текущую работу по оказанию материальной поддержки и психологической помощи студентам ведут управления, департаменты, отделы по социальной работе, воспитательной работе и молодежной политике, студенческие профсоюзные комитеты: «В случае необходимости студенческие семьи могут обратиться за помощью – финансовой, психологической, социальной». Общественных организаций студенческих семей в университетах, принявших участие в исследовании, нет. Между тем, в России существует практика организации студенческих клубов молодых семей, которые открываются в экспериментальном порядке на базе факультетов социально-гуманитарного профиля, поддерживаются руководителями образовательных организаций высшего образования, а также являются инициативами, поддержанными грантами (Росмолодежи, губернаторов, Президента России, а также некоммерческими организациями).

11 вопрос. Осуществляется ли поддержка студенческих семей на уровне региона? Действуют ли какие-либо специальные программы, меры? Какая структура в системе регионального управления координирует эту работу? Запрашивают ли у вуза отчетность о работе со студенческими семьями (муниципальные, региональные органы власти)?

Как правило, руководителям образовательных организаций неизвестны меры поддержки студенческих семей на уровне их регионов, поскольку в вузах практически нет студенческих семей, обращающихся за помощью к университетам, в связи с чем возникла бы необходимость детального изучения регионального законодательства в части оказания помощи студенческим семьям. Между тем, отдельно отмечалось: «... Во Владимирской области действуют федеральные программы предоставления субсидий бюджетам муниципальных образований на софинансирование мероприятий по обеспечению жильем молодых семей и программа «Социальная поддержка отдельных категорий граждан во Владимирской области», в которую включены молодые семьи, имеющие прожиточный уровень ниже установленного в регионе». «В Москве существует дополнительная под-

держка студенческих семей в виде ежемесячной компенсации роста стоимости продуктов питания. Ее можно оформить, если оба родителя учатся очно и их ребенок младше 3 лет». «В Свердловской области за счет регионального бюджета, бюджета муниципальных образований предусмотрены региональные социальные выплаты молодым семьям на приобретение (строительство) жилья в размере 20% расчетной стоимости жилья».

У вузов, принявших участие в исследовании, ни одна из структур органов исполнительной власти не запрашивает информацию о количестве студенческих семей и способах их поддержки.

12. Какие проекты вам были бы интересны в области работы со студенческой семьей? Какие проблемы есть в данной сфере? Какая помощь вузу необходима для эффективной работы со студенческой семьей?

Эксперты отмечали, что в вузах необходимо популяризировать «понимание ценности семьи» и «семейные роли», при этом «делать это интересно, что очень непросто». «Самой главной является идея, которую нужно создать, а уже потом говорить о помощи в реализации этой идеи. Сначала нужно понять, что делать, а это сложно. Оригинальной идеи нет, в целом это тема, которая мало затронута в системе образования в России. У студентов есть одно качество, которое нужно учитывать в этой политике } им семья надоела. Как правило, студент хочет уйти от родителей, не жить с ними. И в этом состоянии рассказывать студенту, что он должен создать семью – это сложно...»

В целом несмотря на то, что в вузах, участвующих в исследовании, невелико количество студенческих семей, руководителям образовательных организаций было бы интересно ознакомиться с положительными практиками работы со студенческими семьями в образовательных организациях высшего образования, «подумать и посчитать, во сколько потом эти меры обойдутся университету». Также большинство экспертов отметили, что студенческим семьям необходимо прежде всего, собственное жилье. Актуальными видятся также инициативы по созданию в вузах детских садов и школ, в которых будут обучаться дети студентов и сотрудников университетов.

На наш взгляд, в молодежной студенческой среде необходимо создать «моду» на семью,

семейный образ жизни, подкрепляемые поддержкой всеми субъектами социально-политической жизни общества и образовательной системы.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экспертный опрос позволил выявить представление руководства российских вузов о демографической ситуации в стране и регионе, необходимости и взаимосвязи мер поддержки молодых семей, в том числе студенческих, на различных уровнях (федеральном, региональном, вузовском).

Политика поддержки студенческой семьи в России практически не институализирована, поэтому значительную роль играют те меры,

которые оказывают отдельные вузы по собственной инициативе. Экспертный опрос дал возможность оценить масштабы оказываемой помощи и определить возможные перспективы реализации политики в интересах студенческих семей.

Таким образом, рассмотрение специфики функционирования молодых семей, в которых супруги продолжают образование, позволило получить обоснованное представление о способах и мерах адресной семейно-демографической политики в их интересах. Результаты исследования послужат основой для разработки комплекса мер на национальном уровне, направленных на поддержку российской студенческой семьи. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В., Новоселова Е. Н., Синельников А. Б., Жаворонков А. В. И вместе, и врозь: социология взаимных представлений супругов по результатам социологических исследований : Монография. Москва : Издательско-полиграфическое объединение «У Никитских ворот», 2022. 272 с. EDN JHDLWS.
2. Нуреев Р. М., Капогузов Е. А., Латов Ю. В., Чупин Р. И. Семейные домохозяйства и семейная политика в современной России : Монография. Москва : Издательство «КноРус», 2023. 236 с. EDN ILQHKM.
3. Гурко Т. А., Тарченко В. С. Динамика брачных установок и планов студентов // *Социологические исследования*. 2019. № 7. С. 102–113. DOI 10.31857/S013216250005797-9. EDN IQARLC.
4. Капогузов Е. А., Чупин Р. И. Тенденции деинституционализации студенческой семьи в России: анализ нарративов // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 95–108. DOI 10.17213/2075-2067-2022-1-95-108. EDN FLUNFY.
5. Синельников А. Б. Обособление поколений в семьях как фактор снижения рождаемости // *Социологические исследования*. 2022. № 5. С. 36–48. DOI 10.31857/S013216250020195-7. EDN FODWFN.
6. Синельников А. Б. Социальная приемлемость объективных и субъективных причин для развода в современной России // *Социологические исследования*. 2023. № 4. С. 75–83. DOI 10.31857/S013216250022703-6. EDN МОНТБК.
7. Архангельский В. Н., Калачикова О. Н. Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13, № 5. С. 200–217. DOI 10.15838/esc.2020.5.71.12WOS. EDN GGMDHG.
8. Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В. Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар // *Уровень жизни населения регионов России*. 2021. Т. 17, № 1. С. 121–131. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.1.9. EDN XPAFHC.
9. Архангельский В. Н., Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 5. С. 3–24. DOI 10.21064/WinRS.2021.0.1. EDN YEVOGS.
10. Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Студенческая семья в современной России: демографические и социальные характеристики по данным выборочного обследования // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 135–149. EDN XURWKG.
11. Гареева И. А., Косойкина С. А., Нам Д. С., Огарева Н. А. Социальные проблемы современной молодой семьи // *Ученые заметки ТОГУ*.

2021. Т. 12, № 2. С. 254–259. EDN FWQNZZ.

12. РОСТОВСКАЯ Т. К., КУЧМАЕВА О. В., ЗОЛОТАРЕВА О. А. Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2023. Т. 23, № 1. С. 40–60. DOI 10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60. EDN JVTJVQ.

13. ВИШНЕВСКИЙ Ю. Р., ЯЧМЕНЕВА М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // *Образование и наука*. 2018. Т. 20, № 5. С. 125–141. DOI 10.17853/1994-5639-2018-5-125-141. EDN XPCVPE.

14. МОНАСТЫРСКАЯ Т. И., ЦВЕТКОВА А. В. Образ молодой семьи в представлении студентов // *Проблемы современного педагогического образования*. 2021. № 71-3. С. 91–96. EDN TMLHXZ.

15. BEAUJOUAN, E., & BERGHAMMER, C. (2019). The gap between lifetime fertility intentions and completed fertility in Europe and the United States: A cohort approach. *Population Research and Policy Review*, 38(4), 507–535. <https://doi.org/10.1007/s11113-019-09516-3>.

16. BERGNÉHR, D. (2009). Social influence and the

timing of parenthood. *Interpersona: An International Journal on Personal Relationships*, 3(S1), 61–83. <https://doi.org/10.5964/ijprv3isupp1.69>.

17. BROWN, S. L., MANNING, W. D., & STYKES, J. B. (2015). Family structure and child well-being: Integrating family complexity. *Journal of Marriage and Family*, 77(1), 177–190. <https://doi.org/10.1111/jomf.12145>.

18. ERIKSSON, C., LARSSON, M., SKOOG SVANBERG, A., & TYDÉN, T. (2013). Reflections on fertility and postponed parenthood-interviews with highly educated women and men without children in Sweden. *Upsala Journal of Medical Sciences*, 118(2), 122–129. <https://doi.org/10.3109/03009734.2012.762074>.

19. MOGI, R., & CANUDAS-ROMO, V. (2018). Expected years ever married. *Demographic Research*, 38, 1423–1456. <https://doi.org/10.4054/demres.2018.38.47>.

20. SAMPER MEJIA, C. (2021). The interplay between the early work and family trajectories of young adult women born in West Germany: Differences by parental origins. *Journal of International Migration and Integration*, 24(S1), 345–368. <https://doi.org/10.1007/s12134-021-00882-6>.

REFERENCES

1. ANTONOV, A. I., KARPOVA, V. M., LYALIKOVA, S. V., NOVOSELOVA, E. N., SINELNIKOV, A. B., & ZHAVORONKOV, A. V. (2022). *Both together and apart: Sociology of mutual representations of spouses according to the results of sociological research*. Publishing and Printing Association “At the Nikitsky Gate”. <https://elibrary.ru/jhdlws>.

2. NUREYEV, R. M., КАРОГУЗОВ, Е. А., ЛАТОВ, Ю. В., & ЧУПИН, Р. И. (2023). *Family households and family policy in modern Russia*. Publishing house “Knorus”. <https://elibrary.ru/ilqhkml>.

3. GURKO, T. A., & TARCHENKO, V. S. (2019). Dynamics of students’ marital attitudes and plans. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (7), 102–113. <https://doi.org/10.31857/S013216250005797-9>.

4. КАРОГУЗОВ, Е. А., & ЧУПИН, Р. И. (2022). Trends in the deinstitutionalization of the student family in Russia: Narrative analysis. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 15(1), 95–108. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-95-108>.

5. SINELNIKOV, A. B. (2022). Separation of generations in families as a factor for reducing birth rate. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (5), 36–48. <https://doi.org/10.31857/S013216250020195-7>.

6. SINELNIKOV, A. B. (2023). Social acceptability of objective and subjective reasons for divorce in modern Russia. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (4), 75–83. <https://doi.org/10.31857/S013216250022703-6>.

7. ARKHANGELSKY, V. N., & KALACHIKOVA, O. N. (2020). Mother’s age at the birth of her first child: Dynamics, regional differences, determination. *Ekonomicheskie i Sotsial’nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*, 13(5), 200–217. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.12WOS>.

8. ANTONOV, A. I., KARPOVA, V. M., & LYALIKOVA, S. V. (2021). The gap between desired and actual level of families well-being according to the results sociological and demographic married couples survey. *Living standarts of the population in the regions of Russia*, 17(1), 121–131. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.1.9>.

9. ARKHANGELSKY, V. N., РОСТОВСКАЯ, Т. К., & VASILYEVA, E. N. (2021). Influence of the standard of living on the reproductive behavior of Russians: Gender aspect. *Woman in Russian Society*, (S), 3–24. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.1>.

10. KUCHMAEVA, O. V., & ZOLOTAREVA, O. A. (2022). Student family in modern Russia: Demographic and social characteristics according to sample survey

data. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 15(1), 135–149. <https://elibrary.ru/xurwkg>.

11. GAREEVA, I. A., KOSOIKINA, S. A., NAM, D. S., & OGAREVA, N. A. (2021). Social problems of the modern young family. *Scientific Notes of TOSU*, 12(2), 254–259. <https://elibrary.ru/fwqzqz>.

12. ROSTOVSKAYA, T. K., KUCHMAEVA, O. V., & ZOLOTAREVA, O. A. (2023). Russian student family: Determinants of marriage. *RUDN Journal of Sociology*, 23(1), 40–60. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60>.

13. VISHNEVSKY, YU. R., & YACHMENEVA, M. V. (2018). The attitude of student youth to family values (case study of the Sverdlovsk region). *Education and Science Journal*, 20(5), 125–141. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-125-141>.

14. MONASTYRSKAYA, T. I., & TSVETKOVA, A. V. (2021). Image of young family in representation of students. *Problems of Modern Teacher Education*, (71-3), 91–96. <https://elibrary.ru/tmlhxz>.

15. BEAUJOUAN, E., & BERGHAMMER, C. (2019). The gap between lifetime fertility intentions and completed fertility in Europe and the United States: A cohort approach. *Population Research and Policy*

Review, 38(4), 507–535. <https://doi.org/10.1007/s11113-019-09516-3>.

16. BERGNÉHR, D. (2009). Social influence and the timing of parenthood. *Interpersona: An International Journal on Personal Relationships*, 3(S1), 61–83. <https://doi.org/10.5964/ijpr.v3isuppl.69>.

17. BROWN, S. L., MANNING, W. D., & STYKES, J. B. (2015). Family structure and child well-being: Integrating family complexity. *Journal of Marriage and Family*, 77(1), 177–190. <https://doi.org/10.1111/jomf.12145>.

18. ERIKSSON, C., LARSSON, M., SKOOG SVANBERG, A., & TYDÉN, T. (2013). Reflections on fertility and postponed parenthood-interviews with highly educated women and men without children in Sweden. *Upsala Journal of Medical Sciences*, 118(2), 122–129. <https://doi.org/10.3109/03009734.2012.762074>.

19. MOGI, R., & CANUDAS-ROMO, V. (2018). Expected years ever married. *Demographic Research*, 38, 1423–1456. <https://doi.org/10.4054/demres.2018.38.47>.

20. SAMPER MEJIA, C. (2021). The interplay between the early work and family trajectories of young adult women born in West Germany: Differences by parental origins. *Journal of International Migration and Integration*, 24(S1), 345–368. <https://doi.org/10.1007/s12134-021-00882-6>.

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

CORPORATE MANAGEMENT

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Е. В. Базуева^{ab}, А. А. Старожук^a

^a Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Пермь, Россия)

^b Вологодский научный центр Российской академии наук
(Вологда, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Перманентное усложнение экономических явлений и процессов, рост взаимообусловленности трудноучитываемых и труднопредсказуемых факторов формируют и усиливают неопределенность в функционировании предприятий, что требует модификации существующих инструментов управленческих воздействий. Цель: разработка авторской методики оценки эффективности стратегического управления предприятиями в условиях неопределенности.

Материалы и методы. Синтез инструментария системного анализа, средового (парадигма саморазвивающихся сред) и ресурсного (парадигма «субъект – полисубъектная среда») подходов, соответствующих парадигмам постнеклассического этапа развития научного знания, критический анализ теорий и концепций в рамках базовых Школ стратегического менеджмента и методов оценки эффективности деятельности предприятий, ресурсно-процессный подход.

Результаты. Идентифицирована система факторов внешней среды по уровню неопределенности с учетом их влияния при формировании стратегии развития предприятия, предложен алгоритм авторской методики оценки эффективности стратегического управления предприятиями в условиях неопределенности в рамках результативно-процессного подхода, включающий в себя четыре взаимосвязанных блока, подчиненных единой цели – определению условий прогрессивного развития предприятия в долгосрочной перспективе посредством учета влияния факторов неопределенности. Показана возможность его использования с учетом отраслевой специфики применительно к предприятиям общественного питания.

Выводы. Последовательность реализации алгоритмизированных действий позволит в большей степени учитывать взаимозависимости различных факторов разных уровней неопределенности внешней и внутренней среды предприятия в конкретной отрасли экономики, что может стать основой разработки адаптационной модели стратегического управления. Полученные результаты представляют интерес с позиций дальнейшего развития подходов к оценке эффективности стратегического управления предприятиями в условиях неопределенности. Практическая ценность предложенного инструментария определяется возможностями выявления преимуществ и ограничений развития предприятий в долгосрочной перспективе в условиях неопределенности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уровни неопределенности, внешняя и внутренняя среда, ресурсный подход, результативно-процессный подход, средовый подход, бизнес-процессы предприятия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Базуева Е. В., Старожук А. А. Методика оценки эффективности стратегического управления предприятиями общественного питания в условиях неопределённости // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 1. С. 52-67. EDN UGZWBD. DOI 10.22394/2304-3369-2024-1-52-67.

© Е. В. Базуева, А. А. Старожук, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Базуева Елена Валерьевна – доктор экономических наук, профессор; Пермский государственный национальный исследовательский университет — *профессор кафедры мировой и региональной экономики и экономической теории* (614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15); Вологодский научный центр Российской академии наук — *ведущий научный сотрудник* (160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56а); bazueva.l@mail.ru. SPIN-код: 8886-7780, ORCID: 0000-0002-0945-3597, ResearcherID: E-1233-2017.

Старожук Александр Алексеевич – Пермский государственный национальный исследовательский университет — *аспирант кафедры мировой и региональной экономики и экономической теории* (614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15); starskymaf@yandex.ru. ORCID: 0009-0006-3732-1993.

Статья поступила 30.10.2023; рецензия получена 11.01.2024; принята к публикации 26.01.2024.

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF STRATEGIC MANAGEMENT OF PUBLIC CATERING ENTERPRISES UNDER UNCERTAINTY

E. V. Bazueva^{ab}, A. A. Starozhuk^a

^a Perm State National Research University

(Perm, Russia)

^b Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

(Vologda, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. Continuously evolving economic phenomena and processes, along with an increase in the interdependence of hard-to-account-for and hard-to-predict factors, shape and increase uncertainty in the functioning of enterprises, necessitating a modification of existing management tools. Objective: development of an original methodology for assessing the efficacy of strategic management in enterprises under conditions of uncertainty.

Materials and methods. Synthesis of system analysis tools, environmental (the paradigm of self-developing environments) and resource (the “subject - poly-subject environment” paradigm) approaches corresponding to the paradigms of the post-nonclassical stage in the development of scientific knowledge, critical analysis of theories and concepts within the basic Schools of strategic management, and methods for assessing the efficiency of enterprises, resource-process approach.

Results. A system of environmental factors by level of uncertainty, taking into account their influence in the formation of enterprise development strategies, is Identified, proposed an algorithm for the author’s methodology for assessing the effectiveness of strategic enterprise management under conditions of uncertainty within the framework of a result-process approach, including four interrelated blocks subordinate to a single goal – determining the conditions for progressive enterprise development in the long term by taking into account the influence of uncertainty factors. The possibility of its use, taking into account industry specifics, in relation to public catering enterprises is shown.

Discussion. The sequence of algorithmized actions will make it possible to take into account to a greater extent the interdependencies of various factors of different levels of uncertainty in the external and internal environments of an enterprise in a specific branch of the economy, which can become the basis for developing an adaptive model of strategic management. The results obtained are of interest from the standpoint of further developing approaches to assessing the effectiveness of strategic management of enterprises under conditions of uncertainty. The practical value of the proposed tools is determined by the possibilities of identifying the advantages and limitations of enterprise development in the long term under conditions of uncertainty.

KEYWORDS: levels of uncertainty, external and internal environment, resource approach, performance-process approach, environmental approach, business processes of the enterprise.

FOR CITATION: Bazueva, E. V., & Starozhuk, A. A. (2024). Methodology for assessing the effectiveness of strategic management of public catering enterprises under uncertainty. *Management Issues*, 18(1), 52–67. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-1-52-67>

AUTHORS' INFORMATION:

Elena V. Bazueva – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Perm State National Research University — *professor of the Department of World and Regional Economics and Economic Theory* (15, Bukirev St., Perm, 614990, Russia); Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences — *leading researcher* (56a, Gorky St., Vologda, 160014, Russia); bazueva.l@mail.ru. SPIN: 8886-7780, ORCID: 0000-0002-0945-3597, ResearcherID: E-1233-2017.

Aleksandr A. Starozhuk – Perm State National Research University — *postgraduate student of the Department of World and Regional Economics and Economic Theory* (15, Bukirev St., Perm, 614990, Russia); starskymaf@yandex.ru. ORCID: 0009-0006-3732-1993.

The article was submitted 10/30/2023; reviewed 01/11/2024; accepted for publication 01/26/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Хозяйственная реальность XXI в. характеризуется усложнением экономических явлений и процессов, основанном на взаимообусловленности совокупности многочисленных трудночитываемых и труднопредсказуемых факторов, формирующих и усиливающих неопределенность в функционировании экономических систем разного уровня. Данный процесс усложнения экономических систем, их способность к саморазвитию стали основой формирования и развития нового постнеклассического этапа развития научного знания [1].

Как известно, в его границах при исследовании сложных систем принято выделять две парадигмы: парадигму саморазвивающихся сред и парадигму «субъект полисубъектная среда». В зависимости от выбранной исследовательской парадигмы ученые определяют неопределенность в качестве: фактора бизнес-среды [2, с. 20; 3, с. 481; 4, с. 22], экзогенного фактора внешней среды функционирования хозяйствующих субъектов [5]¹, одной из ключевых характеристик VUCA-

мира² [6; 7 с. 5; 8, с. 10]³, индивидуального социально-психологического аспекта бытия человека [9, с. 121], эндогенного фактора инновационного развития фирм [10, с. 112; 11, с. 67].

Высокая степень полемичности подходов к трактовке сущности неопределенности, методам ее оценки, целеполаганию деятельности субъектов, а также конкретным инструментам ее реализации в практике управления потребовала уточнения данной категории в качестве объективного и всеобщего свойства сложных систем, аккумулирующего в себе все другие их свойства, обладающего способностью к самоусложнению под воздействием бесконечного множества факторов и имеющего нарастающий характер, связанный с самоусложнением систем и выявлением новых элементов системы⁴.

² К примеру, Де Шауэр О. следующим образом раскрывает аббревиатуру VUCA-мира, составленную из первых букв слов «волатильность», «неопределенность», «сложность» и «амбивалентность/неясность».

³ Singhal, N. (2021). Leading in a VUCA World: Lessons from COVID-19. *The IUP Journal of Business Strategy*, 18(2), 49–54.

⁴ Результаты теоретического анализа сущностных характеристик категории неопределенности и обоснование авторского подхода к ее трактовке представлено в: Старожук, А. А. Неопределенность как сущностная характеристика сложных систем: основания для модификации стратегического управления / А. А. Старожук, Е. В. Базуева // Экономика и управление: актуальные проблемы и поиск путей решения : Материалы Российской научно-практической конференции молодых ученых и студентов, Пермь, 19–21 апреля 2023 года / Отв. редактор А.М. Ощепков. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. С. 397-404. EDN FGUYRT..

¹ Де Шауэр О. Неопределенность как характеристика современного мира: управленческий аспект // *Univsum: экономика и юриспруденция* : электрон. научн. журн. 2022. 6(93). С. 47. URL: <https://7univsum.com/ru/economy/archive/item/13733> (дата обращения: 25.02.2024).

С этих позиций были проанализированы основные теоретические концепции базовых школ стратегического менеджмента, развиваемые в рамках средового (соответствующий парадигме саморазвивающихся сред) и ресурсного (соответствующий парадигме «субъект – полисубъектная среда») подходов⁵. Выделение данных парадигм применительно к современному этапу исследований особенностей функционирования и управления сложными системами было обозначено в работах В. Е. Лепского⁶. Нами данный подход был транспонирован применительно к стратегическому управлению деятельностью предприятия.

Средовой подход (соответствующий парадигме саморазвивающихся сред) основан на приоритетности неопределенности динамики внешней среды как основного фактора, определяющего особенности стратегического управления предприятием, предполагает выбор стратегий, нацеленных на укрепление/улучшение конкурентных позиций предприятия на конкретном рынке. Данный подход развивался в рамках основных Школ стратегического менеджмента⁷ и прослеживается в таких общеизвестных методах и моделях 1970-х гг., как SWOT-анализ, модель пяти ключевых конкурентных сил [12; 13], ресурсно-ориентированном подходе к разработке стратегии, 1980-х гг. – концепциях и инструментах управленческого контроля (концепции Кайдена, всеобщего управления качеством, гибкого производства, реинжиниринга производственных процессов). Представляется, что в условиях постоянно нарастающей неопределенности этого явно недостаточно, так как необходима детальная систематизация более «далних» от предприятия факторов внешней среды с последующей ее группировкой.

Ресурсный подход (соответствующий парадигме «субъект – полисубъектная среда»), развиваемый с конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. На основе достижений предшествующих научных школ стратегического менеджмента с использованием междисциплинарного подхода

⁵ Результаты теоретического анализа были представлены на конференции «Менеджмент и предпринимательство в парадигме устойчивого развития».

⁶ Лепский В. Е. Методологический анализ российских потенциалов инновационного развития: обоснование актуальности организации саморазвивающихся инновационных сред // Организация саморазвивающихся инновационных сред / Под ред. В. Е. Лепского М.: «Когито-Центр», 2012. 161 с.

⁷ Данные школы были выделены Г. Минцбергом.

в рамках Школы конфигурации (теоретико-методические разработки А. Чандлера, Д. Миллера, М. Бира, Г. Минцберга, эмпирические исследования П. Хандавалла Д. Герста, Р. Дикхоута, М. Денхама, Н. Блеквила и др.), напротив, предполагает приоритетность уникальных внутренних ресурсов фирмы как основного инструмента трансформации неопределенности внешней среды. При этом акцентирование внимания на уникальности управленческой и предпринимательской активности высшего руководства предприятия не позволяет рассматривать предприятие как сложную систему, обладающую одинаковыми с другими предприятиями (производственными мощностями) и уникальными (трудовыми, информационными, управленческими, институциональными) ресурсами.

Выделенные ограничения ресурсного и средового подходов в современных условиях проецируются на методологию оценок эффективности стратегического управления деятельностью предприятий. При этом усложняющиеся условия и усиление неопределенности развития внешней среды объективно формируют потребность совершенствования *Performance Measurement System* (англ. «системы оценки эффективности деятельности») или «системы измерения результативности» [14, с. 169]. В настоящий момент она является одним из наиболее приоритетных и развивающихся методов управления, который, по мнению исследователей⁸, характеризуется концептуальной сформированностью, высокой практической значимостью, наличием возможности развития посредством адаптации к объектам исследования, наличием комплексного инструментария анализа эффективности стратегического управления, предполагающего возможность включения в действующую систему показателей дополнительных индикаторов, отражающих неопределенность внешней среды.

Обозначенные выше возможности совершенствования системы оценки эффективности деятельности предприятий на основе интеграции средового и ресурсного подходов актуализировали необходимость разработки авторской методики оценки эффективности стратегического управления предприятиями общественного

⁸ Бойко Н. Е. Комплексные подходы в оценке эффективности стратегического управления // Транспортное машиностроение. 2016. № 5 (53). С. 15.

питания в условиях неопределенности, что составляет цель данной статьи. Уточним далее концептуальные основы формирования авторского методического подхода.

■ МЕТОДЫ

Теоретико-методологические основания авторского методического подхода к оценке эффективности стратегического управления предприятиями в условиях неопределенности выражаются в нескольких аспектах.

Во-первых, как отмечалось нами выше, изменение подходов к герменевтике категории неопределенности детерминировано этапами эволюции научного знания⁹. Известно, что на современном постнеклассическом этапе развития научного знания функционируют сложные саморазвивающиеся системы, для которых неопределенность является одним из базовых свойств. Для данных систем характерно перманентное усложнение «изнутри» под воздействием постоянного наращивания множественности, разнохарактерности и агрессивности факторов внешней среды. Следовательно, объективный и всеобщий характер неопределенности как свойства сложных систем и ее способность к самоусложнению под воздействием бесконечного множества факторов, имеющего нарастающий характер, необходимо учитывать в практике стратегического управления деятельностью предприятий.

Во-вторых, возникновение и усложнение различных видов неопределенности, формирующихся во внешней и внутренней среде предприятия как сложной саморазвивающейся системы, актуализируют необходимость синтеза инструментария теоретических концепций стратегического менеджмента, развиваемых в рамках средового (парадигма саморазвивающихся сред) и ресурсного (парадигма «субъект – полисубъектная среда») подходов¹⁰.

Авторский подход к герменевтике категории неопределенности и результаты критического анализа базовых школ стратегического менеджмента в рамках средового и ресурсного подходов, в т. ч. с использованием постулатов системного подхода, позволили, во-первых, иден-

тифицировать систему факторов внешней среды по уровню неопределенности с учетом их влияния при формировании стратегии развития предприятия¹¹:

- факторы первого круга включают ближайшее окружение, предполагают анализ состояния рынка, формируют низкий уровень неопределенности;
- второй круг факторов связан с анализом тенденций развития отрасли, определяющих специфику функционирования конкретного предприятия, изменений в нормативно-правовом обеспечении государственного регулирования, в политике конкурентов формирует прогнозируемую сценарную неопределенность;
- третий круг факторов учитывает появление новых отраслей, нового товара, выход на новые рынки, связанные, прежде всего, с формированием и развитием инновационной экономики, основу которой составляют технологические (появление новых технологий, политика государства в области научно-технического прогресса и т.д.), а также социально-культурные (общественные нормы и ценности, демографическая структура, мобильность населения и т.д.) факторы формируют прогнозируемую вариативно-сценарную неопределенность;
- четвертый круг факторов формирует полную неопределенность и включает всю совокупность факторов предшествующих трех кругов.

В-третьих, применение синтеза постулатов ресурсного подхода, связывающего трансформацию выделенных факторов неопределенности внешней среды с уникальностью ее управленческих и человеческих ресурсов и системного анализа, позволяет учитывать не только прямое влияние внешней среды на принимаемые управленческие решения посредством необходимости его адаптации к постоянно усложняющимся условиям VUCA-экономики¹², но и обратное влияние управленческих решений на изменения функционирования сложных социально-экономических систем, которые прослеживаются в исследованиях природы предпринимательства и инноваторов.

⁹ Результаты данного теоретического анализа представлены в предшествующих публикациях авторов.

¹⁰ Результаты теоретического анализа представлены на VI международной научно-исследовательской конференции «Менеджмент и предпринимательство в парадигме устойчивого развития» (г. Екатеринбург, 26 мая 2023 г.).

¹¹ Уровни неопределенности даны в соответствии с подходом P. Viguerie, J. Kirkland, H. Courtney.

¹² Де Шауэр О. Неопределенность как характеристика современного мира: управленческий аспект // *Universum: экономика и юриспруденция* : электрон. научн. журн. 2022. 6(93). С. 47. URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/13733> (дата обращения: 25.02.2024).

Таблица 1 — Сравнительный анализ методик анализа эффективности стратегического управления в рамках ресурсного подхода
Table 1 — Comparative analysis of methods for analyzing the effectiveness of strategic management within the framework of the resource approach

Подходы	Стратегическая направленность	Ключевой показатель	Широта охвата анализа	Преимущества	Ограничения
I группа методик - оценка доходности деятельности предприятия в краткосрочный период					
Рыночный подход Du Pont (разработка компании «E I Du Pont de Nemours & Co»)	улучшение показателей экономической эффективности	п р и б ы л ь компании	традиционные финансовые показатели	позволяет оценить эффективность оперативного управления, сопоставить значения деятельности предприятия и отрасли	ориентация на краткосрочный период; доминирование финансовых показателей; влияние внешней среды не учитывается
Стоимостной подход EVA (Economic Value Added) Стюарт Штерн	приращение стоимости компании	прирост рыночной стоимости компании	традиционные финансовые показатели, оценка рисков	обеспечивает возможность конкретизации цели	
II группа методик - оценка доходности деятельности предприятия в долгосрочный период					
Процессно-ориентированный подход Модель Синка и Туттла (Sink and Tuttle framework) и др.	наращивание «performance» как показателя, включающего в себя эффективность, результативность всех аспектов деятельности предприятия	доходность компании как отношение валового дохода к суммарным издержкам	взаимозависимые критерии, учитывающие: результативность, эффективность, качество продукции; производительность; доходность	гибкость и динамичность; комплексность; возможность адаптации к изменениям внутренней и внешней среды предприятия	1) отсутствие информации и/или трудоемкость ее сбора и обработки для выявления причинно-следственных зависимостей; 2) отсутствие четкого перечня унифицированных показателей и моделей из взаимосвязи; 3) необходимость создания системы информационно-аналитического обеспечения управления компанией
Системно-сбалансированный подход Сбалансированная система показателей (ССП) и ее альтернативные модели	выявление направлений деятельности организации для достижения миссии и стратегических целей	рост стоимости компании	соотношение фактических и целевых значений по четырем взаимосвязанным направлениям: финансовое, клиентское, внутренние бизнес-процессы, обучение и развитие персонала	наличие причинно-следственных связей между показателями деятельности предприятия и факторами его будущей стоимости	
Ценностно-процессно-ориентированный подход Модель совершенствования бизнеса Кандзи (Kanji's Business Excellence Model – KBEM) и др.	обеспечение непрерывного улучшения результатов деятельности компании на основе совершенствования потоков информации и ресурсов	оптимизация затрат за счет снижения издержек	соотношение ожидаемых результатов с границами их допустимых значений по: трудозатратам; разработке и внедрению инноваций; срокам создания товаров и их транспортировке и хранению	наличие взаимосвязи между основными компонентами внутренней среды предприятия	статичность моделей во времени; отсутствие учета внешних изменений

Составлено по: [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19].

В-четвертых, сопоставление основных методик анализа эффективности стратегического управления в рамках ресурсного подхода позволило систематизировать их в две основные группы:

1) методики, предполагающие оценку доходности деятельности предприятия в краткосрочный период посредством анализа традиционной (монетарной) системы показателей;

2) методики, предполагающие оценку доходности деятельности предприятия в долгосрочный период посредством сочетания монетарных,

отражающих функционирование внутренней среды предприятия и немонетарных, определяющих изменения внешней среды предприятия, показателей (таблица 1).

Для первой группы методик характерна приоритетность анализа внутренней среды для обеспечения «автономного» развития предприятия «здесь и сейчас» без акцентирования внимания на долгосрочном экономическом прогрессивном развитии, не учитываются интересы субъектов внешней среды, первостепенны показатели при-

быльности, достигаемые на основе снижения издержек (затрат на НИОКР, на развитие качества, обучение персонала, а также капиталовложений в основные производственные активы), используются преимущественно традиционные (монетарные) показатели, нацеленные на оценку финансовых составляющих бизнеса.

Вторая группа методик предполагает комплексный анализ внутренней среды предприятия, включающий в себя не только финансовые показатели, но и индикаторы развития его базовых процессов в сфере производства, реализации, инновационной деятельности, акцентируется внимание на взаимозависимости индикаторов развития предприятия от внешних условий¹³, в качестве общей цели стратегического управления ставится обеспечение долгосрочного прогрессивного экономического развития, основанного на учете интересов владельцев, потенциальных инвесторов и других заинтересованных лиц, включая органы государственной власти, что, в конечном счете, определяет инвестиционные возможности компаний, их способность привлекать средства для реализации своих стратегий на рынке корпоративного капитала [19]. Кроме того, при целеполагании акцентируется внимание на взаимосвязи целевых ориентиров и результативных показателей, комплексности ключевого показателя оценки эффективности стратегического управления, который должен быть актуальным и для предприятия, и для других участников, реальным и достижимым за определенный долгосрочный промежуток времени. Данные методики также предполагают каскадирование и балансировку системы стратегических целей нижестоящих уровней с общей корпоративной стратегией и возможность интегрирования англоязычных практик к российской действительности.

На основании результатов данного анализа для целей нашего исследования далее будет применен результативно-процессный подход, который позволяет рассматривать внутреннюю среду предприятия как совокупность взаимосвязанных между собой процессов (бизнес-процессы), формирующихся под воздействием многообразия и усложнения факторов внешней среды, имеющих собственные показатели целевой результативности и определяющие общую резуль-

тативность системы стратегического управления деятельностью предприятия по ключевому показателю эффективности как отражение результативности всех аспектов функционирования предприятия в долгосрочной перспективе.

Выделенные особенности теоретических концепций стратегического управления и методик оценки его эффективности, необходимость учета взаимосвязи неопределенности внешних условий и внутренних бизнес-процессов, выстраивание причинно-следственных зависимостей между ними стали основой разработки авторского методического подхода, алгоритм которого представлен на рис. 1.

В следующем разделе статьи покажем возможности применения предложенной авторской методики оценки эффективности страте-

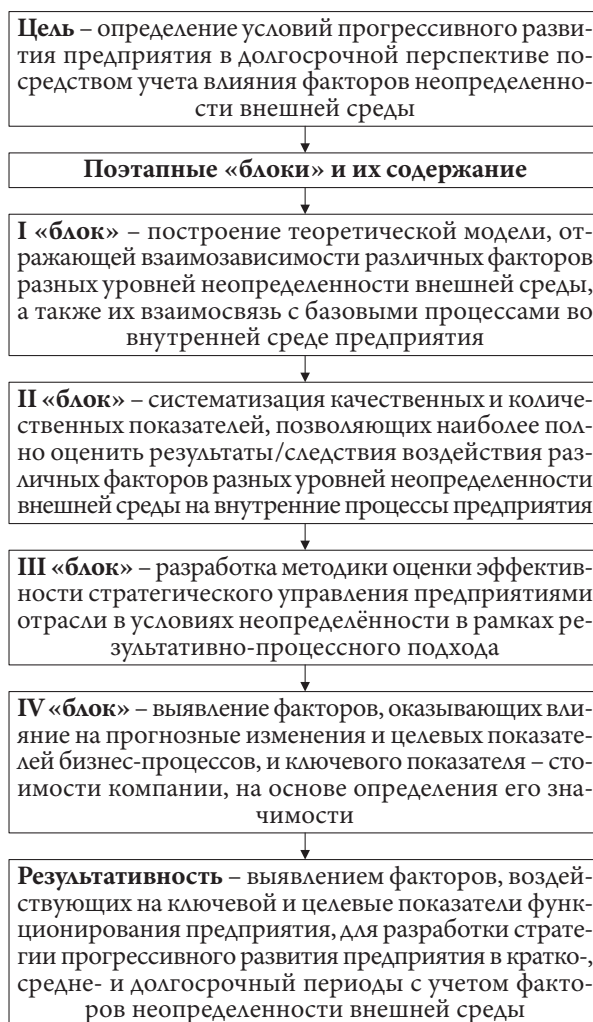

Рис. 1. Алгоритм авторской методики оценки эффективности стратегического управления предприятием в условиях неопределенности

Fig. 1. Algorithm of the author's methodology for assessing the effectiveness of strategic management of an enterprise under conditions of uncertainty

¹³ Заметим, что они имеют разную приоритетность у различных авторов.

гического управления предприятием в условиях неопределенности применительно к предприятиям общественного питания.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В качестве объекта апробации предложенной авторской методики оценки эффективности стратегического управления предприятием в условиях неопределенности (рис. 1) выступают предприятия общественного питания.

Первый блок методики предполагает построение теоретической модели, отражающей взаимозависимость различных факторов разных уровней неопределенности внешней среды с базовыми бизнес-процессами во внутренней среде предприятия. С этой целью выделим бизнес-процессы, определяющие уровень конкурентоспособности и возможность адаптации к внешним условиям неопределенности предприятий общественного питания. К ним относим: производство; инновации; закупки; финансы; кадры; управление. Выделение из всего многообразия именно этих процессов связано: 1) с высоким уровнем взаимосвязи с клиентоориентированностью и конкурентоспособностью; 2) наличием статистической информации в отчетности предприятия; 3) существованием стандартизированных методик оценки их эффективности в отечественной и зарубежной литературе; 4) со спецификой предприятий общественного питания как сложной системы (в рамках парадигмы «субъект – полисубъектная среда).

Остановимся далее подробнее на основных характеристиках, определяющих специфику предприятий общественного питания. Первой из таких характеристик является клиентоориентированность, формируемая в результате постоянно изменяющихся потребностей и ценностей основных потребителей производимой продукции. Для всех сегментов общественного питания в современных условиях она приобретает особую значимость, обеспечивая высокий уровень лояльности покупателей. Потребительские предпочтения формируют основу клиентоориентированности и выступают в качестве основы для сегментации рынка услуг предприятий общественного питания. Основными признаками деления групп потребителей на страты могут быть: уровень дохода, средняя цена чека и половозрастной признак [20], каждая из которых имеет и свои традиции, предпочтения, цели,

ресурсы (не только финансовые, но и свободного времени).

Клиентоориентированность формирует общую «философию кухни», которая определяет следующие сегменты рынка общественного питания:

- QSR (*Quick Service Restaurants*) – рестораны быстрого обслуживания;
- *Casual Dining* – демократичные рестораны, «семейный сегмент»;
- *Quick & Casual* – среднее между фастфудом и «повседневным рестораном», объединяющим высокое качество и традиционность кулинарии при меньшем количестве позиций меню и ориентации на более демократичные цены;
- *Foodcourt* (фудкорт) – «ресторанный дворик», комплекс ресторанов быстрого обслуживания, кафе, закусок с общим залом для потребителей;
- *Freeflow* (фри-фло) – свободное движение как посетителей, так и еды (концепция, основанная на «открытой» кухне, частичном приготовлении блюд на глазах у посетителей, разнообразном ассортименте, зонирование линий раздачи по ассортименту продукции для сокращения очередей, приоритетности методов обслуживания, демократизации цен);
- мультикомплекс – размещение одновременно нескольких концептуальных ресторанов, имеющих единые производственные помещения (кухню), служебные и складские помещения.

Выделенный фактор клиентоориентированности может рассматриваться как наиболее значимый при высоком уровне неопределенности, он аккумулирует в себе действие множества других факторов, таких как месторасположение (включая сезонность), предпочтения потребителей, их культура и уровень дохода, что дает нам основание отнести его к первому кругу факторов неопределенности.

Вторым фактором, формирующим специфичность внешней среды предприятий общественного питания, является средоориентированность, где главным индикатором выступает структура рынка, при этом рынок совершенной конкуренции (при выходе компании на рынок) и монополистической конкуренции (при длительном функционировании компании на рынке) формируют разные уровни неопределенности, что связано с переплетением на ограниченной территории множества конкурирующих фирм-

участников. Высокий уровень конкуренции определяется высокой привлекательностью данной сферы для капиталовложений из-за быстрой окупаемости вложенных средств (денежные средства, вложенные в предприятия общественного питания, в среднем оборачиваются в 4-5 раз быстрее, чем в среднем по всем предприятиям народного хозяйства). Как отмечается всеми исследователями [21, 22, 23, 24, 25], усиление конкурентной борьбы на рынке услуг общественного питания в целом и каждом ее сегменте рассматривается как катализатор рисков (восемь из десяти вновь открывшихся заведений прекращают свое существование в течение первого года), что, несомненно, является негативным фактором для предприятий отрасли, усиливающим неопределенность их развития (второй круг факторов неопределенности). Исходя из чего наиболее значимым для эффективного управления предприятием, по мнению Н. Л. Сулгаевой [20], является прогнозирование развития всех сфер деятельности, определяемых конъюнктурой рынка.

Третьим из выделенных нами факторов, формирующих специфичность внешней среды предприятий общественного питания, является высокий уровень зависимости от административного государственного регулирования (соответствие ГОСТам, СанПиНам) в силу того, что государственные контролирующие органы обязаны защищать потребителей в рамках обеспечения их здоровья. Существующие сертификация, лицензирование, соответствие государственным санитарно-эпидемиологическим правилам, нормам и нормативам подтверждают степень безопасности для здоровья человека пищевых продуктов, материалов и изделий, условий их изготовления и оборота. Выделенные факторы позволяют отнести высокий уровень зависимости от административного государственного регулирования ко второму кругу факторов неопределенности.

Четвертый фактор, формирующий специфичность внешней среды предприятий общественного питания, определяется нами как высокий уровень зависимости от изменения доходов граждан, определяемых макроэкономической ситуацией. Усиление негативных тенденций в экономическом развитии непосредственно способствует, во-первых, снижению количества посетителей заведений общественного питания из-за резко-

го падения покупательской способности; во-вторых, перераспределению покупок в сторону более дешевого ассортимента. При этом, как отмечает Е. Е. Ладыгина [24], экономическая стабилизация в обществе и рост доходов среднего класса (на одного члена семьи приближается к 300–400 дол. в месяц) являются позитивными факторами развития предприятий общественного питания. Опосредованное влияние макроэкономической ситуации на результаты деятельности предприятий общественного питания прослеживается в работах Ю. В. Золотаревой¹⁴ (оценки влияния высоких арендных ставок на недвижимость), И. И. Захаровой, Р. В. Крыловой [25] (оценки влияния интенсивности создания современной инфраструктуры, прежде всего торгово-развлекательных комплексов), А. О. Кузьмина [22], О. А. Пахомовой [23] (оценки влияния изменения внешнеэкономической конъюнктуры). Исходя из параметров, включенных в данный фактор, считаем целесообразным отнести его к факторам третьего круга.

Пятый фактор – активность внедрения сетевых структур на основе использования цифровых платформ в отрасль быстрого питания, высокий уровень востребованности цифровых платформ со стороны и потребителей, и производителей (третий круг факторов неопределенности).

Шестым из выделенных нами факторов является высокая степень зависимости от поставщиков сырья. При этом данная зависимость отражает и сезонный характер поставок сырья, и географию поставок (включая импорт). Исходя из чего А. О. Кузьмина, А. С. Жерноклеева [22] зависимость от сырья, наравне с ориентацией на потребителя, предлагают рассматривать как факторы развития предприятий пищевой промышленности. Т. В. Еремия [21] в дополнение акцентирует внимание не только на сезонном характере сырья, но и ограничении сроков годности продукции по сравнению с другими отраслями, а также на невозможности его переработки и повторного использования после истечения срока годности (факторы второго круга неопределенности).

Седьмой фактор, формирующий специфичность внешней среды предприятий общественного питания, определяется нами как наличие

¹⁴ Золотарева Ю. В. Дифференциация развития ресторанного рынка как индикатор социальной стратификации российского общества // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. № 5. С. 29.

Таблица 2 — Сравнительный анализ методик анализа эффективности стратегического управления в рамках ресурсного подхода

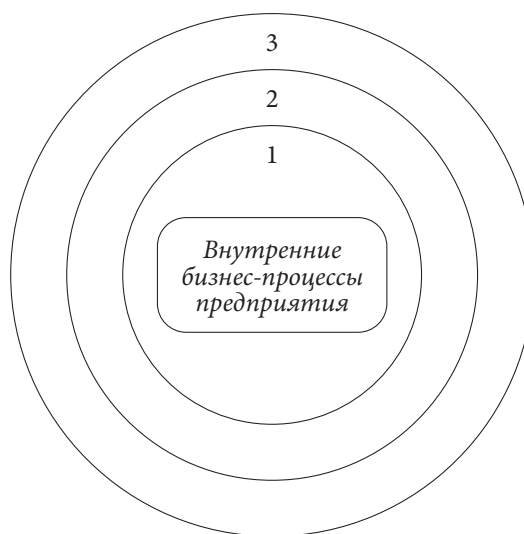
Table 2 — Comparative analysis of methods for analyzing the effectiveness of strategic management within the framework of the resource approach

Круги внешних факторов	Структурные составляющие круга
<i>Первый круг</i> – низкий уровень неопределенности	Клиентоориентированность; конкурентоспособность компании
<i>Второй круг</i> – прогнозируемая сценарная неопределенность	Развитие отраслевых рынков; средоориентированность как изменение типов рыночной структуры (при входе – рынок совершенной конкуренции, при длительном функционировании – рынок монополистической конкуренции, возможность формирования альянсов); зависимость от административного государственного регулирования (соответствие ГОСТу, СанПиНам)
<i>Третий круг</i> – вариативно-сценарная неопределенность	Совокупность макроэкономических процессов (изменение доходов потребителей, дифференциация уровня жизни, внедрение цифровых платформ); изменения в национальных и региональных программах в рамках реализации инвестиционной, инновационной, налоговой, денежно-кредитной политики государства

высоких возможностей формирования альянсов и интегральных сетевых взаимодействий. Т. В. Еремия считает, что формирование тесных интегрированных связей между производителями, конечными потребителями, торговыми, транспортными и другими посредниками является основным условием повышения качества обслуживания потребителей, сокращения затрат, повышения стабильности деятельности и доходов всех участников движения материальных потоков в условиях неопределенности [21]. Необходимость формирования стратегически интегральных структур определяется, по мнению О. А. Пахомовой [23], возросшими потребностями в концентрации капитала для масштабных и постоянных исследований рынка, технического перевооружения, кадровой политики в условиях усиления конкуренции. Широкое использование франчайзинга (использование известной торговой марки (бренд), предоставление ограниченного ассортимента по унифицированному меню, реализация способа ведения бизнеса, включающего организацию снабжения, расстановку кадров, обучение персонала, стандарты обслуживания, оформление интерьера залов и т.д. в строгом соответствии с требованиями, изложенными в договоре с франчайзером), с позиций Н. А. Султаевой, позволяет снизить риски, оптимизировать затраты, сэкономить время [20]. В качестве недостатков исследователи выделяют стандартизацию производства, ограниченность ассортимента, нецелесообразность технологического совершенствования производства и реализации из-за сложной процедуры согласования между сторонами договора франчайзинга.

Выделенные нами факторы, формирующие специфичность внешней среды предприятий общественного питания, определяющие разные уровни неопределенности, обобщенно представлены в таблице 2.

Идентифицированная система факторов, определяющая специфику деятельности предприятия и, как следствие, влияющая на развитие базовых процессов в его внутренней среде и во взаимосвязи с различными факторами внешней среды по уровню неопределенности, позволяет построить теоретическую модель, отражающую указанные взаимозависимости (рис. 2).

Примечание: представленные на рисунке круги неопределенности включают факторы в соответствии с факторами, выделенными в таблице 2.

Рис. 2. Теоретическая модель взаимозависимости факторов разных уровней неопределенности внешней среды и базовых внутренних процессов предприятия в рамках результативно-процессного подхода

Fig. 2. Theoretical model of the interdependence of factors of different levels of uncertainty in the external environment and basic internal processes of an enterprise within the framework of the results-process approach

Таблица 3 — Особенности количественных и качественных результирующих показателей оценки эффективности стратегического управления предприятиями общественного питания

Table 3 — Features of quantitative and qualitative resulting indicators for assessing the effectiveness of strategic management of public catering enterprises

Область исследования	Показатели	Методика расчета
Ключевой показатель		
Рост стоимости компании	EVA (EconomicValueAdded)	методика activity-based performance analysis (ABPA)
Первая группа – целевые индикаторы бизнес-процессов предприятия как сложной системы		
Коммерческая деятельность	Выручка от реализации; коэффициент рентабельности продаж	Сочетание показателей финансово-хозяйственной деятельности и эффективности деятельности предприятия с методиками количественных оценок результатов социологических опросов
Производственная деятельность	Рентабельность производства; рентабельность затрат	
Инновационная деятельность	Удельный вес прогрессивной продукции в общем объеме выпуска; коэффициент внедренности новых технологических процессов	
Закупочная деятельность	Общие логистические издержки; эффективность инвестиций в логистическую инфраструктуру	
Финансовая деятельность	Прибыль	
Кадровая деятельность	Коэффициент стабильности кадров	
Вторая группа – результирующие показатели влияния различных факторов разных уровней неопределенности внешней среды		
низкий уровень неопределенности (первый круг)	Клиентоориентированность рассчитывается как функциональная зависимость от установленных критериев: $C = f(\Psi_1, \Psi_2, \Psi_3, \Psi_4, \Psi_5),$ где: Ψ_1 – наличие отделов, направленных на работу с клиентом; Ψ_2 – качество обслуживания; Ψ_3 – изменение количества клиентов; Ψ_4 – уровень выполнения пожеланий клиента в аспекте качества; Ψ_5 – снижение стоимости услуг (с учетом использования инновационных технологий)	метод интегрального показателя на основе трансформации качественных показателей в количественные
	$K_{кп} = 0,15 \cdot \mathcal{E}_п + 0,29 \cdot \Phi_п + 0,23 \cdot \mathcal{E}_с + 0,33 \cdot K_т,$ где $K_{кп}$ – коэффициент конкурентоспособности компании; $\mathcal{E}_п$ – значение критерия эффективности производственной деятельности фирмы; $\Phi_п$ – значение критерия финансового положения компании; $\mathcal{E}_с$ – значение критерия эффективности организации сбыта и продвижения товара на рынке; $K_т$ – значение критерия конкурентоспособности товара. Может быть дополнен Матричной методикой оценки конкурентоспособности Бостонской консалтинговой группой и многокритериальной матрицей Мак-Кинзи	Метод интегрального показателя на основе дифференцированных промежуточных расчетов
прогнозируемая сценарная неопределенность (второй круг)	В соответствии с матричной методикой пересечения многофакторного измерения интегральных оценок конкурентного потенциала отрасли и привлекательности рынка. Может быть дополнен Индексом предпринимательской уверенности, рассчитываемый Госкомстатом РФ	Метод интегральных показателей
вариативно-сценарная неопределенность (третий круг)	Рассчитываемые Госкомстатом РФ по аналогии с международными практиками: Индекс потребительских настроений или Индекс уверенности потребителей; Индекс деловой активности	Расчет многокомпонентных высокоагрегированных показателей на основе социологической информации и экспертных оценок, официальных статистических данных

Составлено авторами на основе [14; 26; 28; 29].

Второй блок (рис. 1) предполагает систематизацию качественных, основанных на результатах экспертных оценок и количественных показателей, отраженных в отчетности предприятий и/или отчетности официальной статистики, а также показателей, по мнению исследователей, позволяющих наиболее полно оценить

результаты воздействия различных факторов разных уровней неопределенности внешней среды (таблица 3).

Наиболее значимые показатели разделены нами на две группы: первая группа – дифференцированные по каждому выделенному бизнес-процессу целевые результирующие индикато-

Таблица 4 — Корректировка прогнозируемых значений с учетом динамики рисков неблагоприятного действия факторов внешней среды**Table 4** — Adjustment of predicted values taking into account the dynamics of risks of adverse effects of environmental factors

Неопределенность внешней среды	Показатели внешней среды	Динамика, формирующая отклонение от аттрактора	Динамика рисков	Корректировка прогнозируемых значений с учетом динамики рисков
Первый круг неопределенности	Клиентоориентированность Конкуренентоспособность компании	снижаются	возрастают	ежегодно на 5%
Второй круг неопределенности	Индекс предпринимательской уверенности	снижаются	возрастают	за трехлетний период 30% (ежегодно на 10%)
Третий круг неопределенности	Индекс потребительских настроений Индекс деловой активности	снижаются	возрастают	за пятилетний период 60% (ежегодно на 12,5%)

ры, в совокупности отражающие все аспекты функционирования предприятия в долгосрочной перспективе. При этом для данной группы существует традиционный перечень индикаторов в рамках общеизвестных методик анализа результатов финансово-хозяйственной деятельности, а также эффективности деятельности предприятия. Вторая группа – результирующие показатели влияния различных факторов разных уровней неопределенности внешней среды, которая позволит: 1) комплексно оценить текущее состояние предприятия, отрасли и национальной экономики; 2) включать дополнительные факторы внешней и внутренней среды, что связано с использованием традиционных методик расчета интегральных показателей; 3) более системно исследовать зависимости между результирующими показателями предприятия и факторами неопределенности внешней среды.

Третий блок включает разработку методики оценки эффективности стратегического управления предприятиями в условиях неопределенности в рамках результативно-процессного подхода. Как показал анализ работ Е. Е. Ладыгиной [24], В. А. Осипова, Е. В. Красовой, Н. А. Вичковского [26], С. В. Измайлович [27], оценка эффективности управления в условиях неопределенности базируется на определении разницы между текущими и оптимальными значениями [26], максимально возможными [28], идеальными конечными состояниями (аттракторами), к которым стремится система под воздействием изменяющихся во времени факторов [29]. Они считают, что именно эта разница позволит определить достигаемые соответствия стратегических целей и результатов функционирования предприятия [27, 29], а также оценить своевременность адаптационных практик для последующего вы-

полнения данного соответствия в долгосрочную перспективу. При этом разница между текущими значениями и значениями аттрактора рассчитывается в относительном выражении (в %) по каждому из выделенных бизнес-процессов внутри предприятия. Особо следует отметить, что, чем меньше «расстояние» текущих значений до желаемых, тем лучше. Другими словами, разница в % может быть равна 0. При этом увеличение расстояний между желаемым и фактическим значением результирующих параметров свидетельствует об отдалении от стратегической цели, а сокращение – о приближении к ее достижению. В рамках данного анализа необходимо отметить, что динамика целевых показателей внешней среды определяет уровень риска и соответствующую ему корректировку результирующих значений бизнес-процессов предприятия (таблица 4).

Представленные в таблице корректирующие проценты определялись в соответствии со шкалой, предложенной М. Г. Лапуста, Л. Г. Шаршуковой, составленной по результатам системных многолетних наработок взаимосвязи финансовых показателей и рисков предприятия: где минимальные риски оцениваются от до 10%, средние – от 30% до 40%, максимальные (но не критические) – от 60 до 80% [27]. Как нам представляется, это соответствует также кругам неопределенности и периодичности изменений в каждом круге условий функционирования предприятия и силе воздействия факторов на результирующие целевые и ключевой показатели развития предприятия.

Четвертый блок связан с выявлением факторов, оказывающих влияние на прогнозные изменения и целевых показателей бизнес-процессов, ключевого показателя – стоимости компании – на основе определения его значимости.

В рамках данного этапа значимость (или весомость) фактора можно определить двумя способами: экспертным и расчетным. Экспертный метод заключается в оценке экспертами степени влияния каждого фактора неопределенности внешней среды по пятибалльной шкале, где пять – это наибольшая степень влияния критерия. Расчетный подход предполагает построение эконометрической модели для анализа изменения функции в многофакторной зависимости, который заключается в определении величины изменения ключевого и/или целевых показателей деятельности предприятия от изменения целевых показателей внешней среды. Данный подход позволяет менять значение одного фактора (критерия) при фиксации средних значений остальных факторов (критериев). Применяя этот метод, можно определить степень влияния каждого фактора внешней среды критерия на изменение результирующих показателей деятельности фирмы в кратко-, средне- и долгосрочный периоды.

Результирующий блок связан с выявлением факторов, воздействующих на ключевой и целевые показатели функционирования предприятия, для разработки стратегии прогрессивного развития предприятия в кратко-, средне- и долгосрочный периоды на основе нивелирования негативного воздействия и усиления позитивного воздействия различных факторов разных уровней неопределенности внешней среды.

Таким образом, предложенная методика позволяет: 1) в большей степени учитывать взаимозависимости различных факторов разных уровней неопределенности внешней среды, а также их взаимосвязь с базовыми процессами во внутренней среде предприятия; 2) осуществлять факторный анализ влияния на ключевой и целевые показатели функционирования предприятия в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе; 3) может стать основой разработки адаптационной модели стратегического управ-

ления, основанной на учете разнохарактерного влияния различных факторов разных уровней неопределенности внешней среды.

■ ВЫВОДЫ

Усложнение хозяйственной реальности и нарастающая неопределенность в функционировании систем разного уровня определяют поиск новых инструментов управленческих воздействий. Развиваемые в настоящее время теоретические концепции стратегического управления акцентируют внимание либо на приоритетности анализа неопределенности факторов внешней (средовой подход), либо внутренней (ресурсный подход) среды предприятия.

В статье показана необходимость и возможность совершенствования системы оценки эффективности деятельности предприятий в условиях неопределенности на основе их интеграции с использованием постулатов парадигм саморазвивающихся сред и субъект – полисубъектная среда.

Предложен алгоритм авторской методики оценки эффективности стратегического управления предприятиями в условиях неопределенности в рамках результативно-процессного подхода, который включает в себя четыре взаимосвязанных блока, подчиненных единой цели – определению условий прогрессивного развития предприятия в долгосрочной перспективе посредством учета влияния факторов неопределенности. Показана возможность его применения с учетом отраслевой специфики применительно к предприятиям общественного питания.

Последовательность реализации алгоритмизированных действий, позволит в большей степени учитывать взаимозависимости различных факторов разных уровней неопределенности внешней среды и функционирования конкретного предприятия в конкретной отрасли, что может стать основой разработки адаптационной модели стратегического управления. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. КОРОЛЕВ М. И. Неопределенность бизнес-среды и безопасность фирмы // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2011. № 1 (18). С. 20–24. EDN **NWGAPN**.
2. Клейнер Г. Б. Информационная теория фак-

торов управления экономическими организациями // *Российский журнал менеджмента*. 2022. Т. 20, № 4. С. 461–481. DOI [10.21638/spbu18.2022.401](https://doi.org/10.21638/spbu18.2022.401). EDN **VZALEA**.

3. БУРЫКИН А. Д., ЮРЧЕНКО А. В. Виды и факторы неопределенности бизнес-среды // *Совре-*

менные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 1-5. С. 21–25. EDN XVSVEN.

4. **Никитинс И.** Инновационный взгляд на современные способы оценки степени неопределенности деловой среды и инструменты ее снижения // *Вопросы инновационной экономики*. 2022. Т. 12, № 1. С. 223–236. DOI [10.18334/vines.12.1.114193](https://doi.org/10.18334/vines.12.1.114193). EDN CWSFHI.

5. **Гладков Н. И.** Стратегическое управление в условиях неопределенности и высокой турбулентности // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2018. № 6. С. 47–49. EDN XTJNSX.

6. **BENNETT, N., & LEMOINE, J.** (2014). What a Difference a Word Makes: Understanding Threats to Performance in a VUCA World. *SSRN Electronic Journal*, Article 2406676. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2406676>.

7. **VON GLASERSFELD, E.** (2001). The Radical Constructivist View of Science. *Foundations of Science*, (6), 31–43. <https://doi.org/10.1023/A:1011345023932>.

8. **MILLAR, C. C. J. M., GROTH, O., & MAHON, J. F.** (2018). Management Innovation in a VUCA World: Challenges and Recommendations. *California Management Review*, 61(1), 5–14. <https://doi.org/10.1177/0008125618805111>.

9. **Грачев А. А.** Основные требования VUCA-среды к компетентности работника // *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2020. Т. 5, № 3. С. 120–136. DOI [10.38098/ipran.orwr.2020.16.3.006](https://doi.org/10.38098/ipran.orwr.2020.16.3.006). EDN TDQSIH.

10. **Трофимова Н. Н., Будагов А. С.** Ключевые направления адаптивного управления предприятиями в условиях экономической нестабильности и цифровизации современного VUCA-мира // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2021. Т. 1, № 11 (119). С. 112–117. DOI [10.36871/ek.up.p.r.2021.11.01.015](https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.11.01.015). EDN EJWSWS.

11. **Фоменко А. В., Новикова-Калита Е. А., Бурмистрова Е. В.** Трансформация бизнеса в эпоху «VUCA-мира» и критерии успеха управления изменениями // *Инновационная деятельность*. 2021. № 3 (58). С. 61–67. EDN MCDRKE.

12. **Сорока С. А.** Оценка эффективности управления организацией сферы услуг // *Наука и бизнес: пути развития*. 2021. № 5 (119). С. 169–171. EDN ODBTVH.

13. **Слепухина А. А., Яковлева Е. А., Гаджиев М. М.** Обзор моделей управления экономической эффективностью предприятия // *Вопросы структуризации экономики*. 2013. № 3. С. 10–15. EDN TKKSDJ.

14. **Шевченко С. Ю., Иванов А. А.** Системы оценочных показателей стратегического и оперативного контроллинга // *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2014. № 3 (53). С. 25–32. EDN SFWBFX.

15. **ТИМОФЕЕВ, R., КИУМОВ, I., YAХMENEVA, V., & YAХMENEV, E.** (2020). Retrospective of key aspects of the concept of sustainable development. In *20th International Multidisciplinary Scientific Geo-Conference SGEM 2020* (pp. 425–430). STEF92 Technology. <https://doi.org/10.5593/sgem2020/5.2/s21.052>.

16. **VERETEKHIN, A. V., & YAХMENEVA, V. M.** (2020). Industrial enterprise development management under digitalization. *International Journal of Recent Technology and Engineering*, 8(5), 1209–1215. <https://doi.org/10.35940/ijrte.E5768.018520>.

17. **Виханский О. С., Каталевский Д. Ю.** Конкурентное преимущество в эпоху цифровизации // *Российский журнал менеджмента*. 2022. Т. 20, № 1. С. 5–27. DOI [10.21638/spbu18.2022.101](https://doi.org/10.21638/spbu18.2022.101). EDN JBXPYI.

18. **Евсеева М. В.** Сравнительная эффективность высокотехнологичных и среднетехнологичных бизнес-моделей: ключевые индикаторы и устойчивость ценности // *Управленец*. 2020. Т. 11, № 3. С. 59–71. DOI [10.29141/2218-5003-2020-11-3-5](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-3-5). EDN GNQKAW.

19. **Растова Ю. И., Растов М. А.** Стратегическое управление современной организацией: эффект синергии концепций // *Управленческие науки*. 2018. Т. 8, № 3. С. 20–31. DOI [10.26794/2404-022X-2018-8-3-20-31](https://doi.org/10.26794/2404-022X-2018-8-3-20-31). EDN VAJLHG.

20. **Султаева Н. А.** Особенности функционирования и проектирования предприятий быстрого обслуживания // *Сервис в России и за рубежом*. 2011. № 1 (20). С. 183–192. EDN NDXEON.

21. **Еремия Т. В.** Особенности пищевой промышленности и их влияние на систему обслуживания потребителей // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика*. 2009. № 3. С. 77–83. EDN LAIJLF.

22. **Кузьмина А. О., Жерноклеева А. С.** Современное состояние и тенденции развития пищевой промышленности России // *Молодой ученый*. 2019. № 17 (255). С. 149–152. EDN ICUUZZ.

23. **Пахомова О. А.** Специфика пищевой промышленности как отрасли экономического производства // *Вестник Чувашского университета*. 2007. № 3. С. 468–472. EDN JWVZNJ.

24. **Ладыгина Е. Е.** Концептуальная модель формирования и оценки уровня клиентоориен-

тированности предприятий // *Вестник МГСУ*. 2017. Т. 12, № 3 (102). С. 284–292. DOI [10.22227/1997-0935.2017.3.284-292](https://doi.org/10.22227/1997-0935.2017.3.284-292). EDN YLFZAJ.

25. ЗАХАРОВА И. И., КРЫЛОВА Р. В. История развития заведений фаст-фуда в России // *Инновационная наука*. 2016. № 3-1. С. 97–101. EDN QVBSTR.

26. ОСИПОВ В. А., КРАСОВА Е. В., ВИЧКОВСКИЙ Н. А. Современные подходы к стратегическому управлению на предприятии в условиях неопределенности // *Лидерство и менеджмент*. 2022. Т. 9, № 4. С. 1015–1032. DOI [10.18334/lim.9.4.116639](https://doi.org/10.18334/lim.9.4.116639). EDN ZDIYLG.

27. ИЗМАЙЛОВИЧ С. В. Управление организа-

цией в условиях неопределенности и риска // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2003. Т. 2, № 1. С. 14–22. EDN ZMMOWT.

28. КАЧАЛОВ Р. М., СЛЕПЦОВА Ю. А. Бизнес-экосистемы в кризисных условиях: выявление факторов риска // *Российский журнал менеджмента*. 2022. Т. 20, № 2. С. 155–171. DOI [10.21638/spbu18.2022.201](https://doi.org/10.21638/spbu18.2022.201). EDN GXRYNK.

29. СОСНЕНКО Л. С., МАТВЕЕВ Б. А. Содержание понятий «риск» и «рискованность» // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008. № 29. С. 32–38. EDN MURWIZ.

REFERENCES

1. KOROLEV, M. I. (2011). Uncertainty of the business environment and safety of the firm. *Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System*, (1), 20–24. <https://elibrary.ru/nwgapn>.

2. KLEINER, G. B. (2022). Information theory of economic organizations management factors. *Russian Management Journal*, 20(4), 461–481. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2022.401>.

3. BURYKIN, A. D., & YURCHENKO, A. V. (2017). Types and factors of uncertainty in the business environment. *Modern Trends in the Development of Science and Technology*, (1-5), 21–25. <https://elibrary.ru/xvcben>.

4. NIKITINS, I. (2022). Innovative approaches to measure the business environment uncertainty and tools to combat it. *Russian Journal of Innovation Economics*, 12(1), 223–236. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114193>.

5. GLADKOV, N. I. (2018). Strategic management in conditions of uncertainty and high turbulence. *Economy and Business: Theory and Practice*, (6), 47–49. <https://elibrary.ru/xtjnsx>.

6. BENNETT, N., & LEMOINE, J. (2014). What a Difference a Word Makes: Understanding Threats to Performance in a VUCA World. *SSRN Electronic Journal*, Article 2406676. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2406676>.

7. VON GLASERSFELD, E. (2001). The Radical Constructivist View of Science. *Foundations of Science*, (6), 31–43. <https://doi.org/10.1023/A:1011345023932>.

8. MILLAR, C. C. J. M., GROTH, O., & MAHON, J. F. (2018). Management Innovation in a VUCA World: Challenges and Recommendations. *California Man-*

agement Review, 61(1), 5–14. <https://doi.org/10.1177/0008125618805111>.

9. GRACHEV, A. A. (2020). Basic requirements of the VUCA-environment for employee competence. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, 5(3), 120–136. <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.16.3.006>.

10. TROFIMOVA, N. N., & BUDAGOV, A. S. (2021). Key directions of adaptive enterprise management in the conditions of economic instability and digitalization of the modern VUCA-world. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 1(11), 112–117. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.11.01.015>.

11. FOMENKO, A. V., NOVIKOVA-KALITA, E. L., & BURMISTROVA, E. V. (2021). Business transformation in the era of “VUCA-world” and the criteria for the success of change management. *Innovation Activities*, (3), 61–67. <https://elibrary.ru/mcdrke>.

12. DAVIES, H., & ELLIS, P. (2000). Porter’s competitive advantage of nations: Time for the final judgement. *Journal of Management Studies*, 37(8), 1189–1214. <https://doi.org/10.1111/1467-6486.00221>.

13. SOROКА, S. A. (2021). Assessment of the management efficiency of the service organization. *Science and Business: Ways of Development*, (5), 169–171. <https://elibrary.ru/odbtvh>.

14. SLEPUKHINA, A. A., YAKOVLEVA, E. A., & GADZHIEV, M. M. (2013). Review of enterprise economic efficiency management models. *Issues of Economic Structuring*, (3), 10–15. <https://elibrary.ru/tkksdj>.

15. SHEVCHENKO, S. YU., & IVANOV, A. A. (2014). The scorecards of strategic and operational con-

trolling. *Journal of the Ural State University of Economics*, (3), 25–32. <https://elibrary.ru/sfwbfxf>.

16. TIMOFEEV, R., KIYMOV, I., YACHMENEVA, V., & YACHMENEV, E. (2020). Retrospective of key aspects of the concept of sustainable development. In *20th International Multidisciplinary Scientific Geo-Conference SGEM 2020* (pp. 425–430). STEF92 Technology. <https://doi.org/10.5593/sgem2020/5.2/s21.052>.

17. VERETEKHIN, A. V., & YACHMENEVA, V. M. (2020). Industrial enterprise development management under digitalization. *International Journal of Recent Technology and Engineering*, 8(5), 1209–1215. <https://doi.org/10.35940/ijrte.E5768.018520>.

18. VIKHANSKY, O. S., & KATALEVSKY, D. YU. (2022). The competitive advantage in the age of digitalization. *Russian Management Journal*, 20(1), 5–27. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2022.101>.

19. EVSEVA, M. V. (2020). Comparative effectiveness of high-tech and medium-tech business models: Key indicators and value sustainability. *The Manager*, 11(3), 59–71. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-3-5>.

20. RASTOVA, YU. I., & RASTOV, M. A. (2018). Strategic management of a modern organization: Concept synergy effect. *Management Sciences*, 8(3), 20–31. <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2018-8-3-20-31>.

21. SULTAEVA, N. L. (2011). Features of the functioning and design of fast food enterprises. *Services in Russia and Abroad*, (1), 183–192. <https://elibrary.ru/ndxeoh>.

22. EREMIA, T. V. (2009). Features of the food-processing industry and their influence on system of service of consumers. *Bulletin of Moscow Region*

State University. Series: Economics, (3), 77–83. <https://elibrary.ru/laijlf>.

23. KUZMINA, A. O., & ZHERNOKLEEVA, A. S. (2019). Current state and development trends of the Russian food industry. *Young Scientist*, (17), 149–152. <https://elibrary.ru/icuuuz>.

24. PAKHOMOVA, O. A. (2007). Specifics of the food industry as a branch of economic production. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, (3), 468–472. <https://elibrary.ru/jwvzvj>.

25. LADYGINA, E. E. (2017). Concept model of creation and evaluation of the degree of focus-on-clients of the enterprise. *Vestnik MGSU*, 12(3), 284–292. <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2017.3.284-292>.

26. ZAKHAROVA, I. I., & KRYLOVA, R. V. (2016). History of the development of fast food establishments in Russia. *Innovation Science*, (3-1), 97–101. <https://elibrary.ru/vqbctp>.

27. OSIPOV, V. A., KRASOVA, E. V., & VICHKOVSKY, N. A. (2022). Current approaches to strategic management in a company amidst uncertainty. *Leadership and Management*, 9(4), 1015–1032. <https://doi.org/10.18334/lim.9.4.116639>.

28. IZMAILOVICH, S. V. (2003). Managing an organization under conditions of uncertainty and risk. *Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity Science*, 2(1), 14–22. <https://elibrary.ru/zmmowt>.

29. KACHALOV, R. M., & SLEPTSOVA, YU. A. (2022). Business ecosystems under crisis conditions: Identifying risk factors. *Russian Management Journal*, 20(2), 155–171. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2022.201>.

30. SOSNENKO, L. S., & MATVEEV, B. A. (2008). Contents of the concepts “risk” and “riskiness”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, (29), 32–38. <https://elibrary.ru/murwiz>.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT
and PUBLIC ADMINISTRATION

ЭФФЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫМ НАСЛЕДИЕМ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ НЕРАВЕНСТВ

К. В. Быков^а

^а Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В статье рассматривается противоречие высокой значимости сохранения историко-культурного наследия (ИКН) и необходимости использования его как потенциала для развития города, региона, с точки зрения научного сообщества (архитекторов, урбанистов, социологов и пр.), значительной привлекательности объектов ИКН для бизнеса, с одной стороны, и отсутствием механизмов реализации эффективного управления сохранением и развитием ИКН на региональном уровне – с другой. Автор основывается на ретроспективном анализе законодательства и практике его применения на разных этапах развития современной России. Рассматривается эволюция управленческих механизмов как на городском, так и на региональном уровнях, применительно к объектам городской среды, в частности к объектам культурного наследия.

Методология и методы. Опираясь на эмпирическую базу данных репрезентативного исследования (6021 анкета), проведенного Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН методом анкетирования в 2019-2020 гг. в 12 регионах РФ, используя вторичную концептуализацию, автор статьи прослеживает связь между оценками повышения роли местного самоуправления в жизни региона, работы руководящего органа местного самоуправления и оценкой положения дел с сохранением ИКН жителями. На основании проведенного исследования выявляются закономерности, проявляющиеся в региональных отличиях оценок ситуации с управлением и сохранением ИКН, а также факторы, обостряющие неравенства территорий и детерминирующие социально-территориальные неравенства.

Результаты и выводы. По итогам проделанной работы автор приходит к выводу о необходимости внедрения технологии управления историко-культурным наследием, разработанной Центром социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН на базе прогнозного социального проектирования (Т. М. Дридзе). В качестве примера повышения уровня эффективности регионального управления сохранением и развитием ИКН, а также снижения остроты социальных региональных неравенств и успешного внедрения технологии прогнозного социального проектирования рассматривается комплексное диагностическое исследование в городе Бронницы Московской области.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: управление, историко-культурное наследие, прогнозное социальное проектирование, социальное управление, социология управления, местное самоуправление, органы муниципальной власти.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Быков К. В. Эффективное управление историко-культурным наследием как фактор преодоления региональных неравенств // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 1. С. 69-82. EDN ВРСКЈТ. DOI 10.22394/2304-3369-2024-1-69-82.

© К. В. Быков, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Быков Кирилл Владимирович – Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук — *научный сотрудник* (117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35 корп. 5); 1096232@mail.ru. SPIN-код: 3164-2028, ORCID: 0000-0002-2076-9816.

Статья поступила 15.11.2023; рецензия получена 10.01.2024; принята к публикации 07.02.2024.

EFFECTIVE MANAGEMENT OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE AS A FACTOR IN OVERCOMING REGIONAL INEQUALITIES

K. V. Bykov^a

^a Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The article examines the contradiction between the critical importance of preserving the historical and cultural heritage and its use as a factor in the development of cities and regions, from the perspective of the academic community, its considerable attractiveness for businesses. It also discusses the lack of effective preservation and development management mechanisms for this type of heritage at the regional level. The author draws on a retrospective analysis of laws and their practical application at various stages of modern Russian history. The paper also looks at the evolution of governance mechanisms, both at the city and regional levels, with regard to urban environment assets, specifically cultural heritage sites.

Methods. Based on the empirical data of the representative survey (6,021 questionnaires) conducted by Center for Sociology of Management and Social Technologies, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS) through a questionnaire in 2019-2020 in twelve regions of Russia, the author used secondary conceptualization to explore the relationship between the assessment of increased role of local government in regional life, the functioning of the governing bodies of local governments, and the assessment of preservation of historical and cultural heritage by residents. The study revealed patterns in regional differences of management and preservation of historical and cultural heritage, as well as the factors exacerbating territorial inequality and determining socio-territorial inequality.

Results and discussion. Based on the outcomes of the study, the author comes to the conclusion that there is a need to implement the management technology for historical and cultural heritage that was developed by the Center of Sociology of Management and Social Technologies (FCTAS RAS) on the basis of predictive social design (T. M. Dridze). To illustrate the enhancement of the effectiveness of regional administration in terms of preservation and advancement of historical and cultural heritage as well as mitigation of the intensity of social regional disparities and successful implementation of the predictive social design technology, a comprehensive diagnostic research in the Bronnitsy city of the Moscow region is given as an example.

KEYWORDS: management, historical and cultural heritage, predictive social design, social management, sociology of management, local government, municipal authorities.

FOR CITATION: Bykov, K. V. (2024). Effective management of historical and cultural heritage as a factor in overcoming regional inequalities. *Management Issues*, 18(1), 69–82. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-1-69-82>

AUTHORS' INFORMATION:

Kirill V. Bykov – Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences — *researcher* (24/35, build. 5, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia); 1096232@mail.ru. SPIN: 3164-2028, ORCID: 0000-0002-2076-9816.

The article was submitted 11/15/2023; reviewed 01/10/2024; accepted for publication 02/07/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Идентичность, ценностные ориентации, художественный вкус формируются в повседневной жизни. Японский мыслитель Нисида Китаро, автор теории пространства и времени, особую роль уделял корневому месту, где формируется человеческое сознание и само ощущение причастности, закладывается чувство привязанности человека к своему «месту на земле» [1]. В работах Г. Д. Грачева культурный ландшафт (природное пространство) и отношение к нему человека предстают как факторы, существеннейшим образом влияющие на национальный склад ума, тип художественного воображения, на признаки, по которым происходит самоидентификация национальных культур [2]. ореол места прочно вплетен в процесс формирования культуры и неразрывно связан с психологическими особенностями личности.

В сегодняшней действительности ключевыми элементами территории (пространства, места) вместе с нерукотворной средой (ландшафтом, творениями природы), безусловно, являются объекты историко-культурного наследия. Даже при создании высокоэтажной квартальной застройки объекты культурного наследия все чаще являются аттракторами или смысловыми якорями для создания новых районов проживания (ЖК «Михалковский» в Москве).

Сегодня трудно определить тот момент, когда историко-культурное наследие впервые было выделено как понятийная категория. К. Линч отмечает, что «сама идея сохранения появилась в Западной Европе около 1500 г., приняв форму «увлечения древними сооружениями», хотя еще в описях имущества Тюдоровского времени старые вещи и недвижимость со специальной пометкой «старое» помещалось в самом низу списка, что подчеркивало их малую ценность»¹.

Вместе с тем П. А. Сорокин в своей концепции социокультурной динамики выделяет ценность как важнейшую характеристику культуры как единство, все составляющие части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают главную ценность².

Подчеркивая жизнеспособность и некоторую искусственность охраны памятников и реставрации, крупнейший европейский ученый Георг Дехио назвал их «дочерьми эклектики XIX века»³.

Сложно переоценить важность сохранения историко-культурного наследия и губительность его утраты для развития территории. Г. Йонас отмечает, что прогресс существует во многих сферах, «да вот только за это приходится платить. С каждым преобразованием оказывается утраченным что-то ценное, цена цивилизации в человеческой и животной сферах высока и с дальнейшим прогрессом она только возрастает» [3].

В силу особенностей климатических условий, природной (нерукотворной среды), различных сооружений (объектов рукотворной среды), исторического развития, демографических и социокультурных характеристик населения, каждая региональная территория Российской Федерации имеет свои уникальные свойства, которые в итоге ложатся в основу «портрета территории». Наличие (отсутствие) историко-культурного наследия в регионе, особенности его состояния, использование в хозяйственной деятельности мы рассматриваем как региональное отличие и фактор, детерминирующий неравенства территорий. Неравенством территорий мы называем такие территориальные различия, которые приводят к неравным возможностям получения тех или иных благ его жителями и, как следствие, ведут к статусным различиям и стратификации территорий.

² Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М., 2006.

³ Правоторова А. А., Гусаченко В. А. Город и наследие. Новосибирск, 2002. С. 12.

¹ Линч К. Образ города. М., 1982.

Под социально-территориальным неравенством мы понимаем социально-статусные неравенства, определяемые принадлежностью индивида к социально-территориальной общности, с факторами неравенства, характерными для нее (определение И. П. Рязанцева) [4]. В этой связи логичным, на наш взгляд, выглядит предположение о вторичности таких факторов, как гендер, возраст, этническая и конфессиональная принадлежность, в то время как принадлежность территории выходит на первый. Руководствуясь этой гипотезой, мы операционализируем понятие историко-культурное наследие региона и приходим к выводу, что в данном контексте к ИКН относятся различные его формы: как природное (естественное), так и культурное (рукотворное) наследие. Таким образом, к культурному наследию мы относим объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты и исторически связанные с ними территории: произведения живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объекты науки и техники, иные предметы материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры, а также наиболее значимые территории, выполняющие важные экологические функции, объекты и явления окружающей среды, в которых находит отражение история природы и общества, фокусируется естественное и культурное многообразие. Наиболее ценные памятники материальной культуры имеют законодательно установленный режим особой охраны [5].

Важно отметить, что к объектам наследия мы относим не только материальные явления, но и духовную культуру народов, имеющую особую историческую, художественную, эстетическую и научную ценность в контексте обеспечения преемственности между поколениями. Это национальные языки, фольклор, искусства, научные знания, бытовые навыки, обычаи и традиции этносов и иных социальных групп.

Суммируя все вышесказанное, мы можем описать наследие, во-первых, как целостную

систему, обладающую социокультурным потенциалом и функцией сохранения и передачи культурных норм, ценностей от поколения к поколению, во-вторых, как часть национального богатства, в-третьих, как один из видов ресурсов, способных оказать влияние на дальнейшее развитие региона и страны в целом⁴.

Таким образом, мы рассматриваем историко-культурное наследие с точки зрения классификационного основания для дифференциации регионов, а региональные различия, выраженные в оценках респондентами положения дел с охраной памятников истории и культуры, с выполнением планов по стратегии развития городов в регионах, относим к региональным неравенствам.

■ МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В своей работе мы опираемся на результаты вторичной концептуализации репрезентативного опроса, массив данных был собран в ходе многолетнего исследования, организованного и проведенного Центром социологии управления и социальных технологий под руководством проф. А. В. Тихонова при поддержке гранта РФФ № 19-18-00945. Опрос длился два года (2019-2020), была собрана 6021 анкета в 12 регионах (не менее 500 в каждом). В процессе сбора анкет использовалась специально разработанная отдельно для каждого региона квотная выборка, основанная на данных Федеральной службы государственной статистики за 2019 год. Анкеты раздавались респондентам для самозаполнения. Исследование проводилось в следующих регионах: Республика Башкортостан, Калмыкия, Саха (Якутия), Амурская, Белгородская, Брянская, Вологодская, Московская, Нижегородская, Омская, Смоленская области.

В ходе опроса респондентам было предложено дать оценку работе региональным и муниципальным органам власти, оценить повышение роли и деятельность местного самоуправления, состояние дел в регионах с сохранением ИКН, выразить субъективные чувства, испытываемые к региону проживания.

⁴ Мальцева, М. В. Местное самоуправление и развитие туристского потенциала города (Социологический аспект) : специальность 22.00.08 «Социология управления» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Мальцева Мария Владимировна. Москва, 2003. 196 с. EDN QDUYSD.

Мы предположили, что, во-первых, будет прослеживаться связь оценок жителями состояния дел в регионе по сохранению ИКН с оценками повышения роли местного самоуправления и оценками деятельности руководящего органа местного самоуправления. Во-вторых, оценки состояния дел в регионе по сохранению ИКН будут связаны с субъективными чувствами, испытываемыми респондентом по отношению к региону проживания. Все выбранные нами показатели напрямую или косвенно демонстрируют региональные неравенства.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Наше предположение о связи оценок жителями состояния дел в регионе по сохранению ИКН и оценок повышения роли местного самоуправления полностью подтвердилось (рисунок 1), чем менее успешно респонденты оценивали роль местного самоуправления в жизни региона, тем чаще они характеризовали ситуацию в системе сохранения историко-культурного наследия очень плохо и довольно плохо.

В ситуации, когда респонденты выбирали средние оценки в повышении роли местного самоуправления, улучшались их оценки и системы сохранения ИКН.

Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать и с оценками деятельности руководящего органа местного самоуправления. Из рисунка 2 следует, что прослеживается связь высоких оце-

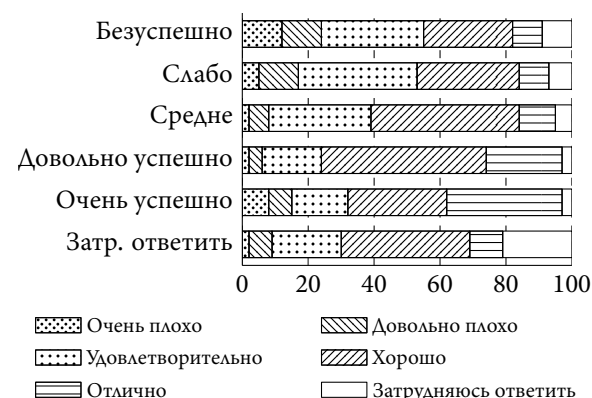

Рис. 1. Оценки ситуации в системе сохранения историко-культурного наследия в разрезе оценок повышения роли местного самоуправления в жизни региона, в %

Fig. 1. Assessments of the situation in the system of preservation of historical and cultural heritage in the context of assessments of increasing the role of local government in the life of the region, in %

нок работы органов местного самоуправления с высокими оценками ситуации в системе сохранения историко-культурного наследия.

Из рисунка 3 следует, что чем лучше респонденты оценивают положение дел в системе сохранения историко-культурного наследия, тем чаще они соглашались со сложившемся в регионе стилем руководства органов власти.

Из данных, представленных на рис. 4, следует, что чем лучше оценивают респонденты ситуацию в системе сохранения историко-культурного наследия, тем чаще они испытывают чувство удовлетворения от проживания в регионе.

Рис. 2. Оценки ситуации в системе сохранения историко-культурного наследия в разрезе оценок работы руководства органа местного самоуправления, в %

Fig. 2. Assessments of the situation in the system of preservation of historical and cultural heritage in the context of assessments of increasing the role of local government in the life of the region, in %

Рис. 3. Оценки проявленного согласия со сложившимся стилем управления в регионе в разрезе оценки ситуации в системе сохранения историко-культурного наследия, в %

Fig. 3. Estimates of demonstrated agreement with the existing management style in the region in terms of assessing the situation in the system of preserving historical and cultural heritage, in %

Респондентам предстояло оценить положение дел в локальной ситуации одного из регионов в нескольких разрезах. Оценивались социально-экономические и социально-культурные условия по пятибалльной шкале по 32 показателям. В нашем исследовании мы выделили и задействовали 2 показателя, относящиеся к культуре и, как следствие, относящиеся к историко-культурному наследию и его сохранению.

Важно отметить (рис. 5), что снижение оценок в состоянии дел с сохранением памятников истории и культуры и выполнением планов по стратегии развития города (поселения) происходило в тех же регионах, которые получали более низкие оценки работы других жизненно важных систем социального жизнеобеспечения: от трудовых отношений, образования, здравоохранения до правопорядка и безопасности. Это республика Калмыкия, Свердловская и Амурская области.

Так же, как и в ранее описанных случаях, присутствует двухсторонняя значимая связь (корреляция Спирмена) оценок положения дел с сохранением историко-культурного наследия в регионе и оценок деятельности органов власти и управления в данной области.

В зависимости от уровня проработки законодательства, в отдельных регионах и республиках органы местного самоуправления (МСУ) обладают различной степенью самостоятельности и широтой полномочий, позволяющих им играть значимую или менее значимую роль в обеспечении развития местных социальных институтов, в частности, культурной ориентации.

Органы местного самоуправления несут контрольные функции за выполнение программ благоустройства вверенной им территории. В от-

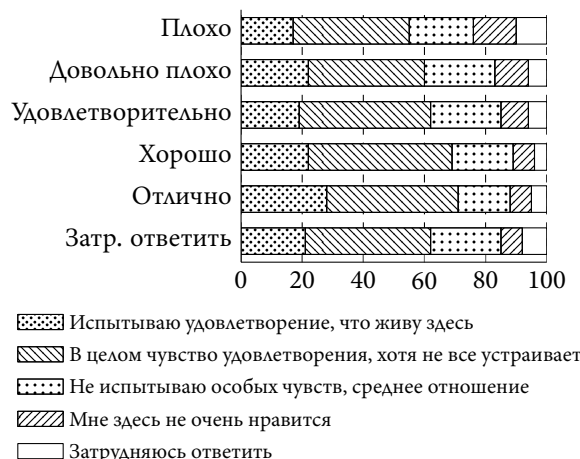

Рис. 4. Чувства респондентов по отношению региона проживания в разрезе оценки ситуации в системе сохранения историко-культурного наследия, в %
 Fig. 4. Respondents' feelings towards their region of residence in terms of assessing the situation in the system of preserving historical and cultural heritage, in %

дельных случаях органы местного самоуправления утверждают и контролируют программы социально-экономического развития; утверждают местный бюджет и отчет о его выполнении. В их полномочия входит утверждение и согласование отчета об использовании внебюджетных средств; помимо сбора налогов в местный бюджет, также в их функции входит установка порядка распоряжения собственностью, осуществление контроля за его использованием и эксплуатацией; в зоне их ответственности лежит определение ставки налога на земли; согласование и установка порядка передачи земель в аренду, находящихся в их собственности⁵.

⁵ См. сноску 4.

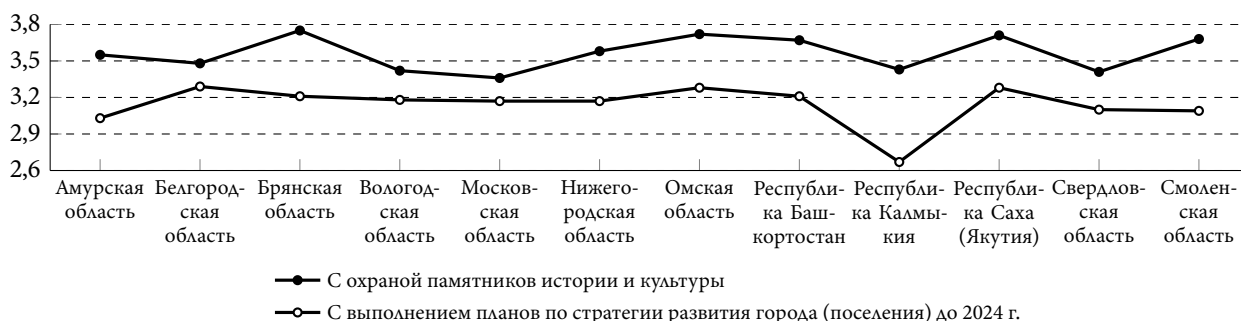

Рис. 5. Средние оценки жителей по пятибалльной шкале ситуации в системе сохранения историко-культурного наследия, региональный разрез
 Fig. 5. Average ratings of residents on a five-point scale of the situation in the system of preservation of historical and cultural heritage, regional context

Всё это поставило местные власти в абсолютно новые условия по сравнению с эпохой Советского Союза. Они получили право решать свои проблемы, но не получили полного набора инструментов для их решения и преодоления. Только во втором десятилетии XXI века государство создало условия для социально-экономического развития местных сообществ соответствующую финансовую и экономическую базу. Органы МСУ получили право владеть, использовать муниципальную собственность, а также распоряжаться и отчуждать ее. Эффективность этого использования, а также качество содержания и поддержания муниципальной собственности входит в перечень показателей КПЭ муниципального образования.

Особое место в структуре муниципальной собственности занимают памятники архитектуры (объекты культурного наследия). С одной стороны, за последние полтора десятилетия сложилось понимание того, что материальные памятники историко-культурного наследия – это ресурс развития для самого муниципалитета с точки зрения туристической, событийной привлекательности. С другой стороны, приобщение населения к архитектуре различных эпох повышает уровень образования, формирует широкий кругозор, увеличивает культурный капитал, способствует освоению коммуникативных смыслов. Наличие и многообразие ИКН имеет ценность с точки зрения формирования и гармоничного развития местного населения. Но в силу несовершенства бюрократической системы культурную составляющую в России регулирует одно ведомство, туристическую – потребительскую – другое, а образовательно-воспитательную – третье, хотя все они, по сути, осуществляют социальную политику на местном уровне. С одной стороны, еще в конце XX века повсеместно отмечался путь музеефикации памятников архитектуры, с другой стороны, приспособление неприспособленных помещений бывших фабрик или бывших усадеб, какowymi обычно и являются городские памятники архитектуры, предполагает огромный объем работы по совмещению различных норм и ограничений и значительные финансовые затраты, связанные с их преодолением [6]. К сожалению, часто бывает, что между собой эти ведомства договариваются довольно сложно, в силу отсутствия единых стандартов приспособления поме-

щений для того или иного применения. В итоге муниципальные организации зачастую вынуждены отказываться от размещения объектов в помещениях, имеющих охранный статус. В более крупных городах наметилась тенденция филиализации профильных помещений по функциональному назначению и разделению выставочных залов и учебных мастерских, концертных залов и аудиоклассов. В качестве иллюстрации приведем пример Красноярска, где художественная школа им. Сурикова выделила выставочный зал в отдельное здание-особняк XIX века, а художественные классы перевели в более современное здание, в связи с высокой стоимостью адаптации помещения под учебные нужды.

В последние годы на органы местного самоуправления возложены задачи по поиску и продвижению грантов и проектов, в том числе и культурных, направленных на развитие среды, а также участие в процессах разработки проектов программ социально-экономического развития, создание внебюджетных фондов.

На наш взгляд, ситуацию коренным образом могло бы изменить появление единого заказчика или оператора, способного учесть все имеющиеся требования, выявить ограничения конкретных помещений и разработать индивидуальный проект учреждения. Такой подход повлечет необходимость расширить штат квалифицированных кадров широкого профиля на региональном или районном уровне, в связи с чем появится целая когорта высококлассных профессионалов в области архитектуры, проектирования, дизайна, культурологии, истории, специалистов-проектировщиков, возрастет интенсивность культурного обмена и уровень взаимопонимания, как в рамках одного административно-территориального субъекта, так и между регионами. Такой подход имеет еще один ощутимый плюс – качественное функциональное приспособление внешне привлекательных зданий и вовлечение их в практику городского пользования способно повысить общий культурный уровень горожан, спровоцировать дополнительный интерес к истории архитектуры, к цивилизационному развитию, краеведению. По сути, это воплощение механизма социокультурной динамики П. Сорокина, где культура, являясь имманентным признаком социума, воспроизводит себя под воздействием динамики как состояния культуры – и, в процессе жизне-

деятельности, получается качественный прирост во всех трех составляющих.

С 2010 годов наблюдается активизация инициативной разработки местных стратегий развития и слом прежней тенденции, когда любые изменения подразумевали разработку схемы освоения бюджетных средств в условиях синкретизма власти и бизнеса.

Во многом благодаря внедряемому в этот период инструменту «Национальных проектов», затрагивающему значительную часть повседневности горожан, а также АНО «Агентство социальных инициатив», проводящему в жизнь «нацпроекты» посредством дифференцированного и хорошо зарекомендовавшего себя набора программ и конкурсов, качественно повысился уровень вовлеченности управленческого аппарата, сократилась дистанция между властью местными сообществами, отдельными жителями. Кратно увеличилось количество городских и локальных мероприятий. Результаты социологических опросов горожан показывают улучшение их креативности и разнообразия, рост уровня позитивного восприятия населением. Значимым фактором развития стало укрепление волонтерского движения. Изменилось понимание сотрудниками городских администраций перспектив конкретного поселения, позволив сформировать реалистичные оценки возможности участия в разнообразных государственных программах. Этому способствовал современный широко распространенный научный подход, предлагающий опираться на экспертные оценки местных сообществ при выборе путей развития городскими поселениями. Планирование и стратегирование становится важной сферой совместной деятельности органов местного самоуправления и местных сообществ. Это требует от органов местного самоуправления целенаправленных действий по совместному решению проблем в различных сферах жизнедеятельности [7].

Без сомнения, именно организация непрерывного коммуникативного процесса муниципальных органов, лидеров общественного мнения, местной общественности в программах развития городской среды, туризма, общественно-культурной жизни – с одной стороны, максимально эффективно учитывает интересы населения, способствует вовлечению людей в реализацию решений, учитывает их мнение на

этапе проектирования дальнейших решений; и с другой стороны – в конечном счете позволяет населению осознавать себя полноценным субъектом управления [8].

Все больше виден эффект именно от согласованности этих действий в свете своевременного уточнения общих целей, сроков и необходимых ресурсов: как финансовых, так и человеческих. Такие практики необходимо внедрять и развивать как в крупных, так и в малых городах – это будет способствовать реализации потенциала на местах прежде всего людей творческих профессий, сократит отток населения из сельских территорий и малых городов в региональные центры в поисках комфортной среды.

Поддержка постоянного контакта с местными жителями и инициативными группами, участие и организация в совместных культурно-массовых мероприятиях будет значительно способствовать не только сохранению историко-культурного наследия, но и использованию его в развитии региона.

Не следует забывать о поиске и анализе информации о реальном состоянии дел, о запросах, интересах, потребностях горожан, поддержке и участии в сообществах по сохранению историко-культурного наследия, об использовании механизмов обратной связи, как в социальных сетях, так и в опросах общественного мнения, в задействовании волонтерских механизмов (с помощью участия в работе по сохранению историко-культурного наследия, сотрудничества с общественными организациями, с помощью опросов общественного мнения) [9].

Очевидно, что необходимо разработать систему мер, стимулирующих использование объектов культурного наследия как ресурса развития городов и регионов, для повышения качества городской среды и сельской местности. Технологии управления историко-культурным наследием на федеральном уровне будут способствовать снижению остроты неравенств территорий регионов и социально-территориальных неравенств их жителей.

Наиболее распространенное отношение к культурному наследию сегодня – это рассмотрение его преимущественно как объекта охраны. Достаточно часто при реализации проектов развития оно становится предметом конфликта субъектов культурной и градостроительной деятельности. Это обусловлено сложившейся

практикой управления и недостаточным качеством принятия управленческих решений.

Вместе с тем, очевидно, что культура и культурное наследие могут стать точками роста и развития при условии применения социально-проектных технологий, стимулирующих социальное участие и социальное партнерство для использования и охраны культурного наследия [10].

Одна из главных составляющих инновационных социальных проектов, определяющая их реализацию, – это кадровая готовность и кадровое обеспечение.

Для изменения качества работы в этом направлении необходимо начать с подготовки кадрового обеспечения:

- консультантов – социальных проектировщиков и коммуникативных технологов, готовых разрабатывать социальные проекты с использованием культурного капитала и наследия;
- чиновников, подготовленных в качестве потенциальных заказчиков на такого рода проекты, для решения социально значимых вопросов на региональном и муниципальном уровне.

Состояние историко-культурного наследия, безусловно, значимый аспект, характеризующий качество управления на региональном уровне. Историко-культурное наследие является социально-культурным ресурсом, грамотное использование которого позволяет не только привлекать финансовые потоки в регион за счет туристической деятельности, но и формировать значимые коммуникативные смыслы.

Известное высказывание И. П. Павлова «Массовый общежизненный ум определяет судьбу народа» вполне применимо к судьбе региона, а также и конкретного населенного пункта. И в прежние, «более оседлые» времена, и в наш век мобильности и условности границ именно со своего корневого места на земле человек начинает свой путь, отсюда формируется ощущение места и чувство привязанности к нему, которое он несет сквозь года, меняя и расширяя территорию своего обитания и возвращаясь как мысленно, так и в беседах, лекциях, ярких примерах к своим улицам, местам и связанным с ними культурным смыслам, передавая культурные коды, зашифрованные в них. В этом смысле неравенство регионов на уровне изучения, популяризации и сохранения культурного наследия принимает критические масштабы и, по сути, ведет к социокультурной деформации, сниже-

нию уровня духовности населения, причем на макроуровне эту деформацию невозможно восполнить, а можно лишь попытаться заполнить вакуум и оценить упущенную выгоду [11].

С экономической точки зрения обладание объектом культурного наследия федерального, регионального значения зачастую влечет за собой, помимо гигантских затрат на восстановление и содержание объекта, огромную вереницу обременений, специальной отчетности, проверок и иных рисков для предпринимателя. В связи с чем сооружение культурного наследия парадоксально становится менее востребованным, чем обычное, при прочих равных условиях. Конечно, отношение между социально-экономическими факторами и ценностями не прямолинейно, но все же зависимость очевидна (в различных исследованиях Р. Ингхарта и работах его последователей это предположение стабильно подтверждается) [12].

Усилия государства в рамках национальных проектов – колоссальны, хотя и значительно опаздывают, потому что, как время и природные катаклизмы не щадят материальные объекты культурного наследия, так носители культуры, как и социум, безусловно, подвержены еще и отрицательным демографическим тенденциям девяностых и двухтысячных годов, поэтому уровень и масштаб потерь еще предстоит оценить будущим поколениям. И все же ситуация, очевидно, меняется к лучшему. В частности, в последние годы многое сделано в рамках национального проекта «Культура». Меняется примитивное, прямолинейное отношение чиновников к предпринимателям как к «дойной корове», и укореняется понимание элементарной схемы, где объект культурного наследия «образцового содержания» (пользуясь советской лексикой) повышает привлекательность и востребованность практически любого расположенного в нем бизнеса, и, как следствие, бизнес платит больше налогов в бюджет субъекта.

Повышение уровня доступности внутреннего туризма и качества дорог в рамках других национальных проектов ведет к преодолению неравенства доступа к культурным ценностям, а расширение кругозора и повышение культурного и духовного сознания граждан ведет к возникновению инициатив, на основе полученных впечатлений или знаний, в зависимости от целей индивида. Таким образом, выравнивание

уровня транспортной доступности объектов культурного наследия, безусловно, является значимым фактором в повышении уровня культуры, способствует повышению экономической привлекательности того или иного региона, а глобально ведет к эффективному использованию культурных и духовных феноменов страны [13].

Повышается транспортная доступность и увеличивается конкуренция в «сфере гостеприимства», вследствие чего снижается средний чек поездки и растет количество мобильного населения. Ошибочно представлять культурное наследие в виде дореволюционных построек, считать их жемчужинами городов и сел, наследием царской России. В настоящий момент важно обратить внимание также и на наследие советской эпохи: например, большинство стадионов и других масштабных спортивных сооружений было построено именно в СССР. Сейчас эти объекты представляют мировую культурную ценность, но незаслуженно заброшены и привлекают к себе интерес федеральной и местной власти значительно позже, чем этого требует реальное состояние объектов и их значимость. Тем временем потенциал укрепления и расширения спортивных связей и увеличения числа мероприятий становится важным инструментом формирования здоровой нации. Таким образом, мы подчеркиваем необходимость рассмотрения преодоления неравенств в комплексе, в единой системе решения ряда вопросов развития регионов.

Чтобы создать условия для реализации такого подхода и его институционализации, требуется креативное решение в виде создания симбиотических организаций нового типа, работающих на принципах синергии:

- спортивных кадров, опирающихся на спортивный потенциал федераций и ассоциаций отдельных видов спорта, так или иначе подотчетных структурам министерства по делам молодежи и спорта;
- работников культпросвета по аналогии с советским периодом;
- волонтерское движение, в основном из местного актива.

На последнем остановимся чуть подробнее. На фоне мировой глобализации и глобализации угроз и вызовов последних лет волонтерское движение набирает силу и значимость по всему миру. Одновременно прослеживается явная

тенденция по повышению престижа волонтерской деятельности и, как следствие, «качества человеческого потенциала» участников. Повышается не только возраст и уровень материальной обеспеченности кадров, но и уровень компетенций, что влечет за собой существенное повышение качества предоставления волонтерских услуг. О. А. Башева провела исследование этого феномена и представила основные результаты и выводы, которые созвучны нашим предположениям, на прошедших в ноябре 2022 года XXII Дридзе-вских чтениях в Москве.

Комплексный, междисциплинарный подход в последние годы становится нормой и знаком качества при решении той или иной социальной задачи, между тем, еще в 80-90-е годы XX века междисциплинарный коллектив под руководством Т. М. Дридзе сосредоточил усилия на его обосновании и внедрении в научную теорию и практическую деятельность по решению градостроительных проблем социального управления в рамках экоантропоцентрической парадигмы. Методы экоантропоцентрической и семиосоциопсихологических парадигм, основывающиеся на социальной коммуникации, уже 30 лет используются центром социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН. В частности, один из методов, применяемый для внедрения градостроительных решений, – это метод социально-исторического исследования или социально-генеалогический анализ. Приступая к изучению места, всегда важно помнить и изучать его культурно-исторические, социальные характеристики, ведь все дальнейшие градостроительные решения по развитию городской среды не противоречили уже существующей линии развития места⁶. В качестве иллюстрации успешного внедрения комплекса методов прогнозного социального проектирования можно привести опыт работы авторского коллектива над Генпланом развития города Бронницы Московской области в 2007 году. А именно над разделом «Социально-диагностический анализ локальной социальной и проблемных жизненных ситуаций». Результаты исследования не только были учтены разработчиками в итоговом тексте Генплана

⁶ Дридзе Т. М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // *Общественные науки и современность*. 1994. № 1. С. 131-138.

развития города Бронницы до 2020 года, но и применены в практике управления⁷.

Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук В. М. Шепель в книге «Духовные истоки величия имиджа России» ставит вопрос о «духовной безопасности» нашей страны как о факторе, выпавшем из поля зрения государственной вертикали, отдавая отчет в огромных усилиях по поддержанию внешней безопасности, на которых она сосредоточена [14].

Именно поэтому нам представляется крайне важным создание общей платформы, объединяющей в первую очередь энтузиастов, волонтеров, краеведов и других активных горожан для комплексного решения проблемы неравенства различных территорий в плане доступа и охраны культурных, исторических, а в конечном счете духовных ценностей. Залог успеха представляется нам именно в «государственном» комплексном подходе с привлечением ресурсов местных СМК, общественных организаций и общественных палат разного уровня.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше предположение о связи оценок жителями дел по сохранению историко-культурного наследия в регионе с оценками состояния местного самоуправления и оценкой деятельности руководящего органа местного самоуправления на местах подтвердилось. Чем выше респондентами оценивается ситуация с местным самоуправлением в регионе и деятельность его руководящего органа, тем чаще респонденты отмечают, что дела с сохранением и развитием ИКН в регионе обстоят лучше.

Второе наше предположение о связи чувств, испытываемых жителями по отношению к региону, с оценками положения дел с сохранением историко-культурного наследия также подтвердилось. Чем лучше респондент оценивает состояние культурного наследия, тем большее удовлетворение от проживания в регионе он испытывает.

Мы рассчитываем в дальнейшем зафиксировать динамику этой зависимости, что, во-первых, будет прослеживаться через связь оценок жителями состояния дел в регионе по сохранению историко-культурного наследия с оценка-

ми повышения роли местного самоуправления, оценками деятельности руководящего органа местного самоуправления [15].

Безусловно, место и роль историко-культурного наследия как фактора регионального неравенства территорий и детерминанты социально-территориальных неравенств на настоящий момент требуют более детального анализа.

Методы по «выравниванию» региональной диспропорции нам еще предстоит уточнить, но, на наш взгляд, ни в коем случае нельзя упускать из виду подходы социальной диагностики по широкому кругу проблем и вопросов, как населения, так и экспертных сообществ, что, безусловно, приведет к формированию систем выявления новых объектов историко-культурного наследия и поспособствует их сохранению и воспроизводству в новых цифровых реалиях. Эксперты, связанные с управлением городом, городской средой и коммуникативным пространством, сходятся во мнении, что процесс управления культурным наследием как одним из важных элементов городской среды – междисциплинарная задача и требует объединения специалистов широкого спектра, с включением цифровых технологий [16].

С одной стороны, в современной ситуации можно отметить ряд положительных тенденций в области сохранения ИКН. Развитие цифровых технологий на сегодняшний день, например, позволило систематизировать ИКН и представить их в едином государственном реестре объектов культурного наследия, доступном в сети Интернет, реализовать целый ряд масштабных, красочных порталов, непрерывно пополняющихся вновь выявленными объектами, как существующими, так и утраченными. С другой стороны, есть и негативные факторы, которые ведут к утрате объектов культуры [17]. Перевод, дублирование городской среды в онлайн-пространстве позволяет, с одной стороны, шире представить в том числе культурное наследие, равно как и культурные традиции, но, с другой стороны, требует подготовки более квалифицированных кадров и постоянной их подготовки, чтобы культурное наследие в сетях не постигла участь исторических памятников и культурных традиций в 90-е, 2000-е годы, о чем было сказано ранее. Время работает против нас и нашей общей культуры, и чем активнее мы будем изучать, выявлять и оберегать

⁷ Малый российский город: коммуникативное пространство, ресурсы и перспективы развития / Сообщество профессиональных социологов; отв. ред. В. А. Шилова. Москва: Издательство «Маска», 2010. 135 с. EDN QUAVVB.

наследие наших предков, тем больше шансов у наших преемников видеть не только «отражение в сети», но и само наследие.

Говоря о перспективах развития городской среды, современные архитекторы и градостроители все чаще отмечают идентичность как основу города и как «матрицу его перспективного развития» [18]. Под идентичностью понимается сочетание природного ландшафта, городская структура и, конечно же, городская культура, к которой относится историко-культурное наследие. Но город уже не воспринимается как застывшая форма, подлежащая музеефикации и консервации, напротив, речь идет об «оживлении» памятников архитектуры, вписывании их и природных богатств в современную городскую тематику. Создание на их основе и сочетании новых смыслов, новых способов

использования и популяризации уникальных черт каждого конкретного города или городского округа, как для местных сообществ, туристов, так и в наилучшем смысле мигрантов и, наконец, девелоперов, потому что именно девелоперская привлекательность делает ту или иную территориальную единицу перспективной и стабильной, а не только уютной и камерной [19]. Кроме того, рассматриваемый подход позволит не только растить, но и привлекать квалифицированные кадры как в административные, так и в коммерческие структуры города, которые будут задействованы по большей части в сфере креативных индустрий, тем самым предотвращая отток населения из городов, о чем в своем послании Федеральному Собранию как об одной из важнейших проблем грядущего десятилетия говорил Президент России В. В. Путин. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гуткин О. В. Феномен культурного пространства : Монография. Саратов : Научная книга, 2005. 137 с. EDN QVCLXB.

2. Гачев Г. Д. Европейские образцы пространства и времени // *Культура, человек и картина мира* : Сборник статей / под ред. А. И. Арнольдова. Москва : Издательство «Наука», 1987. С. 198–227. EDN TNWCJH.

3. Калянина В. О. «Принцип ответственности» Ганса Йонаса как основа экологической этики // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*. 2022. № 12. С. 105–106. DOI 10.37882/2500-3682.2022.12.12. EDN VWFNPZ.

4. Шилова В. А., Быков К. В. Методологические подходы, методы и аспекты исследования интенциональности в социологии управления // *Научный результат. Социология и управление*. 2021. Т. 7, № 4. С. 48–74. DOI 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4. EDN LVHDWH.

5. Шилова В. А. Ключевые подходы к выявлению и применению критериев оценки территориальных и социально-территориальных неравенств в региональном разрезе // *Социологическая наука и социальная практика*. 2022. Т. 10, № 4 (40). С. 96–112. DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9285. EDN TUPBBS.

6. Горшков М. К., Гусейнов А. Г., Дмитриев А. В. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России :

Монография. Москва : Новый хронограф, 2015. 624 с. EDN UCNWMF.

7. Веденин Ю. А. Роль географической науки в изучении и сохранении наследия // *Наследие и современность*. 2018. Т. 1, № 2. С. 8–38. EDN VVGDXE.

8. Канарш Г. Ю. Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021 // *Социологические исследования*. 2022. № 8. С. 167–171. DOI 10.31857/S013216250020844-1. EDN ZYGOZU.

9. Мерзляков А. А. Социологическое измерение субъектности населения в условиях реализации национальных проектов // *Социологическая наука и социальная практика*. 2021. Т. 9, № 4 (36). С. 221–237. DOI 10.19181/snsp.2021.9.4.8616. EDN CJUNUT.

10. Шилова В. А., Быков К. В. Проблема управления сохранением историкокультурного наследия в региональном разрезе // *Научный результат. Социология и управление*. 2018. Т. 4, № 4. С. 152–163. DOI 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-13. EDN YWXKSL.

11. Нефедова Т. Г., Баскин Л. М., Покровский Н. Е. Эволюция пространства сельских территорий Ближнего Севера (кейс Мантуровского района Костромской области) // *Социологические исследования*. 2021. № 12. С. 124–134. DOI 10.31857/S013216250016852-0. EDN HFSDMR.

12. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация,

культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития : Монография. Москва : Новое издательство, 2011. EDN QOMHTL.

13. Шилова В. А., Богданов В. С. Управление в цифровом обществе (по материалам круглого стола) // *Социологические исследования*. 2022. № 11. С. 158–160. DOI 10.31857/S013216250021653-1. EDN VMHDCW.

14. Шепель В. М. Духовные истоки величия имиджа России // *Репутациология*. 2020. № 1-2 (55-56). С. 30–33. DOI 10.34925/2071-9094.2020.55.1.002. EDN YMKNKH.

15. Тихонов А. В., Акимкин Е. М., Богданов В. С. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов : Монография. Москва : ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с. EDN YNBRPS.

16. Маркин В. В., Харченко К. В. Социология регионального управления vs социология в ре-

гиональном управлении: по материалам Круглого стола // *Социологические исследования*. 2021. № 9. С. 149–150. DOI 10.31857/S013216250015530-6. EDN LDAJZG.

17. Попов Е. В., Долженко Р. А., Симонова В. А. Теория экосистемного анализа // *Вопросы управления*. 2021. № 6 (73). С. 20–36. DOI 10.22394/2304-3369-2021-6-20-36. EDN SSUZUN.

18. Ситковский А. М. Моделирование многокритериальной оценки социо-эколого-экономического состояния и динамики территории // *Вопросы управления*. 2021. № 2 (69). С. 102–119. DOI 10.22394/2304-3369-2021-2-102-119. EDN OFZRHC.

19. Дроздова А. А., Дроздова Ю. А. Концептуализация городского сообщества в публичном пространстве современного города // *Вопросы управления*. 2020. № 1 (62). С. 73–82. DOI 10.22394/2304-3369-2020-1-73-82. EDN GTZEFT.

REFERENCES

1. GUTKIN, O. V. (2005). *The phenomenon of cultural space*. Science Book. <https://elibrary.ru/qvclxb>.

2. GACHEV, G. D. (1987). European patterns of space and time. In A. I. Arnoldov (Ed.) *Culture, People and the Picture of the World* (pp. 198–227). Publishing House “Science”. <https://elibrary.ru/tnwcjh>.

3. KALININA, V. O. (2022). “Principle of responsibility” by Hans Jonas as the basis of environmental ethics. *Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Cognition*, (12), 105–106. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2022.12.12>.

4. SHILOVA, V. A., & BYKOV, K. V. (2021). Methodological approaches, methods, and aspects of intentionality research in sociology of management. *Research Result. Sociology and Management*, 7(4), 48–74. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4>.

5. SHILOVA, V. A. (2022). Key approaches to identifying and applying criteria for assessing territorial and socio-territorial inequalities in the regional context. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*, 10(4), 96–112. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9285>.

6. GORSHKOV, M. K., GUSEINOV, A. G., & DMITRIEV, A. V. (2015). *Regional sociology: problems of consolidation of the social space of Russia*. New chronograph. <https://elibrary.ru/ucnwmf>.

7. VEDENIN, YU. A. (2018). Role of geographical science in studying and preservation of heritage. *Heritage and Modern Times*, 1(2), 8–38. <https://>

elibrary.ru/vvgdxe.

8. KANARSH, G. YU. (2022). Lapin N.I. The complexity of the formation of a new Russia. anthroposociocultural approach. Moscow: Ves' Mir, 2021. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (8), 167–171. <https://doi.org/10.31857/S013216250020844-1>.

9. MERZLYAKOV, A. A. (2021). The sociological measurement of the population subjectivity in the context of the national projects implementation. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*, 9(4), 221–237. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8616>.

10. SHILOVA, V. A., & BYKOV, K. V. (2018). The problem of managing the preservation of historical and cultural heritage in the regional context. *Research Result. Sociology and Management*, 4(4), 152–163. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-13>.

11. NEFEDOVA, T. G., BASKIN, L. M., & POKROVSKY, N. E. (2021). Evolution of socio-economic space in the local rural areas in the Near North (case of the Manturovsky district of the Kostroma region). *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (12), 124–134. <https://doi.org/10.31857/S013216250016852-0>.

12. INGLEHART, R., & WELZEL, K. (2011). *Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development*. New Publishing House. <https://elibrary.ru/qomhtl>.

13. SHILOVA, V. A., & BOGDANOV, V. S. (2022). Governance in a digital society (based on the materials of the round table). *Sotsiologicheskie Issledo-*

vaniya, (11), 158–160. <https://doi.org/10.31857/S013216250021653-1>.

14. SHEPEL, V. M. (2020). The spiritual origins of the greatness of the image of Russia. *Journal of Reputiology*, (1-2), 30–33. <https://doi.org/10.34925/2071-9094.2020.55.1.002>.

15. ТИХОНОВ, А. В., АКИМКИН, Е. М., & БОГДАНОВ, В. С. (2017). *Russia: Reforming the power and management vertical in the context of problems of socio-cultural modernization of regions*. FCTAS of the RAS. <https://elibrary.ru/ynbrps>.

16. MARKIN, V. V., & KHARCHENKO, K. V. (2021). Sociology of regional governance vs sociology in regional governance: Based on the materials of the round table. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (9), 149–

150. <https://doi.org/10.31857/S013216250015530-6>.

17. ПОПОВ, Е. В., ДОЛЖЕНКО, Р. А., & СИМОНОВА, В. Л. (2021). Theory of Ecosystem Analysis. *Management Issues*, (6), 20–36. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-6-20-36>.

18. СИТКОВСКИЙ, А. М. (2021). Modeling of multi-criteria evaluation of social, ecological and economic conditions and development of a territory. *Management Issues*, (2), 102–119. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-2-102-119>.

19. ДРОЗДОВА, А. А., & ДРОЗДОВА, Ю. А. (2020). Conceptualization of the urban community in the public space of a modern city. *Management Issues*, (1), 73–82. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2020-1-73-82>.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ К ТРУДУ В РОССИИ: ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА

Н. В. Чернышева^а

^а Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В разные исторические периоды цель, формы привлечения иностранцев к труду, правила привлечения и их формы имели отличительные черты. Автор формулирует цель исследования. На основе проблемно-хронологического подхода представлена классификация основных этапов привлечения иностранной рабочей силы в Россию.

Материалы и методы. Отмечается, что исследование носит междисциплинарный характер и основано на применении исторических методов и метода ретроспективного анализа. Дается краткая характеристика степени изученности темы. Автор выделяет три направления исследований: работы, в которых рассмотрены отдельные социально-экономические аспекты развития Российского государства в различные исторические периоды; труды, посвященные иностранцам, эволюции их правового статуса и роли в истории Российского государства и общества; историко-демографические исследования, позволяющие использовать данные о миграции населения.

Результаты. Основываясь на проблемно-хронологическом подходе, можно выделить три периода (этапа) привлечения иностранной рабочей силы в Россию: с образования Древнерусского государства и до конца XVII века, Россия в период Империи, советский период. В каждый период можно выделить определенные всплески активности (волны), характеризующиеся ростом численности иностранцев, а также изменением форм их привлечения к труду.

В период с момента образования Древнерусского государства и до конца XVII в. привлечение иностранцев определялось преимущественно торгово-экономическими отношениями, само понятие «иностранец» не имело четкой юридической формулировки. В период Российской империи количество иностранцев, прибывающих на работу в Россию, преимущественно зависело от внешнеполитической ситуации, изменялись формы привлечения и география выхода мигрантов. В советский период доминировало привлечение иностранных технических специалистов и рабочих для решения важных социально-экономических задач страны. В послевоенные десятилетия данный процесс имел выраженный идеологический контекст.

Обсуждение. Представлены основные выводы. Ретроспективный анализ позволяет выделить три исследовательских периода, в каждом из которых есть временные этапы (волны), характеризующиеся ростом присутствия иностранных трудовых мигрантов, а также наличием определенных форм привлечения к труду.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: управление трудовой миграцией, иностранцы, трудовые мигранты, труд, ретроспективный анализ, Россия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чернышева Н. В. Привлечение иностранцев к труду в России: опыт ретроспективного анализа // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 1. С. 83-96. EDN KCWXPV. DOI 10.22394/2304-3369-2024-1-83-96.

© Н. В. Чернышева, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Чернышева Наталья Викторовна – доктор исторических наук, доцент; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук — *главный научный сотрудник отдела исторической демографии* (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); natiche84@mail.ru. SPIN-код: 5179-4022, ORCID: 0000-0002-1492-5368, ScopusID: 57194700785, ResearcherID: Q-4804-2016.

Статья поступила 03.11.2023; рецензия получена 22.12.2023; принята к публикации 25.01.2024.

ATTRACTING FOREIGNERS TO WORK IN RUSSIA: A REVIEW OF PAST EXPERIENCES

N. V. Chernysheva^a

^a Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. During different historical periods, the purposes, forms of employing foreigners, rules and regulations of attracting them, and their forms had distinctive features. The author formulates the aim of the research. Based on a problem-chronological approach, a classification of the main stages in attracting foreign labour to Russia is presented.

Materials and methods. It is noted that the study is interdisciplinary in nature and is based on the use of historical methods and the method of retrospective analysis. A brief description of the degree of knowledge of the topic is given. The author identifies three areas of research: works that consider individual socio-economic aspects of the development of the Russian state in different historical periods; works devoted to foreigners, the evolution of their legal status and role in the history of the Russian state and society; historical and demographic studies that allow the use of data on population migration.

Results. Based on the problem-chronological approach, three periods (stages) in attracting foreign labour to Russia can be distinguished: from the formation of the Old Russian state to the end of the 17th century, Russia during the Empire period, and the Soviet period. Each period can be distinguished by certain bursts of activity (waves), characterized by an increase in the number of foreigners, as well as a change in the forms of their involvement in work.

During the period from the moment the Old Russian state was formed to the end of the 17th century, the attraction of foreigners was determined mainly by trade and economic relations, the very concept of “foreigner” did not have a clear legal definition. During the period of the Russian Empire, the number of foreigners coming to work in Russia mainly depended on the foreign policy situation, the forms of attraction and the geography of migrants’ origin changed. During the Soviet period, the attraction of foreign technical specialists and workers dominated in order to solve important socio-economic problems of the country. In the post-war decades, this process had a pronounced ideological context.

Discussion. The main conclusions are presented. A retrospective analysis allows us to distinguish three research periods, each of which has temporary stages (waves) characterized by an increase in the presence of foreign labour migrants, as well as the presence of certain forms of attracting to work.

KEYWORDS: labour migration management, foreigners, labour migrants, labour, retrospective analysis, Russia.

FOR CITATION: Chernysheva, N. V. (2024). Attracting foreigners to work in Russia: A review of past experiences. *Management Issues*, 18(1), 83–96. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-1-83-96>

AUTHORS' INFORMATION:

Natalya V. Chernysheva – Advanced Doctor in Historical Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences — *chief researcher of the Department of Historical Demography* (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); natiche84@mail.ru. SPIN: 5179-4022, ORCID: 0000-0002-1492-5368, ScopusID: 57194700785, ResearcherID: Q-4804-2016.

The article was submitted 11/03/2023; reviewed 12/22/2023; accepted for publication 01/25/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

В каждый исторический период цель, формы привлечения иностранцев к труду, правила привлечения и их формы имели отличительные черты. Можно выделить несколько факторов, оказавших влияние на данные процессы: религиозные, идеологические, внутриполитические, внешнеполитические. Цель исследования – представить ретроспективный анализ привлечения и использования иностранной рабочей силы в России. Научная новизна исследования заключается в обобщении и систематизации исследовательского материала по заявленной проблематике, а также в разработке классификации этапов привлечения иностранной рабочей силы в России, определении основных механизмов, задач и пр.

Процесс привлечения иностранной рабочей силы носил волнообразный характер. Представим его в виде таблицы. С точки зрения исследователя можно выделить три основных периода изучения процесса, в каждом из которых имелись определенные волны, т.е. периоды наиболее активного проявления данного процесса.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование носит междисциплинарный характер и основано на применении исторических методов. Для проведения исследования применялся историко-генетический метод, историко-системный и историко-типологический. Историко-генетический метод позволил определить эволюцию государственной политики в области иностранной трудовой миграции. Историко-системный – рассмотреть государственную политику в области трудовой миграции в контексте внешнеполитических и внутриполитических задач Российского государства. Историко-типологический – позволил предста-

вить классификацию изучаемого процесса. Использовался также метод ретроспективного анализа, позволяющий изучить предметно-объектную область исследования сквозь призму исторического процесса.

По данной теме можно выделить следующие направления исследований:

1. Исследования, в которых рассмотрены отдельные социально-экономические аспекты развития Российского государства в различные исторические периоды. В них затронуты проблемы российской модернизации, повседневной жизни иностранных рабочих и специалистов, деятельности иностранных предприятий в России и др. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Применение данных работ в контексте исследования позволяет осмыслить задачи и возможности привлечения иностранных трудовых мигрантов в Россию.

2. Работы, посвященные иностранцам, эволюции их правового статуса и роли в истории Российского государства и общества [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17]^{1,2}. Для данного направления свойственен междисциплинарный характер исследований. Историки, юристы, демографы в трудах обращаются к нормативно-правовым актам, определяющим статус иностранцев, иностранных трудовых мигрантов, на различных исторических этапах. Важно отметить, что подобный анализ осуществляется в контексте изучения государственной политики в отноше-

¹ Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в Россию: очерки / рук. проекта В. И. Бовыкин. М. : Росспэн, 1997. 321 с.; Басик В. П. Категории иностранцев в России. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. 24 с.

² Тесленко, С. А. Китайская и корейская миграция на Дальний Восток России и её влияние на социально-экономическое развитие региона (1860–1917 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Тесленко Светлана Андреевна. Комсомольск-на-Амуре, 2007. 28 с. EDN ZNICHJ.

Таблица 1 — Группировка недостатков системы управления на основе классификационных оснований
Table 1 — Grouping of management system deficiencies based on classification grounds

Период	Волны	Основные категории иностранных трудовых мигрантов
1. Россия до конца XVII века	IX – конец XIII веков – период Древнерусского государства, Удельный период, Монгольское иго	Торговцы, военные
	XIV – конец XVIII вв. – период становления и развития Русского централизованного государства	Торговцы, военные, мастера оружейного дела, деятели культуры и искусства
2. Россия в период Империи	XVIII – первая половина XIX века – Становление и развитие абсолютной монархии в России	Торговцы, военные, деятели науки, культуры, искусства, медицины, образования, иностранцы-колонисты
	Вторая половина XIX века – 1917 г. – период реформ и пореформенный период	Иностранцы-колонисты, рабочие, торговцы, деятели науки, культуры, искусства, медицины, образования
3. Советский период	1917–1930-е годы – период становления советского государства и его индустриального развития	Иностранные рабочие, инженеры, технические консультанты, реэмигранты
	Вторая половина 1940 – начало 1990-х годов – период после окончания Второй мировой войны и до распада СССР	Иностранные рабочие, реэмигранты

нии иностранной рабочей силы, социально-экономической, внутри- и внешнеполитической ситуации.

3. Историко-демографические исследования, позволяющие использовать данные о миграции населения (масштабы, формы, география и др.) [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27]. Исследования, включенные в данную группу, не только носят информативный характер, но и позволяют дополнить научные представления о реализации решений в отношении трудящихся иностранцев, в них также представлены сведения о практиках привлечения иностранной рабочей силы в отдельные регионы страны.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

В период зарождения и развития Российского государства в Древности и в Средние века происходит становление основ его взаимодействия с иностранцами. Оно не имело четко выраженную юридическую основу, а практика привлечения иностранцев преимущественно определялась взаимными экономическими выгодами от развития торговых отношений, а также стремлением великих князей привлекать иностранных военных специалистов, специалистов в области архитектуры и строительства. Возрождение иностранной торговли при Иване IV не привело к широкому привлечению иностранцев в Московское государство. Лишь после завершения Смуты, складывания и развития всероссийского рынка, появления хозяйственной специализации районов, постепенного обмирщения русской культуры создаются

предпосылки развития внешнеторговых отношений, развития дипломатических взаимоотношений и пр.

Изначально понятие «иностранец» имело географическую, а не государственно-правовую специфику³. В древних актах в качестве иностранцев указывались неоднородные категории населения: иноплеменники и чужеземцы. Они участвовали в военных походах по правилам военного найма. Активно использовали наемных воинов в период усобиц [13, с. 53].

Важнейшую группу иностранцев, пребывающих на территории Древнерусского государства, составляли купцы. Купцы упоминаются в первых договорах Руси с Византией, в «Русской Правде». Пространная редакция «Русской Правды» устанавливала преимущества для иногородних торговцев [13, с. 55]. Иностранные торговцы обладали правом свободы приезда, могли иметь дворы в городах, должны были платить торговые и таможенные сборы и пошлины.

В период феодальной раздробленности договоры князей с другими государствами также касались торговли и статуса купцов. Например, в 1195 г. Новгородская республика заключила договор с Ганзой, в котором устанавливалась неприкосновенность купцов-должников. В период Монгольского завоевания иностранные купцы торговали преимущественно с вечевыми республиками.

Значительные изменения происходят в период образования Российского централизованно-

³ Басик В. П. Категории иностранцев в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 3.

го государства. Поток иностранных работников увеличился и качественно изменился.

Работники посольств, купцы, путешественники, оружейники, архитекторы, военные специалисты пребывали для работы в Россию. Их положение регулировалось обычаями и царскими указами. Более конкретно оно представлено в Соборном уложении 1649 г., в котором определялось, что иноземцы в судных делах несли ответственность как русские люди. Купцы имели право свободы въезда на территорию Русского государства, остальные должны были иметь специальные приглашения.

Для купцов некоторых стран устанавливались льготы. Одни из первых льготы получили англичане. Создана компания, получившая монопольное право на торговлю с Московией. В 1555 г. ей были предоставлены привилегии: право на свободный проезд и выезд из страны через г. Архангельск, право беспошлинной торговли в г. Москве и дом для проживания. В 1567 г. льготы для англичан и членов компании были расширены: выдано разрешение на ведение беспошлинной торговли в городах Казань, Астрахань, Нарва, Дерпт [13, с. 57]. Испытывающее нужду в военных материалах опричное правительство позволило английской купеческой компании искать в опричных северных уездах залежи железа и развивать добычу. Англичане также получили разрешение перестроить и расширить канатную фабрику в г. Вологде [1, с. 170]. Позднее подобные льготы получили голландцы и французы.

В 1649 г. царь Алексей Михайлович не подтвердил прежние льготы для английских купцов. Им была запрещена беспошлинная торговля и разрешено торговать только в г. Архангельске. Данное решение было реакцией на Английскую буржуазную революцию. В 1650–1660-е гг. в условиях развития всероссийского рынка в торговых актах вводятся протекционистские правила ведения торговли (Торговый устав 1653 г., Уставная грамота 1654 г., Новоторговый устав 1667 г.).

В XVII в. русская армия стала перестраиваться. Создавались полки иноземного строя. Важное место играли наемные иностранные военные. Постепенно формировалось понятие подданства [13, с. 60].

Итак, в исторический период с момента образования Древнерусского государства до конца XVII в. происходит становление взаимоот-

ношений государства с иностранцами. Они не являлись систематическими. Государственная власть преимущественно была заинтересована в торгово-экономическом сотрудничестве, военном найме и привлечении иностранных деятелей культуры и искусств.

Выбор европейского вектора развития страны был определен в XVIII в. Данный выбор определил новые возможности и формы взаимодействия Российского государства с другими странами. В рамках модернизации России европейского типа иностранцы рассматривались как носители прогрессивных знаний и ценностей, необходимых для развития Российской империи. Впоследствии контингент и география иностранцев в России расширяются. Появляются новые направления государственной политики в области привлечения иностранной рабочей силы. Важнейшей из них становится иностранная колонизация России, сопровождавшаяся предоставлением для них привилегий и льгот. Внешнеполитические вызовы зачастую определяли отношение государственной власти к представителям отдельных государств. В пореформенный период возрастает значение иностранных трудовых мигрантов в азиатской части России и в Закавказье, куда прибывали иностранцы не только для занятия сельским хозяйством, но и в качестве наемных рабочих.

При Петре Великом понятие подданства приобретает новый окрас. В 1702 г. был принят Манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания», закреплявший за иностранцами право свободного въезда для поступления на службу в войско; свободу богослужения для всех христиан; предоставление льгот. Иностранцы могли получить временное подданство, а при принятии православия – постоянное. Манифест определял интерес государства в иностранных военных специалистах, торговцах, людях, знающих «художества» [14, с. 9].

В период правления Елизаветы Петровны иностранцам даровалось право вступать в вечное подданство (с 1747 г.).

В начале XIX века иностранцы были разделены на 3 категории: живущие без подданства (купцы, учащиеся, путешественники); временные подданные (военная, гражданская служба, колонисты, поселенцы); вступающие в вечное подданство. В 1864 г. права натурализованных

подданных сравнивались с правами естественных и природных [13, с. 68].

С 1832 г. запрещалось принимать иностранцев на гражданскую службу, а с 1896 г. и на военную службу. Как отмечают Ю. В. Герасименко, А. В. Жиляев, С. В. Шевченко: «Лишь по ведомству народного просвещения допускались служащие иностранцы» [13, с. 70]. Ограничения в отношении иностранцев-подданных вводились для тех, с кем Россия находилась в состоянии войны.

На службу в Россию при Петре I стали поступать морские и армейские офицеры, купцы, архитекторы, скульпторы, художники, плотники и пр. Политическое значение иностранцев в России возросло в период дворцовых переворотов.

При Екатерине II начинается иностранная колонизация России. «4 декабря 1762 г. издается Манифест «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободе возвращения в свое отечество русских людей, бежавших за границу». Сенату было поручено определить места для таких выходцев. Манифест от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселиться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах», подробно регламентировал процесс переселения» [13, с. 63; 14, с. 10]. Иностранцы обладали свободой вероисповедания, освобождались от рекрутской повинности, имели право на заведение фабрик и вольной торговли, получали льготу в уплате податей на 30 лет, а также пособие для обзаведения хозяйством и поземельный надел [18, с. 31–32]. Манифест определял реестр земель Российской империи, свободных и удобных для заселения. Процессом заселения и устройства на местах занималась специально созданная «Канцелярия опекунства иностранных». Согласно манифесту, разрешалось заниматься хлебопашеством, ремеслами, заводить мануфактуры, фабрики и заводы [14, с. 10]. В местах компактного поселения иностранцев «разрешалось проводить торги и ярмарки “без платежа пошлин в казну”» [14, с. 10].

Преимущественно это был приток немецких колонистов из германских земель, переселения из Турции и Австрийской империи в Новороссию. Вся иностранная иммиграция в Россию не превышала 100 тыс. чел. [18, с. 46]. Немцев – 40 тыс. (Прибалтика, Курляндия, Новороссия, Царство Польское), Нижнее Поволжье (Саратовская губ.). Небольшое количество немцев-колонистов се-

лилось в Центральном земледельческом районе (Острожский уезд Воронежской губ.) [18, с. 46].

В начале XIX в. на территории Российской империи немцы составляли около 0,6 % населения (около 250 тыс. чел.), т.е. их было больше, чем молдаван, башкир, марийцев [18, с. 47]. Выходцы из Турецкой и Австрийской империй – около 60 тыс. чел. [18, с. 47].

В связи с изменением внешнеполитической ситуации изменяется политика государства в отношении иностранной колонизации. В 1806 г. к присяге с правом остаться могли быть допущены лишь купцы, проживающие в Российской империи не менее 15 лет, профессора и ученые люди, домашние учителя, служащие, актеры, музыканты [13, с. 64]. В 1807 г. введены новые ограничения, касающиеся иностранных торговцев (принятие в гильдию купцов при условии вступления в вечное подданство России).

Данные ограничения были полностью отменены лишь Именным указом Александра II в 1860 г. Законы 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г. устанавливали принципы бессословности и равенства русских и иностранных подданных. Лишь в конце 1890-х годов иностранные предприниматели приобрели почти полную свободу в занятии торговлей и предпринимательством в Российской империи⁴.

В первой половине XIX в. преимущественно осуществлялась внутренняя колонизация окраин Российской империи (Северный Кавказ, Новороссия, Приуралье) государственными крестьянами. Иностранцы, немцы и болгары переселялись на территорию Новороссии (Херсонская и Таврическая губернии). Определялись льготы на уплату податей и выполнение повинностей сроком 10 лет. Предоставлялась также денежная помощь на хозяйственные нужды. Им выделялся надел в 60 десятин на каждое семейство. Условия заселения были значительно лучше, чем те, что предоставлялись внутренним переселенцам [18, с. 59].

До 60-х гг. XIX в. в Новороссию переселилось более 70 тыс. немецких колонистов. Основная часть в Херсонской обл. (50 тыс. чел.), в Таврической и Бессарабской губернии – по 8,3 тыс. чел., в Екатеринославской – около 2 тыс. чел. Также за этот период переселилось около 130 тыс. болгар, греков, гагаузов [18, с. 59].

⁴ Иностранные предприниматели и заграничные инвестиции в Россию: очерки. М. : Росспэн, 1997. С. 21.

Переселение земледельцев-иностранцев в России было прекращено указом от 5 августа 1819 г. по причине истощения резервов государственной земли и нерациональности заселения иностранцами-колонистами.

По расчетам В. М. Кабузана, общее число немецких земледельцев иммигрантов в России может быть определено в 114–115 тыс. чел., А с учетом первой переселенческой волны 1760–1780-х гг. (около 36 тыс. чел.) – в 145–159 тыс. чел. [18, с. 59].

С 1830-х гг. продолжалось массовое переселение в Россию теперь уже в основном не земледельческих мигрантов: немцев, поляков, персов, китайцев и пр.

С точки зрения географии мест выхода иммигрантов миграционные потоки стали более многообразны. Возрастает удельный вес мигрантов, пребывающих в Российскую империю из стран Азии (Персия, Турция, Китай). Германия и Персия являются основными государствами, откуда идет поток мигрантов в Российскую империю [18, с. 199].

В 1901–1915 гг. баланс миграции иностранцев в Российскую империю составил +1,3 млн чел, в том числе в 1900–1910 гг. 708 тыс. и в 1911–1915 гг. 543 тыс. [18, с. 170]. Фактически же он был еще больше, так как сезонная миграция азиатских рабочих практически не учитывалась в статистике. В. М. Кабузан приводит цифру около 2 млн чел. [18, с. 197]. Удельный вес азиатских рабочих в Приамурской обл. в 1913 г. составлял 11%, а в Амурской обл. – 39% [12, с. 23].

Если в 1860–1880-е гг. азиатские эмигранты преимущественно занимались сельским хозяйством и мелкой торговлей, то с 1890-х гг. ситуация меняется. Строительство крепости и порта во Владивостоке, Уссурийской железной дороги и КВЖД требовало привлечения иностранных рабочих.

В 1901–1915 гг. основной поток мигрантов в Российскую империю шел из Персии (+409 тыс. чел. или 32,7%) – преимущественно азербайджанцы южного Азербайджана, направлявшиеся в Бакинскую губ. и Закаспийскую обл. [18, с. 196]. Следующим по значимости был приток населения из Турции (+166 тыс. чел. или 13,3%) – преимущественно армяне; Китая (+117 тыс. чел. или 9,3%). Армяне заселяли Закаспийскую обл., Черноморскую губ., Терскую обл., Бакинскую и Тифлисскую губернии. В основном это был приток нелегальных мигрантов.

Из других стран в 1901–1915 гг. масштабы миграции были следующими: из Болгарии +7,9 тыс. чел., Румынии +18,7 тыс. чел., Франции +8,8 тыс. чел., Великобритании +16,8 тыс. чел., США +6,1 тыс. чел. Происходило снижение количества мигрантов из Австро-Венгрии и Германии. Европейцы и американцы в основном приезжали в Царство Польское, Правобережную Украину, Прибалтику, г. Петербург, г. Москву, г. Одессу.

В 1910 г. в Приамурском и Иркутском генерал-губернаторстве, в Забайкальской области «вводился запрет на сдачу казенных земель для поселения, а также сдачу казенных подрядов и казенных поставок иностранным подданным. Ряд ограничений вводился и на территории Кавказского наместничества»⁵.

28 июля 1914 г. именным высочайшим указом Правительствующему Сенату «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 г.» торговые суда неприятельских стран задерживались, подданных этих стран лишали всяких льгот и преимуществ, предоставленных договорами. «Состоявшие на действительной военной службе и подлежащие призыву иностранцы, граждане враждебных государств, подлежали выдворению из России или ссылке в отдаленные губернии» [13, с. 71].

Итак, в период Российской империи задачи и формы привлечения иностранцев к труду значительно изменились. Используя научно-технический, образовательный и культурный потенциал иностранных специалистов из Европы, в России были осуществлены важные социально-экономические преобразования. Расширение территории Российского государства вызывало необходимость изыскивать дополнительные людские ресурсы для их освоения. Государство прибегает к практике иностранной колонизации. С развитием экономики в пореформенное время страна нуждалась в притоке рабочей силы в города, в том числе за счет иностранцев.

В советский период практики привлечения иностранной рабочей силы изменились. В 1920–1930-е гг. большевистская власть использовала практику привлечения иностранного капитала и рабочих, широко применяемую в конце XIX – начале XX вв., а также привлечения иностран-

⁵ Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в Россию: очерки / рук. проекта В. И. Бовыкин. М.: Росспэн, 1997. С. 25.

ных специалистов и квалифицированных рабочих для осуществления очередной модернизации страны. Во второй половине XX в. развитие получила практика привлечения иностранной рабочей силы в рамках реализации межправительственных соглашений стран социалистического блока в те отрасли народного хозяйства СССР, которые испытывали недостаток в рабочей силе. Данная тема нуждается в дальнейшей проработке.

Приход к власти большевиков в России отразился на статусе иностранцев в складывающейся Советской республике и имел явно выраженный идеологический и политический контекст⁶. Конституция РСФСР 1918 г. уравнила в правах граждан и иностранцев [12, с. 75]. Имелись отдельные ограничения на права иностранцев, вводившиеся в последующих нормативах. В частности, в 1921 г. иностранцам было запрещено заниматься рыболовством в Белом море и Северном Ледовитом океане [12, с. 89].

В 1920–1930-е годы Советской республике необходимо было восполнить потери в рабочей силе, являвшиеся следствием Первой мировой войны, революции и гражданской войны. Немаловажную роль играла идея интернационализма.

В период нэпа в рамках задач развития народного хозяйства осуществлялось привлечение иностранных инвестиций путем заключения концессионных договоров⁷. Сущность концессии заключалась в передаче права на исключительную разработку и использования частным владельцам, чаще иностранным, какого-либо дохода государственной деятельности (добыча угля, нефти и пр.) [6, с. 5]. Иностранные собственники привлекали для работы в концессиях квалифицированные кадры иностранного происхождения и рабочих. Крупными концессиями с иностранным капиталом 1920-х гг. были «Грузинский марганец», «Те-

тухе», «Гаммер» и др. Например, на концессии «Тетухе» 1 января 1927 г. иностранные рабочие составляли 45,5%, а 1 июля 1927 г. 54,3% вместо 25% по концессионному договору [6, с. 121].

В 1922 г. был принят Гражданский кодекс РСФСР⁸, в котором статья 8 была посвящена иностранцам и закрепляла за ними свободу передвижения, возможность избрания профессии, открытия и приобретения торгово-промышленных предприятий, вещные права [13, с. 76]. В 1926 г. юридический статус иностранца был конкретизирован. Все иностранные граждане, пребывавшие на территории СССР более 18 мес., относились к категории постоянных, остальные – временных [13, с. 78].

Как отмечает В. В. Павлова: «В условиях завершения Гражданской войны существовавшая система регулирования трудовой иммиграции являлась малоэффективной». Постановлением от 25 октября 1922 г. была образована Постоянная Комиссия Совета Труда и Оборона (КОМСТО). В период с 25 октября 1922 г. по 1 августа 1925 г. КОМСТО рассмотрела 6926 тысяч одиночных заявлений о разрешении въезда в СССР. Из них 65 % составили заявления от иммигрантов и 35 % от реэмигрантов. В указанный промежуток времени порядка 58 % одиночных заявлений подавалось в промышленность, в основном это были граждане Германии, Австрии, Бельгии, Чехословакии и Польши. Для работы в сельском хозяйстве индивидуальные заявления поступали преимущественно из Турции, Канады, Литвы» [20, с. 185].

В составе отдельных групп с 25 октября 1922 г. по 1 августа 1925 г. в КОМСТО поданы заявления 411523 чел. Преимущественно их цель – занятие на территории Советской республики сельским хозяйством. К ним со стороны власти предъявлялись определенные требования: мигранты должны быть материально обеспечены, хозяйственно необходимы, политически благонадежны.

Первые группы рабочих из Америки попадали в Россию через Англию и Германию. К началу 1921 г. приоритетными стали другие каналы въезда в Россию [8, с. 254].

Поток иностранных, а также русских рабочих из Европы и Америки, прибывающих в г. Пе-

⁶ Декларация прав народов России. 2 нояб. 1917. г. // Декреты Советской власти. Т 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 39–41; Декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». 1917. 11 нояб. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3942#IR0MAuTEPRVZ311r> (дата обращения: 30.08.2023); Декрет ВЦИК «О праве убежища». 1918. 28 марта. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14543#SPYLAuTiwcPcqPd41> (дата обращения: 30.08.2023); Декрет ВЦИК «О приобретении прав российского гражданства». 1918. 1 апреля. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3387#yKLAuTМPvDa1fii1> (дата обращения: 30.08.2023).

⁷ Декрет «О порядке высылки иностранцев из пределов РСФСР». 1921. 29 августа. // Декреты Советской власти. Т. XVIII. Август. 1921. М.: РОССПЭН, 2009. С. 281–283.

⁸ О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР»): Постановление ВЦИК от 11.11.1922 г. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2863#wlmJJoT9kZiUCrK> (дата обращения: 29.08.2023 г.).

троград на рубеже 1920–1921 гг., составлял 400–500 человек в месяц. В декабре 1920 – январе 1921 гг. в г. Петроград прибыл 861 американский рабочий [8, с. 256–257]. Весной 1921 г. было принято решение о прекращении приема рабочих из Америки.

Следующий мощный поток экономической иммиграции можно отнести к началу 1930-х годов. СССР использовал мировой экономический кризис 1929 г. для привлечения иностранных специалистов [9, с. 40, 43]. В августе 1928 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О привлечении иностранных специалистов»⁹. По сведениям В. В. Павловой, «иностранцы рабочие, специалисты, техники из ведущих западных стран принимались на советские предприятия крупной и мелкой промышленности в качестве экспертов, консультантов» [20, с. 185].

По мнению специалистов, в 1932–1933 гг. в СССР приехало на работу около 20 тыс. иностранцев, а их общий контингент с членами семей составлял около 35 тыс. чел. [2, с. 34–36]. Иностранцы направлялись на работу в крупные индустриальные центры Союза (г. Москва и Московская область, г. Ленинград и Ленинградская область, Урал, Донбасс и др.). Преимущественно они трудились в отраслях тяжелой промышленности: металлообрабатывающей, топливной, химической и пр.

После Второй мировой войны в рамках деятельности ООН осуществляется разработка комплекса документов о правах человека, затрагивающих вопросы гражданства, статуса лиц без гражданства и иностранцев¹⁰. Некоторые положения которых учитывались в советском законодательстве: Положение «О въезде в СССР и о выезде из СССР» от 19 июня 1959 г., Конституция СССР 1977 г., Закон СССР «О правовом положении иностранных граждан в СССР» от 24 июня 1981 г. Перестройка отразилась и на правовом статусе иностранцев. В 1990 г. был принят Закон «О гражданстве», а на следующий

год «Правила пребывания иностранных граждан в СССР».

После окончания Второй мировой войны советское правительство сделало ряд шагов в сфере международной миграции. В частности, они касались бывших граждан Российской империи¹¹. В ноябре 1946 г. из г. Марселя в г. Одессу прибыли 222 семьи (365 чел.), в 1947 г. в СССР вернулось еще 3000 семей. В 1947 г. советское руководство заявило о готовности разрешить въезд в страну 3 тыс. иммигрантов из Китая. В целом, в 1946–1947 гг. подали прошение о предоставлении советского гражданства 150 тыс. чел. [5, с. 7].

В 1946 г. в Маньчжурии началась вербовка китайцев для работы на советском Дальнем Востоке. Определено, что китайские рабочие направлялись на работу в два треста: «Амурзолото» и «Приморзолото». На 1 марта 1946 г. Их насчитывалось 11,5 тыс. чел. [5, с. 8].

Миграции внутри Советского Союза способствовали миграционной убыли населения РСФСР. Она определялась преимущественно социально-экономическими причинами. С 1950-х годов началось освоение целинных земель Казахстана, в городах Средней Азии строились промышленные предприятия, электростанции и т.д. [22, с. 814].

На основе двустороннего советско-корейского соглашения в 1946–1949 гг. из Северной Кореи на Южный Сахалин на предприятия рыбной промышленности прибыли 20891 рабочий и 5174 членов их семей сроком работ по договору на 2-3 года. В 1948 г. около 6 тыс. корейцев были переведены из рыбной отрасли в лесную и бумажную [19, с. 149].

В 1954 г. в г. Пекине были определены договоренности о направлении из Китая рабочей силы в СССР «для участия в коммунистическом строительстве и трудового обучения». «Китайские рабочие заключали индивидуальные договоры. Они трудились компактными группами и преимущественно направлялись в глубинные северные территории СССР на лесоразработки и горнодобывающие рудники» [5, с. 11]. В то же время китайское правительство настаивало на привлечении китайских рабочих в районах советско-китайской границы.

¹¹ О восстановлении в гражданстве СССР бывших подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.11.1945 (с изм. от 20.01.1946). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15915#zrDLJoTGie33wQm31> (дата обращения: 30.08.2023).

⁹ Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Ч. II. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1999. С. 233–234.

¹⁰ Всеобщая декларация прав человека. 1948. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 30.08.2023); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. 1966. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/ (дата обращения: 30.08.2023); Международный пакт о гражданских и политических правах. 1966 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 30.08.2023).

Масштабного привлечения китайских рабочих не произошло. Всего за 1955–1957 гг. в СССР работало 2100 китайских рабочих [5, с. 11].

В 1957 г. заключено соглашение между КНДР и СССР о привлечении северокорейских рабочих в Хабаровский край. В июле 1957 г. прибыло 3550 чел. По условиям договоренностей корейские рабочие должны были работать на территории СССР до 1964 г. [5, с. 11].

В 1967 г. были заключены межправительственные соглашения с рядом социалистических стран о сотрудничестве в заготовке леса: КНДР и НРБ. Хейфец Б. А. отмечает: «Их масштабы были незначительны. Иностранцев привлекали преимущественно в рамках расширения сотрудничества социалистических стран; поисков эквивалентной выплаты экспортных поставок и погашения задолженности во взаимных расчетах за прошлые годы; необходимости решения нарастающих проблем с нехваткой трудовых ресурсов в некоторых отраслях экономики. Иностранцы привлекались для сооружения и монтажа объектов топливно-сырьевых отраслей и энергетики, нефте- и газопроводов, лесозаготовок» [4, с. 213].

«В апреле 1981 г. было заключено межправительственное соглашение о приеме на работу вьетнамских граждан на профобучение и на работу на предприятия и учреждения СССР. Планировалось, что в 1982 г. в СССР прибудет 6 тыс. рабочих для осуществления трудовой деятельности более 5 лет» [4, с. 213]. Преимущественно предусматривалось привлечение вьетнамских рабочих на предприятия Министерства легкой промышленности, Министерства мелиорации и водного хозяйства, Министерства угольной промышленности. Всего в 1981–1984 гг. в СССР прибыло 16,6 тыс. граждан СРВ, 40% из них в РСФСР [27, с. 44]. Далее их количество возрастало. По сведениям С. В. Рязанцева и С. А. Пискунова, в конце 1988 г. их насчитывалось около 65 тыс. чел. [27, с. 44]. В результате к середине 1980-х гг. около 100 тыс. вьетнамских рабочих участвовало в сооружении магистрального газопровода «Союз» [4, с. 210].

Как отмечает Б. А. Хейфец, «привлечение иностранных рабочих можно рассматривать как один из видов целевого кредитования, широко распространенного в те годы. Межгосударственные кредиты давались для определенных целей и погашались за счет поставок про-

дукции. Страны-кредиторы были заинтересованы в увеличении импорта такой продукции. Например, вьетнамские рабочие получали 40 % от заработанного в качестве зарплаты, 60 % их дохода перечислялось государству, которое использовало данные средства на погашение долга перед СССР [4, с. 211].

В период распада СССР наступил кризис, однако экономические связи не прерывались. Экономические реформы в СССР способствовали изменению механизмов привлечения трудовых мигрантов-иностранцев. В начале 1990-х годов в г. Ханое состоялись переговоры, в результате которых было принято решение о заключении трудовых контрактов с гражданами Вьетнама [4, с. 213]. Аналогичное соглашение было подписано 19 августа 1992 г. между правительствами РФ и КНР.

Подводя итоги советского периода, отметим, что в 1920–1930-е гг. советское руководство использовало практики привлечения иностранцев к труду с учетом задач развития советской экономики. Начиная со второй половины 1940-х гг. характерная для советской экономики вербовка рабочей силы распространяется и на иностранцев в рамках межправительственных соглашений со странами социалистического блока.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Таким образом, ретроспективный анализ позволяет выделить три исследовательских периода, в каждом из которых есть временные этапы (волны), характеризующиеся ростом присутствия иностранных трудовых мигрантов, а также наличия определенных форм привлечения к труду.

В период с момента образования Древнерусского государства и до конца XVII в. привлечение иностранцев определялось преимущественно торгово-экономическими отношениями, а также практикой военного найма. Постепенно расширялась сфера сотрудничества в области культуры и искусства.

Европейский вектор развития России обусловил рост европейской иммиграции. Иностранцы-специалисты и разнорабочие, торговцы, иностранцы-колонисты способствовали развитию науки, культуры, искусства, промышленности и сельского хозяйства страны.

В дореформенный период переселенческие процессы в азиатскую Россию существенное

значение не имели. Шло активное заселение окраинных территорий Российской империи. В конце XIX – начале XX вв. происходят активные внутрироссийские переселенческие процессы на окраины Российской империи. Возрастает роль Средней Азии, Казахстана и Дальнего Востока в миграционных процессах. Изменяется роль традиционных европейских регионов вселения: на данных территориях начинается отток населения в города, а также на окраины империи.

Постепенно меняется и география выхода мигрантов. В Российскую империю начинают прибывать не только европейцы, но и жители

Турции, Персии. Возрастает роль азиатских мигрантов (торговля и сезонная работа): китайцев и корейцев.

В советский период доминировало привлечение иностранных технических специалистов и рабочих, в отдельных случаях государство использовало практику привлечения реэмигрантов. В период индустриализации привлечение иностранных специалистов и рабочих было направлено на решение важных социально-экономических задач страны. В послевоенные десятилетия имело выраженный идеологический контекст. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Скрынников Р. Г.** Иван Грозный : Монография. Москва : Издательство «Наука», 1983. 248 с. EDN TRYBCL.

2. **Журавлев С. В.** «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электроставского завода в советском обществе 1920-1930-х гг. : Монография. Москва, 2000. 352 с. EDN PXNRGF.

3. **Голубев А. В.** «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещен»: к вопросу о закрытости межвоенного советского общества // *Отечественная история*. 2004. № 4. С. 32–53. EDN OWPPKD.

4. **Хейфец Б. А.** Опыт СССР по привлечению иностранной рабочей силы // *Использование иностранной рабочей силы в России: проблемы и перспективы* : Материалы круглого стола (Москва, 17 мая 2005 г.) / под ред. Б. А. Хейфеца. Москва : Институт международных экономических и политических исследований РАН, 2005. С. 210–213. EDN ZSHSYH.

5. **Ващук А. С., Крушанова А. А.** Мобилизационные формы пополнения трудовых ресурсов в СССР 1945-1950 гг. // *Россия и АТР*. 2006. № 1. С. 5–13. EDN HZNCAR.

6. **Юдина Т. В.** Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы НЭПа : Монография. Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2009. 442 с. EDN QUCULZ.

7. **Юдина Т. В.** Советские и иностранные рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в 1920-1930-е гг. // *Власть*. 2010. № 9. С. 120–123. EDN MUTYEF.

8. **Ходяков М. В.** Трудовая иммиграция в Советскую Россию на завершающем этапе Граж-

данской войны. 1920-1921 гг. // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2011. № 5. С. 252–265. EDN OBLQUH.

9. **Шефов Н. А.** Внешние факторы модернизации советской промышленности в 1925-1950 гг. // *Свободная мысль*. 2020. № 2 (1680). С. 39–48. EDN DUOMQX.

10. **Кискидосова Т. А.** Китайские и корейские рабочие на Черногорских угольных копях в 1930-е гг. // *Гришаевские чтения* : Материалы IV национальной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева (Красноярск, 11-12 ноября 2001 г.) / под ред. Р. В. Павлюкевича, С. Т. Гайдина. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2022. С. 77–86. EDN DKVJIN.

11. **Басик В. П.** Правовое положение граждан Российской Федерации и иностранцев в России : Монография. Москва : Издательство Московского университета, 2004. EDN QWCLQR.

12. **Белковец А. П., Шерстобоев О. Н.** Иностранцы в России: историко-правовое исследование : Монография. Новосибирск : Альфа-Порте, 2013. 221 с. EDN XUGBDS.

13. **Герасименко Ю. В., Жиляев А. В., Шевченко С. В.** Иностранцы в России: историко-правовой анализ : Монография. Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. 206 с. EDN ZTGKJF.

14. **Ермакова О. К., Рукосуев Е. Ю.** Иностранцы-переселенцы и специалисты в России в XVIII веке: законодательное регулирование пребывания (по материалам полного собрания

законов Российской империи) // *Вестник гуманитарного образования*. 2019. № 2 (14). С. 7–21. DOI 10.25730/VSU.2070.19.015. EDN QCRDPA.

15. **ДАЦЫШЕН В. Г.** К проблеме паспортно-визовой системы для китайских мигрантов в Российской империи // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 4 (18). С. 159–172. DOI 10.31696/2618-7302-2021-4-159-172. EDN UCWOFV.

16. **АВЕРИН М. Б., БАБЕНКО В. Н., РОМАНОВ В. В.** Роль Совета министров в осуществлении правового регулирования труда иностранных рабочих на Дальнем Востоке Российской империи (1907-1914 гг.) // *Былые годы*. 2021. № 16 (2). С. 969–980. DOI 10.13187/bg.2021.2.969. EDN GHSYKG.

17. **АВЕРИН М. Б., РОМАНОВ В. В.** Совет министров Российской империи и закон 1910 г. «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве» // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2021. № 4 (60). С. 16–24. EDN UEOEGX.

18. **КАБУЗАН В. М.** Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX вв. : Монография. Москва : Издательство «Наука», 1998. 270 с. EDN RYWHUT.

19. **КУЗИН А. Т.** Послевоенная вербовка северокорейских рабочих на промышленные предприятия Сахалинской области (1946-1960-е гг.) // *Россия и АТР*. 2010. № 3 (69). С. 148–156. EDN MVCSQF.

20. **ПАВЛОВА В. В.** Государственное регулирование иммиграции рабочей силы в СССР в 1920-е гг. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 12-1 (26). С. 184–188. EDN PHEGZH.

21. **ДИН Ю. И.** Влияние пореформенного и постреформенного периода на жизнедеятельность и миграцию сахалинских японцев и корейцев //

Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект : Сборник научных статей (Владивосток, 24-25 ноября 2020 г.) / под ред. А. С. Ващук. Владивосток : Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, 2020. С. 261–267. DOI 10.24411/9999-056. EDN WOLTIC.

22. **РЯЗАНЦЕВ С. В., РЫБАКОВСКИЙ А. А.** Демографическое развитие России в XX-XXI веках: историческое и геополитическое измерения // *Вестник Российской академии наук*. 2021. Т. 91, № 9. С. 810–819. DOI 10.31857/S0869587321090085. EDN VHNSDJ.

23. **ПЛИЕВА З. Т.** Миграционная история иранцев на Северном Кавказе // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*. 2021. № 4. С. 49–56. DOI 10.29025/1994-7720-2021-4-49-56. EDN BBSLDV.

24. **ДАЦЫШЕН В. Г.** Китайское население Забайкалья в условиях сталинской системы в 1930-е гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2022. Т. 21, № 1. С. 57–71. DOI 10.22363/2312-8674-2022-21-1-57-71. EDN PKEOBT.

25. **ДИН Ю. И.** Японское губернаторство Карафуто и советская военная администрация на Южном Сахалине // *Петербургский исторический журнал*. 2023. № 2 (38). С. 46–56. DOI 10.51255/2311-603X_2023_2_46. EDN UEDIZB.

26. **РЯЗАНЦЕВ С. В., СМЕРНОВ А. В., РЯЗАНЦЕВ Н. С.** История миграции из Российской Империи в Аргентину в конце XIX – начале XX века // *Былые годы*. 2023. № 18 (3). С. 1227–1242. DOI 10.13187/bg.2023.3.1227. EDN NBTWFZ.

27. **РЯЗАНЦЕВ С. В., ПИСКУНОВ С. А.** Организованная трудовая миграция вьетнамцев в Россию: история и современность // *Вьетнамские исследования: электронный научный журнал*. 2023. Т. 7, № 3-2. С. 39–52. DOI 10.54631/VS.2023.732-288542. EDN UIIYKL.

REFERENCES

1. SKRYNNIKOV, R. G. (1983). *Ivan the Terrible*. Publishing House “Nauka”. <https://elibrary.ru/trybcl>.

2. ZHURAVLEV, S. V. (2000). “Little people” and “big history”: *Foreigners of the Moscow Electroavod in Soviet society of the 1920-1930s..* <https://elibrary.ru/pxnrgf>.

3. GOLUBEV, A. V. (2004). “Welcome, or personnel only”: Concerning the closeness of the postwar soviet society. *National History*, (4), 32–53. <https://elibrary.ru/owppkd>.

4. КНЕИФЕТС, В. А. (2005). USSR experience in attracting foreign labor. In B. A. Kheifets (Ed.) *The Use of Foreign Labor in Russia: Problems and Pros-*

pects (pp. 210–213). Institute of International Economic and Political Studies of the RAS. <https://elibrary.ru/zshsyh>.

5. VASHCHUK, A. S., & KRUSHANOVA, L. A. (2006). Mobilization forms of replenishment of labor resources in the USSR in 1945-1950. *Russia and the Pacific*, (1), 5–13. <https://elibrary.ru/hzncar>.

6. YUDINA, T. V. (2009). *Soviet workers and employees at concession enterprises of the USSR during the NEP years*. Volgograd State University. <https://elibrary.ru/quculz>.

7. YUDINA, T. V. (2010). Soviet and foreign workers and employees at concession enterprises of the USSR in 1920-1930s. *Power*, (9), 120–123. <https://elibrary.ru/mutyef>.

8. KHODYAKOV, M. V. (2011). Labour immigration to the Soviet Russia on the closing stage of the civil war (1920-1921). *Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg University*, (5), 252–265. <https://elibrary.ru/oblquh>.

9. SHEFOV, N. A. (2020). External factors in the modernization of Soviet industry in 1925-1950. *Free Thought*, (2), 39–48. <https://elibrary.ru/duomqx>.

10. KISKIDOSOVA, T. A. (2022). Chinese and Korean workers at the Chernogorsk coal mines in the 1930s. In R. V. Pavlyukevich, & S. T. Gaidin (Eds.) *Grishaev Readings* (pp. 77–86). Krasnoyarsk State Agrarian University. <https://elibrary.ru/dkvjih>.

11. BASIK, V. P. (2004). *Legal status of citizens of the Russian Federation and foreigners in Russia*. Moscow University Publishing House. <https://elibrary.ru/qwclqr>.

12. BELKOVETS, L. P., & SHERSTOBOEV, O. N. (2013). *Foreigners in Russia: Historical and legal research*. Alpha-Porte. <https://elibrary.ru/xugbds>.

13. GERASIMENKO, YU. V., ZHILYAEV, A. V., & SHEVCHENKO, S. V. (2016). *Foreigners in Russia: Historical and legal analysis*. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. <https://elibrary.ru/ztgkjf>.

14. ERMAKOVA, O. K., & RUKOSUEV, E. YU. (2019). Foreign immigrants and specialists in Russia in the XVIII century: Legislative regulation of stay (based on the materials of the full collection of laws of the Russian empire). *Herald of Humanities Education*, (2), 7–21. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.19.015>.

15. DATSYSHEN, V. G. (2021). On the problem of the Passport and Visa system for Chinese migrants in the Russian empire. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*, (4), 159–172. [https://doi.org/10.31696/2618-7302-](https://doi.org/10.31696/2618-7302-2021-4-159-172)

[2021-4-159-172](https://doi.org/10.31696/2618-7302-2021-4-159-172).

16. AVERIN, M. B., BABENKO, V. N., & ROMANOV, V. V. (2021). The role of the council of ministers in the implementation of legal regulation of the labor of foreign workers in the far east of the Russian empire (1907-1914). *Bylye Gody*, (16), 969–980. <https://doi.org/10.13187/bg.2021.2.969>.

17. AVERIN, M. B., & ROMANOV, V. V. (2021). The council of ministers of the Russian empire and the law of 1910 “On the establishment of certain restrictions within the Amur general governorship and the Trans-Baikal region, the Irkutsk general governorship for persons who are foreign citizens”. *Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*, (4), 16–24. <https://elibrary.ru/ueoegx>.

18. KABUZAN, V. M. (1998). *Emigration and re-emigration in Russia in the 18th – early 20th centuries*. Publishing House “Nauka”. <https://elibrary.ru/rywhut>.

19. KUZIN, A. T. (2010). The postwar recruitment of North Korean labor to industrial works in Sakhalin oblast (1946–1960s). *Russia and the Pacific*, (3), 148–156. <https://elibrary.ru/mvcsqf>.

20. PAVLOVA, V. V. (2012). State regulation of labour force immigration within the USSR in the 1920s. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, (12-1), 184–188. <https://elibrary.ru/phegzh>.

21. DIN, YU. I. (2020). The influence of the reform and post-reform period on the lives and migration of Sakhalin Japanese and Koreans. In A. S. Vashchuk (Ed.) *Reforms of the late 20th – early 21st centuries in the Post-Soviet space: Regional aspect* (pp. 261–267). Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the RAS. <https://doi.org/10.24411/9999-056>.

22. RYAZANTSEV, S. V., & RYBAKOVSKY, L. L. (2021). Demographic development of Russia in the XX-XXI centuries: Historical and geopolitical dimensions. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*, 91(9), 810–819. <https://doi.org/10.31857/S0869587321090085>.

23. PLIEVA, Z. T. (2021). Migration history of Iranians in the North Caucasus. *Bulletin of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*, (4), 49–56. <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-4-49-56>.

24. DATSYSHEN, V. G. (2022). The Chinese population of Trans-Baikal under the conditions of the Stalinist system in the 1930s. *RUDN Journal of Russian History*, 21(1), 57–71. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-57-71>.

25. DIN, YU. I. (2023). The Japanese governorship of Karafuto and the Soviet military administration in South Sakhalin. *Petersburg Historical Journal*, (2), 46–56. https://doi.org/10.51255/2311-603X_2023_2_46.

26. RYAZANTSEV, S. V., SMIRNOV, A. V., & RYAZANTSEV, N. S. (2023). The history of migration from the Russian empire to Argentina at the end of the 19th –

beginning of the 20th centuries. *Bylye Gody*, (18), 1227–1242. <https://doi.org/10.13187/bg.2023.3.1227>.

27. RYAZANTSEV, S. V., & PISKUNOV, S. A. (2023). Organized labor migration of Vietnamese in Russia: History and modernity. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 7(3-2), 39–52. <https://doi.org/10.54631/V.S.2023.732-288542>.

Информация для авторов

Статьи направляются на электронную почту редакции management-ui@ranepa.ru. Представляемая статья должна соответствовать структуре IMRAD и включать разделы:

- введение;
- материалы и методы;
- результаты;
- обсуждение.

В случае необходимости допустимо включать раздел «Обзор литературы».

Объем статьи должен составлять 30–40 тыс. знаков с пробелами. Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале. Допускается не более 10 % самоцитирования.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Должны иметь последовательную нумерацию и не превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке).

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 20 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (Web of Science или Scopus).

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников) и может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности, упоминаться непосредственно в тексте.

Обязательным требованием является наличие кодов DOI или EDN в каждом русскоязычном источнике. Для англоязычных источников обязательно наличие только кода DOI. Код EDN можно обнаружить на странице описания публикации в научной электронной библиотеке eLibrary. При отсутствии этих кодов источник следует указывать в виде постраничной сноски.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация.

Порядок изложения информации должен соответствовать структуре статьи и включать разделы: введение; материалы и методы; результаты; обсуждение.

Объем аннотации должен составлять 2–2,5 тыс. знаков. Её текст не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах:

- ФИО (полностью);
- AuthorID РИНЦ; ORCID, ScopusID, ResearcherID;
- место работы (учебы) и его почтовый адрес;
- ученая степень, ученое звание;
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и коды ВАК (1-2 кода).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Не принимаются статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации.

Научное издание

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
119571, Россия, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1

Издатель:

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес редакции:

620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<https://journal-management.com/>

Компьютерная вёрстка: Д. И. Трушков
Корректурa: А. В. Ким
Перевод: Э. Э. Недоросткова

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-85748 от 25.08.2023

Дата выхода в свет: 29.02.2024. Формат 60×84/8.
Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 11,43. Уч.-изд. л. 10,81. Тираж 999.
Цена свободная

Отпечатано в ООО Издательство и Типография «Альфа Принт».
Адрес: 620049, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. Заказ № 17836

